

Дни
Трубец

Диана Трубецкая
Ловушка для ангела.
Тайны дома на
Берсеневской набережной
Серия «Городская легенда»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11104880
Ловушка для ангела. Тайны дома на Берсеневской
набережной / Диана Трубецкая: Авторское; Москва; 2015*

Аннотация

Знаменитый дом на Берсеневской набережной... В канун Рождества, в двадцатиградусный мороз, известная модель по неизвестным причинам выбегает из дома одетая только в ярко-красное платье и прыгает вниз с моста в реку. На следующий день это становится главной новостью всех таблоидов, но ничего подозрительного в ее квартире в тот день обнаружить не удалось, за исключением того, что она вся была заставлена цветами. Огромные букеты алых роз, расставленные по всему дому, просто поражали воображение... Что же случилось за стенами этого скандально известного дома?...

За дело берется следователь по особо важным делам Любовь Романова, чей блестящий ум способен разгадать даже самые запутанные загадки.

Содержание

Пролог. Прыжок в ледяную бездну	6
Глава 1. Чудовища ночной тьмы	10
Глава 2. Дочь Духа Солнца	18
Глава 3. Смерть с ароматом «Шанель»	26
Глава 4. Рычание тигра	37
Глава 5. Знамение	46
Глава 6. Проклятие казнённого	53
Глава 7. Роза судьбы	61
Глава 8. Русский Нострадамус	73
Глава 9. Договор с Искусителем	77
Глава 11. Кара за любовь	94
Глава 12. Суровое воспитание	104
Глава 13. Фиалковый омут	115
Глава 14. Кладбищенское заклятие	123
Глава 15. Рубикон судьбы	127
Глава 16. Дом спаленных судеб	140
Глава 18. Непризнанный гений	145
Глава 19. Когда земля уходит из-под ног	148
Глава 20. Капкан для маленькой мышки	157
Глава 21. Гонки забвения	167
Глава 22. Смертельные забавы	171
Глава 23. Дочь Командарма	179
Глава 24. Ворон смерти	186

Глава 25. Новая любовь вождя народов	192
Глава 26. Все будет хорошо	195
Глава 27. Дьявол ждет вас...	198
Глава 28. Вторая сломанная роза	209
Глава 29. Новое убежище	219
Глава 30. Легенда о безумном юристе	230
Глава 31. Шаги в темноте	234
Глава 32. Ромео и Джульетта XX века	241
Глава 33. Ловушка для ангела	249
Глава 34. Бегущая в лабиринте	256
Глава 35. Легенда о маршале Жукове	263
Глава 36. Свет в конце тоннеля	266
Глава 37. Любовь и ненависть	274
Глава 38. Когда в глазах загораются звёзды	282
Глава 39. Знамена конца	286
Глава 40. Роковая встреча	291
Глава 41. Когти Дьявола	295
Глава 42. Расплата за грехи	300
Глава 43. Кровавая исповедь	303
Глава 44. Грешники	313
О серии	317

Диана Трубецкая

Ловушка для ангела.

Тайны дома на

Берсенеской набережной

Пролог. Прыжок в ледяную бездну

Москва. Наше время.

Поздно вечером в канун Рождества немногочисленным прохожим предстало странное видение. Из известного дома на Берсеневской набережной выскочила невероятно красивая девушка. И, несмотря на то, что на улице было двадцать градусов мороза, на ней было лишь ярко-красное атласное платье в пол.

Струящееся на ветру полотно облегло изящную фигуру девушки, так что девушка казалась прекрасной точёной статуэткой, которая вдруг ожила и куда-то побежала со всех ног, как будто за ней гналась толпа самых настоящих демонов, которые хотели съесть ее заживо. Один рукав соскользнул с плеча, приоткры-

вая полную грудь, длинные волосы разметались по плечам. Хозяйка дома двигалась машинально и ритмично, в такт звучащей музыке. Затуманенный взгляд невидяще смотрел куда-то вдаль. Стороннему наблюдателю она показалась бы воплощением соблазна.

Она бежала к мосту, и никто её не останавливал. Во-первых, потому, что в такую стужу в сумерки ни у кого не было особого желания бродить по улицам и всё прятались в уютных домашних гнёздышках, а во-вторых потому, что из-за разбушевавшейся метели дальше трех метров ничего нельзя было разглядеть. Мария всё дальше удалялась от серой громады дома, из которого выбежала, и всё ближе приближалась к Москве-реке.

Ступни девушки так окоченели, что она уже не чувствовала их вообще. Подол платья трепетал на ветру, обнажая стройные худощавые ноги. Одно плечо так и оставалось обнажённым, словно она потеряла всякую чувствительность к холоду. Ноги уже не слушались, и она шаталась от ветра, но всё же упорно бежала, спотыкаясь, к Большому Каменному мосту.

Добравшись до цели, девушка застыла на месте и взглянула вверх. Вечернее иссиня-тёмное небо искрилось серебряными звёздами, и было прекрасным и равнодушным. Она застыла, словно прислушиваясь. Но так ничего и не услышала – в душе царил

страшная пустота, а вокруг – мрачное безмолвие. Затем девушка взглянула вниз. Внизу, в тёмной и сумрачной речной глади отражались звёзды. Прошло несколько минут, во время которых Мария явно на что-то решилась. Уже не медля, она решительным и быстрым шагом подошла к краю моста и, не останавливаясь, соскользнула вниз. Падение было мгновенным.

А метель продолжала кружить, словно замечая все следы испытанных несчастной горестей и страданий. Огромный серый дом, хранящий столько секретов, поглотивший столько человеческих судеб, напоминающий мрачный дворец, всё так же равнодушно высился посреди Болотного острова, а дверь брошенной квартиры была раскрыта настежь, только утром соседи сообщили об этом в полицию. За годы службы полицейские видели много всего... Но такое...

В роскошной квартире в доме на Берсенеvской набережной звучала негромкая томная музыка, которая казалась такой знакомой... Она словно окутывала вещи незримой дымкой, от которой хотелось уснуть и видеть приятные и беззаботные сны. В квартире царилo тяжелое и неизъяснимо приятное благоухание. Оно напоминало ароматы восточных благовоний – сильное, и в то же время необычайно изысканное.

Приятный и пронзительный аромат исходил от роз.

Они заполнили квартиру везде – стояли на подоконниках в роскошных вазах, на полу в корзинах, украшенных блестящими лентами из фольги, на столах. Там где не было цветов, пол был усыпан их лепестками. Розы заполняли все комнаты, лепестки их были рассыпаны в ванной. Прекрасные живые розы, некоторые ярко-красные, а некоторые – с бархатистыми алыми лепестками, пронизанными чернотой. Отдельные цветы были рассыпаны по полу, пряча сквозь нежную зелень листьев опасные шипы...

Спустя несколько минут следователь вспомнила мелодию. Это было хорошо известное в советские времена танго под названием «В парке Чаир». И с ней была связана одна из многочисленных зловещих и таинственных легенд, которые окружают дом на Берсневской набережной...

Глава 1. Чудовища ночной тьмы

Год назад, весна, Париж.

По бывшей аллее Вдов, а ныне Авеню Монтень — одной из главных улиц высокой моды в Париже, раздавался дробный звук женских туфель на шпильках. Девушка торопилась, она не любила темноты, а ночь уже царила над землёй. Первый час ночи. Наконец Мария дошла до знакомого проулка. Здесь было совсем темно и безлюдно. Горящие огни реклам широкой Авеню скрылись из виду, а клочки света были вырваны из темноты тусклыми уличными фонарями. Автомобилей, изредка освещавших своими фарами Авеню Монтень, здесь тоже не было. Именно поэтому глухое рокотание авто заставило Машу вздрогнуть.

Обернувшись, Мария увидела столь странную картину, что ей показалось, что это сон. Огромный грузовик стоял на тротуаре в нескольких десятках метров от неё. Он был чёрный, словно гранит, а между его фарами...

А разве грузовики ездят по тротуарам?

Эта мысль мелькнула у Маши вскользь, тогда как её глаза, неотрывно глядящие на огромную машину, продолжали всё осматривать, а сознание с компью-

терной точностью анализировало увиденное.

Между фарами грузовика яркой белой краской был нарисован череп.

А какие грузовики ездят с черепом между фар? Вероятно, труповозки, машины, перевозящие трупы, хотя до сих пор ни по телевизору, ни на улице она такого никогда не видела. Да мало ли чего она не видела? Тут необязательно видеть, достаточно почувствовать. Ощутить, как ветер веет от огромных чёрных колёс, и грузовик сдвигается с места, чтобы двинуть напрямик на неё. И если она сейчас что-то не сделает, то от неё останется одно мокрое кровавое пятно. Пятно с ошмётками мяса посреди белой мешанины обломков костей...

— Господи, что за мысли у меня, одёрнула себя девушка, слегка приходя в себя и стараясь унять охватившую её дрожь. Да разве такое бывает? Зачем ему давить меня, что я кому на этом свете сделала? Но всё же... череп... Почему этот череп так нагло скалится на меня, глаза пустыми глазницами?

И тут глухой рокот неожиданно возобновился, огромные колёса завертелись, и фура сдвинулась с места. На секунду Маша замерла, словно испуганная лань, все ещё не веря в происходящее. Грузовик, который неведомо как и откуда появился из ночной тьмы на тротуаре, двигался прямо на неё. Затем

сработал инстинкт самосохранения, и Маша побежала. Она бежала, словно зверёк, знающий, что обязан убегать от свирепого хищника, но в душе уже понимающий, что спасения нет. Модные очаровательные туфельки на тонких высоких шпильках сейчас только мешали, и Маша отбросила их в сторону, и дальше уже неслась босиком, в кровь стирая ноги на попадающихся острых камешках. Рокот грузовика настигал, но она ещё была жива, и это было ещё более странно, ведь машина должна была её догнать и сбить моментально.

Набравшись мужества, Маша оглянулась – грузовик был в нескольких метрах от неё – огромная тёмная тень, неотрывно следующая за своей жертвой. Перед Машей мелькнуло лицо водителя, и девушку охватил ещё больший ужас – на месте лица была мерзкая и мрачная маска какого-то монстра. Кровавый оскал огромного рта делал его похожим на мрачно смеющегося клоуна из фильмов ужасов.

А это и не человек. Это чудовище. Чудовище, пришедшее из моих детских кошмаров, чтобы сожрать меня живьём. Сейчас будет один короткий удар и от меня ничего не останется. Ни тела, ни сознания...

Маша была удивлена, что ещё успевает о чём-то думать, тогда как её тело реагировало на происходящее само собой, мгновенно принимая решения о нуж-

ных действиях. Маша свернула в следующий переулок, такой же глухой и тёмный.

– Возможно, водитель не поймёт, куда я растворилась и остановится или поедет своей дорогой, – подумалось ей, но где-то внутри она понимала, что никакой надежды нет. Она была обречена и знала это.

Надежды не было. В следующем переулке за бегущей девушкой всё так же раздавался глухой рокот. Не выдержав, Маша снова обернулась и увидела, что грузовик тоже остановился. Почему же он никак не закончит дело? Погоня длилась уже минут десять, и у Маши от непрерывного бега разрывалось сердце и сводило дыхание. И всё же она была всё ещё жива – грузовик до сих пор её не раздавил.

Неужели ты ещё не поняла, дура? Он же играет с тобой. Играется, как кот с мышкой, перед тем как сожрать. Немного погоняет – и прикончит.

Она уже не могла бежать. Первый рывок был так силен, что теперь сил уже не осталось. Маша растерянно оглянулась вокруг – если бы было можно спрятаться... Но мрачные громады домов, нависавших на узким проулком, равнодушно молчали. Все подъезды были наглухо закрыты и ни одна дверь не откроется. Маша устало опустилась на тротуар. Ей всё равно не скрыться – не хватит сил. Так пусть свершится, что должно.

Внезапно дверь фуры-монстра открылась, и водитель вышел наружу.

Значит всё же маньяк, – обреченно подумала Маша. Меня не раздавят, а изнасилуют и прикончат. Может быть ножом, и на шее у меня появится такой же широкий красный оскал, как на маске чудовища. И может только потом раздавят. Чтобы превратить в мокрые кровавые ошмётки и так замести следы преступления...

Но водитель снова поступил вопреки Машиным ожиданиям. Он подошёл к кузову грузовика и завоzilся, открывая дверь. И через минуту ночную тишину нарушило громкое рычание. Монстр выпустил своего зверя.

На обомлевшую девушку неотрывно смотрели ярко-зелёные огоньки глаз в обрамлении огненно-рыжей шерсти. От грузовика смерти к ней медленно подкрадывался огромный тигр...

Откуда здесь мог взяться тигр? – мелькнула в мозгу очередная усталая мысль. Впрочем, наверное, оттуда, откуда и этот грузовик, и монстр в маске. Это всё нереально. Может, я вообще сейчас сплю и вижу кошмары. А тигр – это ведь истинный царь зверей, вдруг вспомнился Маше абзац когда-то прочитанной книги. Он весит гораздо больше льва и намного сильнее. А у льва просто вид более царствен-

ный. И вот сейчас зверь раздерёт меня своими мощными лапами с острыми когтями, изуродует лицо, выцарапает глаза, а потом белоснежными клыками перекусит горло...

Тигр приближался на удивление медленно, и, несмотря на дикую усталость, тело девушки стало реагировать. Пока разум уже смирился с неотвратимой смертью, тело уже обдумывало путь к спасению.

Тигр силен, пока может тебя достать. Прикоснуться своими лапами, когтями, зубами. Но если он этого не сможет... Может дерево?

Маша оглянулась на высокие каштаны, которыми была обсажена улица. Нет, не успеть. Да и тигры – не львы, они лазают по деревьям.

Внезапно взгляд девушки упал на рядом стоящий дом, и мозг пронзила неожиданная идея. Быстрее молнии Маша бросилась к высотному дому, возвышавшемуся в метре от неё. Тигр, заметивший, что девушка сдвинулась с места, рванулся к намеченной жертве. Его клыки пролетели в нескольких сантиметрах от её ноги, и всё же он не успел. Маша со скоростью спринтера карабкалась по узкой пожарной лестнице наверх – к крыше дома. Лестница казалась хрупкой и неудобной, руки скользили, но лёгкая девушка довольно легко взобралась на нужную высоту. Зверь, раздражённо хлестая себя длинным хвостом по бо-

кам, нервно ходил туда-сюда под лестницей, злобно рычал, сверкая изумрудными огнями зрачков, но свою жертву ему было уже не достать. Взобраться на лестницу он не мог.

Взобравшись метра на три, Маша вцепилась в лестницу и вновь замерла в ожидании.

– Это меня не спасёт, – тоскливо подумала она, ведь остаётся ещё один монстр – чудовище в маске. Уж двуногие чудовища умеют лазить по лестницам.

Прошло несколько томительных минут, и тут неожиданно послышался рокот грузовика. Маша оглянулась. Тигра внизу уже не было. А грузовик медленно тронулся с места и столь же неспешно скрылся за углом проулка.

Стуча зубами от смертельного испуга, Маша ещё полчаса просидела, вцепившись в поручни лестницы. Но больше её никто не преследовал. Смертельная угроза миновала, и монстр-человек со своим зверем по неведомым жертве причинам отступил.

* * *

Она была птицей. Большой, сильной и красивой, птицей, которая парила в небесных высях, спала на скалах, видела звёзды и ныряла в невесомых облаках. Полёт приносил такое наслаждение... Она так

любила этот мир, эту землю и небо... Ей было дано больше, чем многим, – ощущение невесомости, полёта, свободы. Возможно, что перед тем, как стать птицей, она была ангелом...

Но однажды что-то случилось. Кто-то, какой-то злой охотник с земли, набросил на шею невидимую удавку и повлёк птицу к земле. И она падала и падала бесконечное количество времени, пока не достигла земли. Но удавка продолжала тянуть, и внезапно под ней разверзлась бездна. И она продолжала падать уже в бездну, и оказалась в маленькой комнате без окон и дверей, и поняла, что попала в ловушку, из которой ей уже не выбраться. Здесь не было ни воды, ни еды, и оставалось всё меньше воздуха. И удушье уже начало забирать её жизненную силу. Майор полиции Любовь Романова ощутила, что задыхается и... проснулась. И увидела свою комнату и привычный дневной свет. Всё было как обычно. Пока...

Глава 2. Дочь Духа Солнца

Год назад. Таиланд. Бангкок.

Изящные, словно стебли лотоса, танцовщицы, с золотыми венцами на головах и в необыкновенно ярких нарядах, украшенных золотыми и серебряными нитями, с бесчисленным количеством украшений, извивались в страстном танце. Постепенно они сбрасывали с себя многослойные юбки и накидки, и одежды на их смуглых и гибких телах становилось всё меньше. Приятная и томная мелодия убаюкивала присутствующих, в зале был полумрак, и всё тонуло в созданной особыми спецэффектами дымке.

Вот танцовщицы уже разоблачились до серебристых и золотых купальников, которые мало что скрывали, и начали извиваться вокруг шестов, выделявая немыслимые па и демонстрируя чудеса акробатики.

Великолепный зал одного из самых больших и дорогих ресторанов Бангкока сиял и искрился от блестящей мишуры. Всё казалось необыкновенно дорогим и роскошным. Но особой изюминкой зала был прекрасный ручной павлин, который неспешно разгуливал среди публики, вызывая восхищение своим огромным распушенным хвостом с яркими, перелива-

ющимися всеми цветами радуги узорами на перьях.

В центре зала разместилась большая компания гуляк. Составленные вместе столики ломились от экзотических азиатских яств, среди которых были даже маленькие жареные лягушки, напоминающие кальмаров, сырые чёрные крабы, маринованные в рыбном соусе, и коронное среди закусок блюдо – большие коричневые жуки и их личинки, поджаренные на оливковом масле. Впрочем, всю фирменную экзотику, такую как жареные крысы, тухлые вековые яйца или змеиный суп том ям компания попробовать всё же не решилась.

– Юленька, от всей души поздравляем тебя с двадцатипятилетием, – раздался юношеский голос и с места поднялся высокий стройный парень с бокалом шампанского в руке. По тому, как он смотрел на эффектную ярко накрашенную брюнетку с точёной сексуальной фигурой, любому стало бы ясно, что он давно в неё влюблён. – Желаем тебе всегда оставаться такой, какая ты сейчас – душа любой компании, которую мы все обожаем. При этих словах голос паренька заметно вздрогнул.

Эффектная брюнетка неторопливо поднялась, раскачивая бёдрами, подошла почти вплотную и, сверкая белоснежными зубами, рассмеялась ему прямо в лицо.

– Спасибо, Серёженька! Чего же ты желаешь от именинницы за столь сердечное поздравление?! – в голосе Юлии явно слышалась издёвка, тонкие породистые ноздри раздувались, а большие чёрные глаза вызывающе блестели.

Паренёк как-то сжался и ничего не ответил, тогда как компания стала подобострастно хором скандировать:

– Танец Змеи, танец Змеи, Юленька, на бис!

– Брюнетка довольно усмехнулась, словно просьба её спутников доставила ей большое удовольствие. Взяв с блюда большого жука, она неторопливо положила его в рот и с наслаждением пережевала, с ещё большим удовольствием наблюдая, как от отчётливого хруста насекомого во рту глаза её спутников расширяются и наполняются неподдельным отвращением.

– Что ж, если таково ваше желание, я готова его исполнить. Юлия поклонилась и, виляя бёдрами, подошла к небольшому помосту в центре зала, на котором обычно танцевали самые талантливые танцовщицы, чтобы завести публику.

Зазвучала страстная завлекающая мелодия. Юлия начала извиваться вокруг шеста. Её движения были быстры и страстны, а тело, обнимающее шест, казалось столь гибким, что действительно было похоже на змею. Девушка выделяла такие акробатические па,

что у публики, которая смотрела теперь не на сцену, а только на помост, где она выступала, по телу проходила сладкая дрожь восхищения. Коротенькое блестящее серебром платье обнажало стройные ноги и падало вниз, когда Юлия свешивалась с шеста вниз головой. Оттуда она смотрела на публику, и её язычок соблазнительно выдвигался, облизывая губы. Постепенно девушка начала раздеваться. Сначала платье превратилось в коротенькую юбку, а затем и во все сползло вниз. На теле остались только блестящий серебристый бюстгальтер и такие же трусики-стринги. Когда бюстгальтер был отброшен, публика удивлённо замерла, заметив, что соски полных грудей украшали небольшие золотые колечки, между которыми была натянута золотая цепочка. На спине была нанесена татуировка мужчины и женщины, слившихся в любовном экстазе.

Танец Юлии становился всё более неистовым. Её тело извивалось в разные стороны, обнажённая грудь дрожала, и колебания цепочки вторили этой дрожи. Бёдра двигались словно отдельно от тела и полные упругие ягодицы, едва прикрытые крохотными стрингами, непристойно дрожали и содрогались. Её танец был наполнен такой сексуальной энергией, что не было в этот момент в зале мужчины, который бы не хотел её всеми фибрами тела. Они страстно ласкали обна-

жённых танцовщиц, сошедших с подмостков сцены и удобно устроившихся у них на коленях, но это была лишь слабая компенсация за возможность ощутить в своих руках тело прекрасной длинноволосой артистницы, извивающейся перед ними на шесте.

Юлия была в явном экстазе. Ощущая всеобщее восхищение, она чувствовала, как её переполняет поток энергии. Ей хотелось петь и кричать, а Юлия всегда делала то, что желала.

– О великий отец Легбу! – завопила она хриплым голосом, – Великий дух Солнца, божество священных африканских деревьев, бог дверей и входов, ворот, тропинок и перекрёстков, и великого колдовства! Я прошу у тебя покровительства и удачи! Дай мне счастье, дай мне удачу, дай мне вечную молодость и красоту! Сделай меня богиней!

Юлия выкрикивала эти фразы снова и снова, белки её глаз закатились, длинные чёрные волосы разметались по смуглому загорелому телу, руки переплелись вокруг шеста. Она казалась безумной, а зрители замерли, ощутив, что наблюдают уже не просто танец сексуальной стриптизёрши, а соприкоснулись с чем-то таинственным, мистическим и запретным.

Внезапно Юлия сорвалась с места и схватила павлина, который как всегда неспешно разгуливал между столиками. Она плотно, словно охапку травы, при-

жала его к своему телу, и снова выпрыгнула на сцену. Павлин молчал, и только его маленькие глазки испуганно светились в полумраке. Юлия продолжила танцевать, прижимая павлина к себе, и продолжая повторять свою литанию – восхваление таинственному богу Легбу. И тут раздались такие бешеные вопли, что зал содрогнулся. Им на минуту показалось, что в зал ворвалась дикая взбесившаяся кошка и хрипло мяучит не своим голосом. Но через минуту стало ясно, что дикие звуки издаёт павлин. Юлия выдрала у него из хвоста одно из его роскошных перьев и вплела его в свои роскошные волосы. Капелька крови с пера перетекла на её лицо.

Танец выступавшей становился всё более неистовым. Она уже не оплеталась вокруг шеста, а дико вертелась и танцевала по всей сцене. За ней наблюдали в гробовой тишине – никто не решался нарушить это странное сакральное действо. Время от времени эту тишину нарушали дикие вопли павлина – это Юлия выдирала у него перо за пером, и водружала их себе на голову, так что вскоре у неё в волосах появился роскошный сияющий венок из радужных перьев.

В зал вбежал хозяин ресторана и попытался вырвать вопящую от боли птицу из рук безумной танцовщицы. Но Юлия увернулась и, спрыгнув со сцены, схватила в руки огромный нож.

– Не приближайся, – выкрикнула она хозяину ресторана, – или я перережу тебе горло! И её глаза сверкнули таким безумным огнём, что мужчина попятился.

– Включить музыку, – рявкнула Юлия музыкантам, которые немедленно повиновались ей, и действие продолжилось.

Но хозяин не отступал, изо всех сил пытаясь спасти несчастную птицу, к которой его семья привыкла, как к члену, семьи и который был культовым символом этого ресторана. Благодаря птице ресторан называли не его исконным названием, а по его главной примете «У павлина».

– Эй, охрана, – выкрикнул хозяин слегка охрипшим голосом, – что вы стоите и смотрите? Не можете справиться с одной сумасшедшей?!

Повинуясь хозяйскому приказу, охранники окружили сцену и стали подступать к Юлии. Девушка снова выставила перед собой нож: «Не подходи, – зарежу!».

Но в этот момент на Юлию со спины бросились два охранника. И, несмотря на визг и пронзительные вопли, вырвали нож и скрутили руки за спиной.

– Вы не имеете права, – закричала Юлия! – Берегитесь, не стоит связываться с Юлией Корниловой, а не то сильно пожалеете!

В это время подбежал хозяин и схватил брошенного девушкой наземь павлина. Он прижал бедную пти-

цу к груди и быстро ретировался из зала, не реагируя на Юлины угрозы.

Но девушка быстро забыла о нанесённом ей оскорблении. Пробудившаяся в ней дикая энергия бурлила и требовала выхода. Внезапно она подбежала к близлежащему столику, схватила оттуда откупоренную бутылку дорогого красного вина и начала поливать ею тело. Струи вина потекли по, коже словно красные ручейки крови.

– Музыку, – снова дико завопила Юлия и вновь закружилась под экзотическую мелодию, поливая себя вином. Её тело тряслось в диких судорогах, обгрённое вином и потом, и казалось, что его действительно заполонили тёмные потусторонние силы.

Глава 3. Смерть с ароматом «Шанель»

Полгода назад, Москва.

На роскошном голубом ковре с длинным ворсом навзничь лежала женщина. Издалека можно было бы подумать, что она спит, но подойдя ближе, любой бы содрогнулся от ужаса. Её скромная, когда-то красивая кофточка была залита кровью – женщина была убита ударом ножа прямо в сердце. От трупа исходил волшебный аромат духов. Эксперт немедленно определил бы, что это – «Шанель № 5». Вид мёртвого тела, еле ощутимый запах тлена и аромата духов порождали странные полумистические ощущения. В левой руке женщины была зажата сломанная белая роза. Стекающая кровь покрасила белые лепестки ужасным кровавым оттенком. И если бы кто-то догадался расстегнуть пуговицы кофточки, то увидел бы на груди убитой кровавое, нанесённое острым скальпелем изображение рычащего тигра...

Сегодня она дотянулась до облаков. Они были воздушные и невесомые, и она качалась на них, чувствуя себя словно в раю. Это ощущение полёта было не сравнить ни с чем. Сначала разбег с большого холма и потом, после того как ты бежишь, боясь споткнуться, с привязанным тросом огромным крылом за плечами по земле, и просто не веришь, что взлетишь, потому что ведь человек – не птица и летать ему не дано, ты вдруг чувствуешь, как какая-то неведомая сила подхватывает тебя – и вот ты уже в воздухе. И время превращается в сказку. Ты не чувствуешь веса своего брэнного тела, не ощущаешь земли под ногами. Ты просто летишь. Раньше, до того как она начала летать на парашуте, она видела себя летающей только во сне. Эти сны были так прекрасны, и она видела их так часто. Но она никогда не верила, что это возможно в реальности. Чувство полёта – гораздо лучше, гораздо волшебнее, чем ощущение своего тела в воде. Когда воздух обтекает тебя со всех сторон, и ветер бьёт в лицо, а земля уходит всё дальше и дальше от тебя. А ты поднимаешься всё выше и выше, а потом несёшься со скоростью автомобиля в небе, глядя на открывающиеся пейзажи.

Во время полёта она чувствовала себя птицей – большой и свободной. Или ангелом. Хотя что должны чувствовать ангелы?.. Она не боялась. Никогда, за исключением первых дней полётов. А потом страх разбиться и другие опасения куда-то ушли. И она вдруг ощутила, что небо – это её стихия, и что ей в нём доступно всё. Ей доставляла наслаждение скорость, когда она летела на парашуте со скоростью 50 километров в час – как на машине. Ветер – когда потоки воздуха омывали и ласкали тело. Высота – она так любила находить термки – потоки тёплого воздуха, которые в буквальном смысле возносили её к облакам. Для парашуты не предел тысячи километров в высоту, и нижний слой атмосферы был ею уже хорошо изучен. Снижение – когда она стремительно падала вниз, видя, как приближается земля, ставшая ей такой родной. С тех пор, как она познала парашуту, вся её жизнь изменилась. Она стала человеком-птицей. Или человеком-ангелом. И не всегда хотела спускаться с небес на землю.

А на земле после полёта её уже встречал, отчаянно махая хвостом, Ветерок – большая немецкая овчарка – её самый верный и возможно единственный друг, которого она вырастила и воспитала из забавного щенка с большим чёрным носом. И теперь они вместе делили все радости и невзгоды этой непростой жизни.

В большой ванной, заполненной бурунами белоснежной ароматной пены, лежала женщина, отдыхая после продолжительного полёта. Казалось, что она спала, но на самом деле она просто наслаждалась каждой секундой покоя и безмятежности. Тёплая ароматная вода ласкала её тело, и ей казалось, что она парит на облаке, а её тело стало легче пуха и в любой момент может взлететь, словно невесомый листочек и переместиться на другое облако или полететь к морю и устроиться там на волнах, которые будут его убаюкивать мягко, словно в колыбели. А сверху её будет окутывать дыхание нежного прохладного ветра.

Резкая трель телефонного звонка прервала её медитацию. Какое-то время женщина не шевелилась, надеясь, что несвоевременный звонок утихнет сам собой. Но звонок всё звонил и звонил, не умолкая. Вздохнув, женщина поднялась на ноги, спешно укуталась в большое махровое полотенце и подошла к телефону.

— Любовь Николаевна? — раздался в телефоне голос Володьки Серебрякова — её докучливого напарника, — у нас снова срочный выезд. Убийство старушки. Тело нашли в доме на Берсеневской набережной.

Странное убийство, давно мы уже с таким не сталкивались.

В наступившем молчании женщина вникала в смысл сказанного. Но уже через мгновение её глаза прояснились, взгляд стал острым и осмысленным, а тело, расслабленное приятной ванной, собралось и сжалось, словно пружина.

– Буду через полчаса, – отрывисто и резко обрубив она неуместные откровения напарника и бросила трубку.

Через 10 минут в облачённой в полицейскую форму деловой даме уже никто бы не узнал ту соблазнительную сильфиду, которой она была несколько минут назад. Майор полиции Любовь Романова приступила к расследованию очередного преступления, совершённого в тёмных закоулках уголовного мира Москвы.

* * *

Возле серой и мрачной громады дома на Берсеневской набережной, протянувшегося на три гектара, и поэтому казавшегося таким же бесконечным, как бескрайнее поле, майора Романову встречал её напарник – капитан полиции Владимир Серебряков.

При виде высокого широкоплечего мужчины (как говорят в былинах – косая сажень в плечах) у Любви

как и всегда по спине забегали мурашки, а по телу прошёл непонятный озноб. Стройный подтянутый капитан, имевший чёрный пояс по карате и легко сражавший противника в рукопашной схватке, прекрасный профессионал, на счету которого был не один десяток посаженных за решётку бандитов, не мог оставить равнодушной ни одну женщину в их отделе. Но как-то так получилось, что капитан стал бессменным спутником Романовой – её верным напарником в работе. Люба прекрасно знала, что все знакомые бабы завидовали ей – «Какой мужик за тобой бегаёт!». Но саму Любовь это только раздражало, и она ни словом, ни намёком не подтверждала, что между ней и Серебряковым есть что-то большее, чем нейтральные рабочие отношения. Вот и сейчас, заметив за собой эту слишком «женскую» реакцию на привлекательно-го мужчину, Романова недовольно нахмурилась и сухо спросила:

– Что там, Володя? Я так понимаю, у нас труп со знаками? Да уж, давно у нас не было подобных убийств.

Вид у Серебрякова был мрачный и расстроенный.

– Люб, ты лучше сама всё посмотри, хорошо? Ну что тут описывать? Эх! – не договорив, капитан досадливо махнул рукой и быстрым шагом пошёл вперёд. Любовь пошла следом, прилагая усилия, чтобы

догнать Серебрякова.

* * *

Открывшаяся в квартире картина заставила сердце Любы болезненно сжаться. «Мама моя того же возраста. А вот если бы с ней, не дай Бог, так... Какой же подонок!». Осмотрев тело, Люба отрывисто спросила, стараясь, чтобы голос не выдал бушующих в ней чувств:

– Что удалось узнать об убитой?

Василий Кравчин, опытный пожилой опер с многолетним стажем ответил, пряча глаза. Ему, как и всем, было как-то совестно и неудобно за то, что они видят эту когда-то миловидную пожилую женщину в таком неприглядном виде, и никто уже не в силах это исправить. Не защитили...

– Узнали, Любовь Николавна. Старушка-то уборщицей работала в модельном агентстве. Известное у нас в столице-матушке. «Image Model Club» называется. У них модели по всему миру тусуются – на мировых подиумах шмотки показывают. Поспрашивал я там у них про тётю Клаву. Все в один голос отзываются – хорошая была женщина, сердечная. Как её дежурство, так без гостинца не приходила – всё выпечку с собой приносила – пекла она знатно. И всё раздавала в этом

их агентстве. У моделей знаете ж как – непонятно что и едят, фигуру берегут. А против гостинцев тётки Клавы никто устоять не мог – всё съедали. И работающая была – к работе серьёзно относилась. Всё у неё чистотой блестело. Её в пример другим всегда ставили. И характер хороший – всех выслушает, всем посочувствует. Любили её все...

– Да уж, – вздохнула Люба, – не старушка, а божий одуванчик. Кому ж она тогда дорогу-то перешла? Может корыстные мотивы?

– Ну, тётя Клава не больно-то богата была, – вздохнул Василий. – Обычная пенсионерка. Все доходы – пенсия да этот вот приработок. Копить было не из чего, денег за ней отродясь не водилось. Муж умер, жила одна. Из всего имущества – одна двухкомнатная квартира. Квартира, конечно, неплохая – полнометражная, и то, что в Москве, для многих ценно. Тут уж надо по родственникам пробивать.

– А они у неё есть? – всё также неохотно и отрывисто задала вопрос Люба.

– А как же... Двоих детей родила-воспитала. Сына и дочку. До них мы пока не дошли.

– Окей, – кивнула Любовь. – Доделывайте тут как обычно – проводите все экспертизы, ищите улики, ну, не мне вас учить. А я родственников и свидетелей опрошу. Кстати, это и есть её квартира? Она ещё и в

элитном доме жила?

– Да нет, что вы, – встрепенулся Владимир. – Она в доме по соседству жила. А обнаружили вот здесь.

– Так как же она оказалась в чужой квартире? – брови Любы удивлённо сдвинулись. И чья это квартира вообще?

Да девушка тут одна арендует. Одна здесь жила. Она труп и обнаружила. Представляете её состояние? Чуть с ума не сошла. Пришлось вколоть ей лошадиную дозу снотворного – теперь спит в соседней комнате. Как проснётся – допросим.

Любовь только головой покачала. Первая и самая простая версия, которая приходила в голову, – старушку ограбил обычный грабитель. Ну, есть такие, что ради копейки убить готовы. Но при чём здесь эта квартира, в которой живёт одинокая девушка?.. И эти странные знаки – цветок в руке, тигр, вырезанный на груди?.. Нет, простые версии тут не вписывались...

– Хорошо, – в который уж раз вздохнула Люба. Оставляю вас работать, а я к соседям, потом – к родственникам. Может, что и прояснится...

* * *

На звонок в соседнюю дверь на той же площадке Любе через время открыла пожилая седовласая жен-

щина. Не снимая с двери цепочку, она удивлённо глядела на стройную молодую девушку в форменной юбке и кофточке.

– Вам чего? – испуганно спросила она. – Случилось что? Вы из полиции?

– Я бы хотела задать вам несколько вопросов, – ответила Люба, стараясь, чтобы её голос звучал как можно мягче и спокойнее. Совершенно убийство. Опрашиваем свидетелей и соседей.

Неожиданная реакция соседки заставила её вздрогнуть. Женщина вдруг побледнела как смерть и затряслась. Казалось, что её вот-вот хватит падучая.

– Значит, это началось опять, – прошептала она, – значит, он опять начал убивать...

– Кто «он»?! – удивлённо переспросила Люба. Вы что – видели убийцу? И мне было бы удобнее вести беседу, если бы вы сняли цепочку с двери и разрешили войти.

Но женщина её словно не слышала.

– А разве вы ничего не знаете? – исступлённо зашептала она, так, что у Любы вдруг возникло подозрение, что она говорит с помешанной. – Это же дьявольский дом. Он кишит привидениями. В нём много-много тёмной силы. Он притягивает смерть. Дом её и убил. Нечего вам и искать. Дом, в котором находится преисподняя, и Дьявол выходит по ночам на прогулку, –

вот кто убийца!

Глава 4. Рычание тигра

Год назад, Москва.

Мария шла свободной летящей походкой «от бедра», широкой «восьмёркой», ощущая, как соблазнительно покачиваются бёдра и как сквозь ткань полупрозрачного платья слегка просвечивает полная упругая грудь. Она была счастлива. Ей доставляло наслаждение движение, таинственное освещение, делавшее сцену ещё более прекрасной, восхищение в глазах пристально следящей за каждым её движением публики, яркие вспышки телекамер, воодушевлённые аплодисменты при каждом её выходе на сцену. Непомерно высокие каблуки модельных туфельек заставляли её слегка покачиваться, но никакого чувства неуверенности не было. Ведь она знала, что не упадёт ни при каких обстоятельствах. Каждый её шаг был отточен и заострён солидным опытом выступлений и бесконечными репетициями. И сейчас Мария чувствовала лишь наслаждение, словно каждым своим шагом покоряла вершины Эвереста.

Сегодня подиум самого большого зала знаменитого Grand Palais – великолепного Дома Моды в Москве цвёл, словно тропический сад. Сцена была заставле-

на огромными вазонами с экзотическими деревьями и тропическими цветами. Живые цветы мешались с устлавшим пол искусственным зелёным мхом, настоящие живые лианы завесили сцену, создавая впечатление тропического леса. И среди этого растительного великолепия, словно прекрасные сказочные феи порхали манекенщицы в восхитительных платьях ярких насыщенных оттенков. Ниспадающие полупрозрачные ткани светились всеми оттенками радуги и мало что скрывали. В результате получилось зрелище невиданной красоты и чувственности.

Дорогие прекрасные ткани платьев, стоящих не одну тысячу долларов, восхитительные украшения и почти ничем не скрытые тела прекрасных женщин, которые в этих нарядах напоминали то ли восточных танцовщиц в гареме падишаха, то ли восхитительные тропические цветы.

При появлении каждой манекенщицы публика не могла сдержать восторженных возгласов. Ведь здесь собрался весь цвет российской моды – самые прекрасные манекенщицы России. К Марии Евдокимовой московская публика ещё не успела привыкнуть, так как Мария не так давно блистала на известных подиумах, и поэтому красота и профессионализм этой белокурой красавицы вызывал в зрителях особенный восторг. При её появлении чинные и сдержанные

мужчины и женщины превращались в восторженных и хулиганистых детей, которые свистели, улюлюкали и громко выкрикивали восторженные комплименты: «московская роза», «белокурая фея», «прекрасная лилия». Нежная и в то же время роскошная красота манекенщицы возбуждала каждого, и в зале не было мужчины, который не представлял бы Марию в своих объятиях и своей постели.

Их восхищала фигура Марии – стройная и изящная, но вместе с тем округлая во всех нужных местах, её высокая и необычно большая для манекенщицы грудь, которая выгодно выделяла её среди прочих, хоть и красивых, но слишком уж худых и бестелесных женских фигур. Их покоряли длинные белокурые волосы, уложенные в крупные вьющиеся пряди, сине-зелёные с поволокой глаза, нежная белая кожа, тонкие черты лица, изящный носик, полные чувственные губы. Эта женщина была воплощением нежной чувственной красоты и соблазна, и восхитительные наряды, в которые её наряжали самые известные модельеры Москвы, не заслоняли её образ, а напротив, подчёркивали его, словно говоря, что они созданы именно для этой женщины.

Телевидение, радио, газеты, модные глянцевые журналы быстро растиражировали образ прекрасной русской красавицы. Её снимали во всех ракурсах:

в закрытых строгих нарядах и откровенно сексуальных, в открытых купальниках и экзотических восточных платьях, и всё ей одинаково шло и подчёркивало её нестандартную красоту. Очень скоро после выхода на модные подиумы Мария Евдокимова стала известна.

* * *

У выхода из Grand Palais Марию ждал роскошный серебристый лимузин. Предупредительный водитель, открывший дверцу авто, символизировал окончание общения с многочисленными представителями модной тусовки: восхищёнными модельерами, любопытными журналистами, выпытывающими все подробности её жизни и без конца щёлкающими фотоаппаратами, тележурналистами, призывавшими сказать несколько слов в прямой эфир их передачи. Маша быстренько спряталась в огромном салоне своего удлинённого авто и задёрнула шторы. Затем удобно откинулась на сидении и налила в фужер тонизирующий фруктовый коктейль, который находился в числе прочих алкогольных и безалкогольных напитков в баре лимузина. Она включила свою любимую музыку, усиленную спецэффектами вмонтированной в салон автомобиля стереосистемы, и дискотечную подсветку

«ночное небо». От кабины водителя её отделяла специальная непрозрачная перегородка, так что можно было спокойно отдыхать, наслаждаясь впечатлениями от только что пережитого показа.

А дома её ждала такая же роскошь как и всё, что окружало её теперь. Они с Глебом остановились в специально предоставленном для них частном особняке с мраморными, расписанными затейливым арабским узором полами, с великолепными натяжными потолками, большим бассейном и роскошным садом. Каждая вещь в этом доме напоминала произведение искусства, а огромная двуспальная кровать из натурального дерева под тяжёлым тканевым пологом была похожа на королевское ложе.

Мария замерла в предвкушении. Дома её ждёт Глеб. Она прекрасно понимала, что никакая роскошь не подарила бы ей такого удовольствия, если бы не было его – её мужчины, такого сильного, такого властного, и умеющего дарить такое наслаждение.

* * *

Встретивший Марию в особняке человек чем-то напоминал французского актёра Венсана Касселя в фильме Даррена Аронофски «Чёрный лебедь», в роли импозантного властного и капризного хореографа

Тома Леруа. Высокий, худощавый, с нервными манерами и порой эпатирующим поведением, Глеб Волшанский производил на женщин магнетическое впечатление. Он был богат и властен, он «лепил» в своём модельном агентстве звёзд модных подиумов и этого было достаточно, чтобы в глазах большинства женщин выглядеть неотразимым. Мария ощущала себя в его присутствии Галатеей, которую создали из глины, а затем вдохнули в неё жизнь. И Глеб, кажется, считал так же.

Как только Мария вошла во двор, Глеб, дрожа от возбуждения, набросился на неё с поцелуями. Правда, они почему-то слегка напоминали укусы.

– Дорогая, непревзойдённая, моя умница, мой цветочек, – повторял он снова и снова, целуя её лицо, шею, грудь, разрывая и сбрасывая с неё одежду. – Мы победили, ты была самой прекрасной на этом показе. В других московских агентствах с ума сойдут от зависти. О, моя королева.

– Глеб, Глеб, ну постой, – Маша пыталась убавить страсть мужчины. – Не время сейчас. Позволь я хотя бы душ приму – я же только с показа! И не рви, пожалуйста, платье, оно же стоит бешеные деньги, ты же мне сам его купил!

Но Глеб ничего не слышал. Он потащил Машу в сад и бросил прямо на ковёр зелёной, недавно выбив-

шейся из-под земли травы. Обнажив грудь, он страстно всасывал по очереди крупные, слегка удлинённые соски, словно капризный ребёнок, соскучившийся по материнскому молоку. Мария позабыла обо всём, постепенно поддаваясь ласкам мужчины и наслаждаясь ласками и поцелуями. Девушка начала расстегивать рубашку Глеба. Ей так хотелось его ласкать, что она остановила мужчину, уложила его на спину и начала целовать сама. Мария обхватила ладонями лицо Глеба и обцеловала каждую чёлточку. Когда девушка начала облизывать язычком уши и покусывать мочки, мужчина обессиленно застонал от наслаждения. Маша спустилась к груди и язычком начала облизывать и ласкать соски на груди. Глеб застонал ещё сильнее. Маша довольно улыбнулась. Она любила эти моменты власти над мужчиной, когда он превращался в ребёнка, и был счастлив от наслаждения, которое она ему доставляла. В такие мгновения она могла сделать с ним всё, что хотела, и ей было приятно, что ничто не могло быть для него важнее этих ласк, что он так нуждался в ней.

Мария спустилась ниже и начала ласкать смуглый впалый живот. Когда она спустилась еще ниже, стоны мужчины стали такими громкими, что Маша обрадовалась, что они находятся в частном доме. Наконец, Глеб вновь взял инициативу в свои руки. Он покрыл

поцелуями всё тело девушки и поспешно вошёл в неё. Этот секс был похож на насилие – Глеб, изнывая от нетерпения, взял её слишком грубо. И всё же теперь уже Маша застонала от наслаждения, ощущая внутри себя движения этого сильного и беспощадного самца. Наконец, излившись прямо в неё, мужчина расслабленно обвис всей своей тяжестью. Маша обессиленно лежала под ним, не решаясь пошевелиться. Для неё тяжесть тела Глеба была самым сладким грузом на свете. Наконец, через несколько мгновений, показавшихся ей вечностью, Глеб поднял голову и поцеловал её в губы, сильно и властно всасывая её язык в свой рот. Когда поцелуй закончился, Маша решилась заговорить.

– Глеб, ну что же ты, я же хотела хотя бы принять душ...

– Душ?! – Глеб от души рассмеялся. Что за пустяки тебя беспокоят, моя малышка. Будет тебе душ! И, подхватив Марию на руки, вместе с ней прыгнул в бассейн, вода которого всегда подогревалась до приятной телу температуры. Там он начал обмывать её сам, словно куклу. И Мария, опасаясь, чтобы опять не дошло до секса, – Глеб порою бывал так страстен, что его трудно было остановить, и он мог заниматься любовью днями подряд с короткими промежутками на еду и отдых, – поспешила выбраться из бассейна под

предлогом того, что она страшно проголодалась.

Стол в столовой уже был накрыт. Вместе с особняком предупредительная администрация предоставила к их услугам многочисленный персонал, так что о бытовых заботах думать не приходилось. Стол, словно скатерть-самобранка, был заставлен всевозможными изысканными яствами, дополненными, как неизменным атрибутом, красной и чёрной икрой.

Затем Маше удалось отбиться от вновь вспыхнувшего страстью Глеба и уйти к себе. Ей всё-таки хотелось отдохнуть и поспать после наполненного эмоциями и впечатлениями дня. От этих намерений Марию отвлекла горничная, которая принесла на серебряном подносе какое-то письмо. Вероятно, опять какой-то поклонник признаётся в любви, – сонно подумала Маша и вскрыла конверт. И тут, при виде содержимого письма, сердце девушки бешено забилось, а тело охватила неумяная дрожь. В письме была напечатана всего одна фраза:

– Готовься, ты скоро сдохнешь.

А вместо подписи стоял рисунок рычащего тигра. И в его глазах застыла чёрная адская бездна.

Глава 5. Знамение

Юлия и Сергей стояли на крыше бангкокского небоскрёба. Юлия снимала большую квартиру в пентхаусе, из которого на крышу небоскрёба выходил собственный лифт. Под ними были шестьдесят этажей, и непрерывно движущиеся машины казались с этой высоты игрушечными. Вокруг были видны крыши других, более низких домов, и везде бросались в глаза яркие огни реклам, которыми так богат Бангкок. Весь город казался одной сплошной праздничной и сияющей игрушкой.

Юлия вскочила из-за столика и подтащила слегка упирающегося Сергея к краю крыши. И хотя её обрамляли стеклянные перила им по пояс, у Сергея все похолодело внутри. Парень мало кому признавался, что боялся высоты. И сейчас на этой крыше, куда его заставила взобраться Юлия, ощущения у него были малоприятные. Зато Юлия веселилась. Она подбежала к перилам и до половины нагнулась над ними, пристально разглядывая копошащихся внизу людей, которые казались такими маленькими и нереальными, словно кто-то свыше вдохнул жизнь в оловянных солдатиков. Под ней расстилалась бездна.

– Мы на крыше мира в Городе Ангелов, как сами

тайцы называют Бангкок, – дразняще смеясь девушка посмотрела на Сергея. Ну, подойди же сюда поближе, посмотри какая красота! – Или слабо?!

Сергей, преодолевая сильное внутреннее сопротивление, подошёл к Юлии. Не так из-за её поддразнивания, как из-за страха, что с ней что-нибудь случится. Вдруг не рассчитает равновесия и полетит вниз. Он взял девушку за руку, преодолевая желание крепко стиснуть её в объятиях. Юлия расхохоталась.

– Что, испугался за меня, дурашка? Боишься, что полечу вниз? – её хриловато сексуальный голос обернулся страстным шёпотом. – А сам бы прыгнул за мной? А если бы я вот сейчас приказала тебе: «Прыгай!» – прыгнул бы?!

Зрачки Юлии расширились, тело напряглось, рука до боли сжала руку Сергея. Она казалась безумной.

Сергей ещё больше напрягся.

– Хороши же у тебя эксперименты, дорогая, – он попытался перевести всё в шутку.

– Эх ты! – с издёвкой воскликнула Юлия. Разучились нынче мужики жертвовать жизнью ради прекрасных дам. А я то думала!

И увидев, что Сергей нахмурился, сменила тему.

– Ну, пойдём пить, курить и наслаждаться жизнью!

Юлия повлекла Сергея за их столик в уютном ресторанчике, окружённый великолепным тропическим

садом с экзотическими деревьями и цветами. Столик был подсвечен голубым фонариком, но их фигуры и лица тонули в полумраке. Юлия отпила из хрустального бокала с зелёным коктейлем, а затем неспешно достала и вдохнула принесённый с собою кокаин. Её глаза ещё больше заблестели, а взгляд потерял ясность. Она довольно и расслабленно откинулась на спинку диванчика и выглядела так, словно уже попала в ту нирвану, к которой так стремится человек в восточных религиях.

— Юлька, — встревоженно вскинулся Сергей, — да ты что?! Это же наркотики, ты же станешь наркоманкой! Ты подумала о том, что можешь привыкнуть?!

— Ай, не нуди, — досадливо отмахнулась девушка.

Юлия внезапно вскочила и с силой потянула Сергея за руку в сад. Он был так велик, что в его отдалённых уголках уже не было видно посетителей ресторана. Сергею на миг показалось, что они оказались в глухом тропическом лесу, где нет места цивилизации.

Остановившись за большим разлогим деревом, Юлия набросилась на Сергея с поцелуями. Парень оторопел. Среди их знакомых они не считались парой, Юлия всегда держала его на расстоянии, неизменно отталкивая и откровенно издеваясь над его неумелыми ухаживаниями. Ну а то, что Сергей давно влюблён в неё, знали все, считая его жалким неудачником на

любовной ниве. «Мол, повезло же бедняге влюбиться. И главное, в кого!» Юлия всегда была окружена толпой более удачливых поклонников, что было совершенно не удивительно, учитывая её красоту и общественный статус. И тут вдруг это неожиданное и страстное желание.

Но думать было некогда. Юлия уже сбросила с Сергея рубашку и расстегнула брюки. Несколько умелых ласкательных движений рукой, и Сергей уже не мог себя контролировать.

— Но здесь же нельзя, — людей полно, — совершенно ослабев, безвольным шёпотом попытался возразить Сергей. — Если нас увидят, то охранники вышвырнут нас немедленно и на самом интересном месте.

— Плевать, — прошептала Юлия в ответ. — Какое мне дело до общественного мнения, если я хочу тебя?! И пусть весь мир видит и завидует нам!

Девушка продолжала ласкать тело Сергея, целуя и щекоча языком соски на его груди, массируя восставшую плоть, поглаживая ягодицы и с удовольствием наблюдая, как этот красивый, сильный и умный мужчина слабеет и тает в её руках, теряя всякую волю к сопротивлению. Затем толкнула его на траву, словно тряпичную куклу и села на него в позе наездницы. От удовольствия Сергей вскрикнул и закрыл глаза. И когда Юлия задвигалась, ему показалось, что они поме-

нялись с ней местами. Ему показалось, что он перестал быть мужчиной – трезвым и сильным, и превратился в безвольную девушку, которая сдалась на волю страстному насильнику и полностью подчинилась ему.

* * *

Когда всё закончилось, Сергей чувствовал себя как никогда обессиленным и счастливым.

– Так значит, мы теперь вместе? – с надеждой спросил он свою насильницу.

В ответ Юлия лишь насмешливо расхохоталась.

– Да ты не бери дурного в голову! – с издёвкой заявила она. – Это был всего лишь каприз. Ты ведь, я думаю, уже заметил, что я всегда беру от жизни то, что хочу. Вот и тебя взяла. А чего мне захочется завтра, говорить ещё рано. Так что, не тешь себя ложными надеждами! – с этими словами девушка оделась и, виляя бёдрами, вернулась к их столику.

К её немалому удивлению, за столиком уже сидел человек. Он был так худ, словно не ел ничего несколько месяцев, одет в лохмотья и зарос длинной бородой.

«Небось, какой-то нищий, – подумала Юлия. Хочет попросить подаяния. Ну и охамели же они... Как его

вообще пустили в элитный ресторан на крыше небоскрёба?!».

Она уже было открыла рот, чтобы прогнать незнакомца, но он упреждающе посмотрел на неё столь мрачным и глубоким взглядом, что Юлия оторопела и не решилась заговорить первой.

– Живёшь в своё удовольствие, Лилит, и топчешь всех под собой, – внезапно заговорил незнакомец, и Юлия ещё более оторопела от его глубокого и зловещего голоса. – А не ведаешь того, что Дьявол за тобой уже по пятам ходит. Скоро ты войдёшь с ним в сделку и окончательно погубишь свою непутёвую жизнь. Берегись своих желаний, ибо это змеи, которые сожрут тебя. Страшные события ждут тебя, Колдунья, много крови и зла. И нет спасения ни тебе, ни роду твоему. Но Бог всё видит – берегись его. Потому что от его гнева тебя не спасёт ни колдовство, ни твои африканские духи.

Слушая эту зловещую белиберду, Юлия, наконец, пришла в себя.

– Да кто ты такой и как смеешь мне такое пророчить?! – гневно закричала девушка. – Эй, охранник, сюда!

Но незнакомец не стал дожидаться, пока его вышвырнут из зала. Он неспешно поднялся и с достоинством, которое никак не гармонировало с его жалким

внешним видом, ушёл в глубину сада. Через несколько секунд он растворился среди деревьев, точно дух, лишь на миг появившийся в мире живых. Подбежавшая охрана обыскала сад, но так никого и не нашла.

Глава 6. Проклятие казнённого

Это место было обагрено кровью веков. На том месте, где сейчас стоит дом на Берсенеvской набережной, когда-то были палаты знатного боярина Берсени Беклемишева. И до сих пор над Зловещим Домом витает его проклятие.

Москва, год 1525

На худом месте, проzванном Болотом, собралась вся придворная знать. Ждали только Великого Государя Василия III, Божию милостию царя и господина всея Руси. Возле помоста, сооружённого поодаль, стоял боярин Берсеня Беклемишев. Совсем недавно боярин этот был во славе и почёте, и приближен к самому государю. А теперь, развенчанный и лишённый всех милостей царских, разорённый и позорные пытки испытавший ждал он бесслаvного своего конца в царском присутствии.

За что попал боярин в царскую немилость, доподлинно известно не было, говаривали лишь, что осмелился он выступить против самого государя, утверждая, что «переменил де князь Василий старые обычаи». За хулу на государя боярин должен был сейчас поплатиться ретивой своей головушкой.

При появлении государя, которого подданные его признали по осанистой бороде, суровому мрачному взгляду, богатой царской одежде да большой свите, Берсеня, пытаясь хоть как-то спасти свою жизнь, упал на колени:

– Государь-батюшка, – завопил несчастный боярин, кланяясь в пояс и стуча по присыпанной снегом земле лбом, – смилуйся, молю тебя! Оклеветали меня пред тобой слуги твои, псы нечестивые! Не говорил я про тебя ни слова худого, ни мыслю даже не грешил, а что мне приписывают, так не было ничего. Я всегда тебе служил верой-правдой, и не было у меня намерений худых супротив тебя! Пощади меня хоть ради жены моей несчастной, да пожалей детушек моих малых!

В отчаянии несчастный громко зарыдал. При виде этой трогательной сцены у многих из присутствующих навернулись на глаза слёзы, но суров и беспощаден был взгляд царя, и ни тени сомнения не проскользнуло на его каменном лице. Он лишь досадливо отвернулся и махнул рукой:

– Начинайте!

И закипела работа. Два палача – дюжие детины, одетые в красные кумачовые рубахи да тёплые полушубки, – была зима, и холод стоял лютый, установили на помосте огромный котёл и разожгли под-

ложенные под него дрова.

Боярина в это же время разоблачили от одежд, оставив перед толпой нагишом. Несчастный подпрыгивал от жестокого холода, прикрывая руками срам. В это же время на Москве-реке пробивали лопом толстую корку льда, прорубая большую полынь.

Вскоре приготовления были закончены. Огромный котёл был наполнен кипящей, пузырящейся от высокой температуры водой, на реке голубела вода, видневшаяся в прорубленной полынье. Зачитанный приговор звучал ёмко и кратко:

— За хулу на государя Всея Руси Василия III боярин Берсеня Беклемишев лишается всех своих званий и нажитого имущества и приговаривается к смертной казни!

Двое палачей, охранявшие боярина, подхватили его под руки и поволокли к полынье. На льду дрожащего и вопящего Берсеню обвязали под руками толстой верёвкой и медленно опустили по самую шею в ледяную воду. Крики несчастного разносились на несколько вёрст кругом. На лицах наблюдающей за пыткой толпы виднелась жалость. И только в царской свите слышались удалые издевательские выкрики. Пытаясь угодить государю, его приближённые делали вид, что им очень весело.

Вытащив через несколько минут несчастного из проруби, палачи поволокли его обратно. Боярин совсем обессилел, и его синее заledenевшее тело бес-сильно обвисло в их руках. Однако поняв, что ему предстоит дальше, боярин вдруг забился и стал вы-рывать-ся из рук своих мучителей. Но напрасны бы-ли его попытки, ему предстояло выдержать свою страшную пытку до конца. По специально соору-жен-ному помосту палачи выволокли мужчину на один уровень с котлом и постепенно, всё на той же ве-рёвке стали опускать в кипящую воду.

Несчастный кричал так сильно, что прису-тствующие затыкали себе уши, чтобы не слышать, и от-ворачивались, чтобы не было видно их слёз. Берсе-ню Беклемишева знали как порядочного, доброго и справедливого человека, и те, кто знали его, глубо-ко ему сочувствовали и жалели. Но, против царской воли не попрёшь...

К своему счастью Берсенья потерял сознание ещё до того, как его опустили по шею в кипят-ок. Видя, что крики умолкли, палачи вытащили полусваренно-го мужчину из кипятка и повлекли к плахе. После то-го, как несчастного окатили ведром ледяной воды, он пришёл в себя. Говоря шёпотом от нестерпимой боли, боярин прошептал:

– Будь ты проклят, царь! За муки мои ты и сам

сдохнешь мучительной смертью. И место это будет проклято. Не будет счастья тем, кто тут будет жить.

Через минуту всё было кончено – голова боярина Берсени Беклемишева скатилась по помосту плахи. Открытые глаза казнённого невидяще глядели в синее равнодушное небо. Толпа безжизненно молчала. В те времена ещё верили в пророчества, и сам государь был устрaшён проклятием казнённого боярина.

* * *

На месте дома казнённого Беклемишева были обустроены пыточные палаты, дабы само имя боярина звучало устрaшающе для несчастных узников этого дома. Здесь мучили людей: пытали их на дыбе, били кнутом, жгли огнём. Ни одна из устрaшающих пыток времён Василия III, а затем и Ивана IV Грозного не была обойдена в этих палатах. Чтобы получить нужную информацию узникам запускали иглы или гвозди под ногти (это называлось «рассказать подноготную»), били кнутами или палками, резали носы, то есть удаляли холодными или раскалёнными щипцами крылья носа.

Рядом, на том же Болоте (это место получило

такое прозвище, так как располагалось в низине, которая заполнялась в половодье) узников, прошедших многочисленные пытки, подвергали страшным и мучительным казням. Казни могли подвергнуть за разбой, убийство, измену или религиозные преступления. Считалось, что узнику повезло, если его просто обезглавливали. Но зачастую их сажали на кол или подвешивали за шею, ноги или ребра. Искусство палача заключалось в том, чтобы не повредить при этом жизненно важных органов, чтобы казнимый умирал медленно и в жесточайших мучениях. Иногда преступника четвертовали, то есть расчленяли тело с помощью топора. Если государь был милостив, то заключённому сначала отрубали голову и лишь затем – руки и ноги. Но часто делалось как раз наоборот.

При Петре I в обиход ввели казнь колесованием, когда преступнику ломали кости рук и ног с помощью колеса или дробили ломом. При Иване Грозном человека могли подвесить вниз головой, а затем рассечь на части. Практиковались массовые казни утоплением. Некоторые были заживо сварены в кострах. Другие умирали оттого, что им рубили перед обезглавливанием руки и ноги. Третьим отрезали по куску от тел до тех пор, пока они не умирали. Площадь на Болоте видала примеры невиданной

жестокости и буйства человеческих страстей.

При Екатерине II именно здесь был обезглавлен Емельян Пугачёв – отчаянный донской казак, страстный бунт которого зажжёт Россию, точно спичка охапку соломы. До того как Пугачёв был схвачен, сама царица-матушка страшилась своего самозванца мужа – Пугачёв, выдававший себя за якобы выжившего и законного государя всея Руси Петра III, и идущего на царицу и её окружение, чтобы отомстить за себя и взять власть в свои руки, устранил всю правящую верхушку. Но и его жизнь бесславно оборвалась на проклятом Болоте.

Майор уголовного сыска Любовь Романова с упованием листала страницы библиотечных архивов. Какая яркая история. Дом, в котором нашли труп уборщицы тёти Клавы, один из самых известных и элитных домов Москвы был сооружён на лобном месте.

Сначала это место на набережной Москвы-реки называлось островом царских садов, так как там был разбит царский сад, защищавший Кремль от пожаров. А затем оно превратилось в «кровососное» Болото. Именно здесь в начале XVI века запылал смертоубийственный костёр, напоминающий страшные костры европейской инквизиции средневековья. Тогда тут были сожжены пять человек, об-

винённых в заговоре против церкви. Наверняка, с их уст на Болото сыпались новые страшные проклятия. Здесь, на льду Москвы-реки проходили кулачные бои, обагрённые кровью их участников. В кроваво-красный цвет был окрашен и мясной рынок, который разворачивался зимой на льду Москвы-реки. Именно тут расположились палаты и церковь Малюты Скуратова – одного из самых страшных и жестоких приспешников Ивана Грозного, замучившего тысячи людей. Под его трапезной в XX веке под старыми церковными плитами были найдены сотни черепов.

Страшные истории приключились и с жильцами палат на Болоте. Плохо заканчивали жильцы дома на Берсеневской набережной в старину, страшные дела творились и в местах, где был построен дом. По сути, элитная и помпезная постройка покоилась на костях. Так может и права была «странная соседка» квартиры, где был найден труп тёти Клавды? И этот дом – это адская бездна, из которой сам Дьявол выходит по ночам на охоту?..

Глава 7. Роза судьбы

Москва, два года назад.

Маша оказалась в Москве уже поздно вечером. Ужасно хотелось есть, так что съезжая на эскалаторе в помещении вокзала она крепко вцепилась за поручни и закрыла глаза. У неё кружилась голова, и девушка боялась смотреть, как высоко она находится. Как только она выбралась на Киевский вокзал, то тут же подбежала к киоску с пирожками, благо, он сразу же бросился ей в глаза на многолюдном вокзале. Встала в небольшую очередь, сумки поставила возле скамьи, чтоб в очереди не пинали ногами – всё равно же стоят рядом и под присмотром. Набрав пирожков и купив бутылку воды, Маша подошла к скамейке, куда положила сумки. Стояла жара, в душном поезде, где она тряслась двое суток, Маша плохо выспалась и теперь её глаза просто слипались. Сил встать и начать искать себе жильё просто не было. Усталость сделала своё дело – Маша подложила одну из сумок в изголовье, растянулась на скамейке, стоявшей в тени развесистого дерева, и уснула мёртвым сном.

Когда Мария открыла глаза, уже был вечер. Ей приснилось, что мама обнимает её, гладит и целует. Но,

уже просыпаясь, она поняла, что это был лишь сон. И тут девушка встrepенулась от ужаса и моментально вскочила. Какой-то мужик сидел рядом с ней и гладил по обнажённому под сарафаном плечу. Перед тем, как Маша вскочила, он начал целовать её в шею. От мужика исходил явный запах пота и пива. Полупустая пивная бутылка стояла рядом со скамейкой.

– Да вы что?! – Маша задыхалась от возмущения, – вы что себе позволяете?!

Мужик поднялся с места.

– Извини, милашка, – виновато проговорил он, – думал, что ты не против поразвлечься. Уже ухожу!

Когда приставала растворился в вечерней дымке, и Маша вернулась к скамейке, сердце её вдруг замерло, а затем скатилось куда-то вниз – к самым пяткам и загрохотало с утроенной силой, а ее саму как будто обожгли адским огнем. Сумочка, в которой были все её деньги, исчезла.

* * *

– Вот и нашла приключений себе на одно место! – обессиленно подумала Мария. – Дожилась! Одна, в огромном чужом городе, и без копейки денег! И что теперь? Бомжевать будешь?!

Девушке хотелось зарыдать и немедленно побе-

жать кому-то жаловаться. Но как ни хотелось ей заплакать, жизнь отучила её без толку лить слёзы. Всё равно ведь ничем не поможет. Да и Москва, как известно, слезам не верит. Маша сгребла в обе руки оставшиеся сумки и побрела куда глаза глядят, расспрашивая прохожих, где ей разыскать какого-нибудь полицейского.

Постового долго искать не пришлось, и Маша, тут уж не выдержав, и начав всхлипывать, рассказала высокому широкоплечему мужчине в полицейской форме о своём злключении.

– Эх! – досадливо произнёс полицейский, с упрёком взглянув на молоденькую симпатичную девушку, казавшуюся такой хрупкой и беспомощной в своём коротеньком сарафанчике в крупный горошек. – Словно дитё ты... Ну как можно быть такой раззявой, да ещё и в Москве! Тут же жулья полно, в оба смотреть надо! Ну и как вот прикажешь твои деньги искать?! Ни примет вора никаких, ни свидетелей! Мне что – ходить по вокзалу и к людям приставать – верните, мол, деньги девчонке, а то она что делать теперь не знает?!

Маша молчала, опустив голову. Она и вправду не знала, что теперь этому полицейскому с ней делать.

– Родные, знакомые-то хоть есть? – уже не так сурово спросил полицейский после паузы.

– Нет никого, – ещё тише ответила Маша. Я работу

искать приехала. Думала, как приеду, сниму койко-место и сразу устроюсь куда-то...

– Эх, святая наивность, – ещё более досадливо крякнул мужчина. Да ты знаешь, сколько тут таких как ты бродят, да работу ищут? А сколько здесь даже просто койка стоит, знаешь?!

Маша опять стала всхлипывать. Ситуация казалась ей всё более безвыходной.

– Ну ладно, уже более деловито и спокойно сказал полицейский. Утро вечера мудренее. Пошли, построю тебя на ночь в участке, а затем уж утром определимся, что с тобой делать.

Этой ночью Маша ночевала в полицейском участке на топчанчике в одном из кабинетов. И сама себе казалась маленьким беззащитным котёнком, потерявшемся в огромном и чужом городе.

* * *

С утра Виталий Иванович, как звали полицейского, сделал несколько звонков и стал заметно веселее.

– Пошли на работу устраиваться, – весело предложил он. Счастье ещё, что есть у меня один знакомый грузин, в долгу он у меня за кое-какие грешки, так что мои просьбы выполняет. Будешь у него официанткой работать. У него и поселишься – есть там у него там

какая-то кладовка – будет хоть крыша над головой да свой угол, пока не найдёшь что получше.

Через пару часов грузин Гога – хозяин небольшого симпатичного кафе – уже вводил новую сотрудницу в курс дела.

– Тут, главное, клиенту панравиться, да поуслужливей быть. Тогда и спрос на тэбя будет, и чаевые хорошие. У нас тут в основном мужыки клиентура, а ты дэвчонка симпатичная, так что, всё у тэбя палучится!

Ты, главное, пособлазнительнее адевайся, юбку там пакорочэ, калготки в сэтачку, грудь чтоб видна была. Ну и бэгать надо вакруг клиента, ухаживать. Придьот, а ты ему стульчик атадвинь, улыбнись пашире, да на Вы, да падбэгай к нэму почаще, спрашивай, не надо ли чэго, да блюда наши рэкомендуй с выпивкой. Глядишь – и ты с дэньгами, и мнэ харашо! – и Гога сально расхохотался.

Маша внимательно слушала и усиленно кивала, со всем соглашаясь. Условия работы её не радовали («знала бы мама, что я тут официанткой устроилась, с тарелками бегать да мужикам пиво носить»), но делать было нечего – приходилось радоваться и этой работе.

На следующий день Маша в короткой юбке (специально пришлось подрезать и согласовать с Гогой) и в блузке, от которой Гога деловито оторвал две верхних пуговицы, обслуживала клиентов. Через полдня ноги начали ныть, как после продолжительного кросса – клиентов было много и всех следовало обслужить как можно быстрее. Но хуже всего было то, что с хорошенькой девчонкой, у которой, как успел сообщить Гога с циничным хохотком, в Москве вообще не было никого, посетители не церемонились. Немало было таких, которые во время заказа требовали подойти как можно ближе и норовили то хлопнуть по попке, то погладить по бедру, и все как сговорились пялились на нежную грудь, открывавшуюся в распахнутом вороте блузки. Маша смущалась, отбивалась от особенно назойливых, норовивших пощупать в недозволенных местах, но терпела, считая, что другого выхода у неё нет.

И неизвестно, как бы сложилась у Марии карьера официантки в этом заведении, если бы Гога не попытался «навесить» на Машу новые обязанности. Видя, какой популярностью пользуется у посетителей-мужчин его новая сотрудница, Гога через недельку внёс

коррективы в её работу.

– Машуля, – ласково подкатил хитрый грузин. – Сегодня вэчером ка мне придёт мой хороший знакомый. Ему вип-место выделяшь, ну, знаешь, за занавэсочками. А сама не спэши ухадить, подсядь к нэму, пагавари па душам. Он мужык хороший, за абщением скаучает – жэна ат него недавно ушла, так он адин сейчас. Ну вот, будь с ним паласкавее, а он щедрый, даст хорошие чаевые.

Заранее проинструктированная Маша, накрыв на стол, не вырывалась, когда мужчина средних лет схватил её за руку, чтобы удержать на месте. Она присела за столик в ответ на просьбу угоститься и составить ему компанию, и стала внимательно слушать излияния подвипившего посетителя. Наконец, когда было выпито изрядное количество стаканов пива, Маша собралась было уходить, но её новый собеседник внезапно схватил её за талию и начал ощупывать тело.

Мужчина елозил потными руками по талии, одной рукой пытался залезть под юбку и погладить бёдра, а другой – в ворот блузки. Склонясь к девушке, он покрывал её шейку горячими поцелуями. От мужика разило алкоголем и потом. Маша с возмущением стала вырываться – никто ещё из посетителей не заходил с ней так далеко, однако мужчина не отпускал, уверен-

ный в своей полной безнаказанности.

– Гога сказал, у тебя тут комнатка есть с уютной постелькой. Проведёшь? Не бойся, милая, я хорошо заплачу. Ну,веди же быстрее, ах, как я хочу тебя, уже не выдерживаю...

Возмущение добавило Маше силы, ловкости и решимости. Она так двинула мужика локтем в лицо, что тот от боли и удивления выпустил свою добычу из рук. Вырвавшись, Маша, уже не обращая никакого внимания ни на Гогу, ни на посетителей, быстро собрала свои вещи и выбежала из кафе прочь.

* * *

Маша мчалась от своих обидчиков из кафе словно быстрый челнок, парус которого надувает сильный ветер. Никого не видя, и не слыша ничего вокруг. И вдруг почувствовала, что с размаху налетела на чью-то широкую грудь. Мужчина, на которого она налетела и едва не сбила с ног, стоял у цветочного киоска и выбирал букет роз. И в тот момент у него в руках была ярко-красная роза. Роза, которая уколола Машу своими острыми шипами.

Это была первая роза, которая имела какое-то значение в её жизни. Потом их будет так много в её жизни – розовых, белоснежных, жёлтых и ярко-красных...

Колющих острыми иглами и сломанных, словно человеческая судьба.

На секунду Маша замерла в оцепенении, а затем ощутила, как чьи-то сильные руки прикоснулись к её плечам, слегка отстраняя. Девушка подняла глаза и увидела пронзительный чёрный взгляд, внимательно глядящий ей в лицо.

И мгновение остановилось. Подсознание девушки просканировало увиденное за несколько секунд. Высокий, стройный, широкоплечий. Под идеально облепившей широкую грудь рубашкой угадывались мускулы. Выразительные черты лица, в которых было что-то восточное, чувственные губы, обрамлённые аккуратной бородкой. Чёрные волосы, немного более длинные, чем принято у мужчин. Уложенные в стильную стрижку. Своеобразная внешность. Точно какой-то восточный принц вдруг оказался на её пути в тот момент, когда она со всех ног неслась от сальных похабников из захудалого кабака.

Но суть была не во внешности. Суть была в энергетике, исходившей от этого человека. Ток. От его тела бил электрический ток, который прошёл мгновенной молнией по всему телу девушки, едва лишь он к ней прикоснулся. А пристальный взгляд тёмных глаз с бездонными угольными зрачками заводил в какой-то тёмный омут, из которого, казалось, не было выхода.

Маша стояла, замерев, и тонула в омуте его глаз. И на мгновение ей показалось, что оттуда ей уже не вырваться. И она так и будет стоять неподвижно, словно застывшая соляная статуя.

Вдруг на губах у незнакомца появилась нежная улыбка, омут разошёлся, и Маша почувствовала, что её отпустили на волю. И действительно, руки незнакомца разжались и выпустили девушку из этой электрической ловушки.

— Неужели я такой незаметный, что об меня спотыкаются дамы? — с лукавой усмешкой спросил незнакомец.

— Да, извините, пролепетала Маша, зардевшись от неловкости. Чувствую себе ужасно глупо. Вы не думайте, я не всегда сбиваю с ног незнакомцев, просто сейчас особые обстоятельства. И лицо девушки омрачилось внезапной печалью.

Едва не сбитый Машей мужчина тем временем с большим интересом разглядывал девушку, словно птичку, попавшую в его сети. Несмотря на растрёпанный и смущённый вид, а может быть и ещё более благодаря ему, девушка казалась прекрасной. Большие миндалевидные сине-зелёные глаза, освещавшие лицо и очень похожие на восхитительные глаза Мэрилин Монро. Они то и дело меняли оттенки цвета и выражение, от чего на лице девушки отражалась

вся гамма её эмоций. Гармоничные черты лица – не совсем правильные, но отлично сочетавшиеся между собой. Немного курносый носик и еле заметные веснушки на щеках придавали ей какой-то девчоночий, задорный и очень милый вид. И это милое личико особенно эффектно обрамляла копна вьющихся светло золотистых волос. Крупные пряди доходили до пояса и восхищали своей пышностью и красотой цвета, словно блестящее на солнце золото. Фигура была не менее красива. Девушка была достаточно высокой и стройной, однако на фоне тонкой талии, бёдра и грудь вовсе не казались плоскими, а напротив, очень эффектно выделялись, точно у индийской танцовщицы. Сейчас незнакомка выглядела по-детски растерянно, но он уже отчётливо представил себе, насколько ярко и женственно она будет выглядеть в дорогом и открытом платье, и как заманчиво будут блестеть под перламутровой помадой эти прекрасные чувственные губы.

Пауза затянулась, но никто из них двоих этого не заметил.

– Ну, наконец, весело заметил незнакомец, прервав затянувшееся молчание, – я полагаю, что раз я выжил после вашего нападения, то нам следует хотя бы познакомиться. – Глеб, – представился он, слегка поклонившись. Этот манерный жест получился у него есте-

ственным, словно у какого-нибудь дворянина из XIX века.

– Маша, – пролепетала девушка, окончательно сбита с толку тем, что незнакомец решил завязать знакомство.

Так Мария в одно мгновение оказалась в жизни Глеба Волшанского.

Глава 8. Русский Нострадамус

В этом странном доме – доме на набережной, царило много теней. Одна из них – тень Лёвы Фёдорова – мальчика-пророка, чей дар предсказания был равен дару Нострадамуса.

Смеркалось. Быстро окутывающие город сумерки разгонял лишь тусклый свет фонарей. Но до десятого этажа он не доходил. Поэтому стайка мальчишек, сбившихся в кучку на балконе Лёвиной квартиры в доме на Берсеневской набережной, разгоняла сумрак светом большого мощного фонаря.

Всё внимание ребят было обращено на невысокого худенького мальчишку лет двенадцати, стоявшего возле перил. Похоже, что он сильно нервничал и чего-то боялся. Талию мальчика обвязали канатом, другой конец верёвки привязали к балконным перилам.

– Ну, залезай, – прозвучал чей-то командный голос.

И мальчик, не мешкая, полез на перила балкона десятого этажа. Компания помогла ему влезть и выпрямиться. И тут раздался его дрожащий и смертельно испуганный голос:

– Нет-нет, не бросай мою руку, я, я не могу, я бою-

у-у-сь! – Мальчишка зарыдал. – Помогите мне, я хочу слезть, я не хочу никаких испытаний, не хочу ни в какое общество!

Но было уже поздно. Мальчишки отстранились от него, и мальчик остался стоять на перилах, отчаянно балансируя на тонкой кромке, которая была уже его стопы. Компания следила за ним со страхом и восхищением. Под мальчишкой разверзлась бескрайняя пропасть бесчисленных этажей. Вот мальчику удалось сделать первый шаг. Затем второй... А потом, под очередным порывом ветра мальчик закачался и как осенний лист сорвался в пропасть...

Короткий канат не дал ему упасть, и мальчик, отчаянно хватаясь за верёвку, завис на другой стороне балкона. Мальчишки, словно стая испуганных воробьёв, бросилась вытягивать его. И только оказавшись на безопасной стороне балкона и стоя на твёрдой поверхности, он зарыдал. Мальчишки пытались его утешить, говоря, что он прошёл испытание, что он теперь с ними, но мальчик всё плакал и плакал, заново переживая испытанный шок и ужас. Так принимала компания Лёвы Федотова новых членов в ТОИВ – «Тайное общество испытания воли».

Таковы были оригинальные идеи Лёвы Федотова – мальчика, которого позже назовут пророком, русским Настродамусом. А ещё Лёва много читал за-

поем, писал поэзию и прозу, устраивая литературные конкурсы, закалялся тем, что ходил зимой в коротких бриджах и дрался с хулиганами из местной компании с такой яростью, что пробуждал у своих противников жуткий страх.

В свободное от прочих занятий время Лёва корпел над энциклопедиями и вёл дневники, которые и прославили его. В них он описывал картины будущего – ближайшего и более удалённого, предсказывал события. Считается, что мальчик-пророк предугадал войну и ее исход. Вот что он писал в тетради № XIV: «Хотя сейчас Германия находится с нами в дружественных отношениях, но я убежден (и это известно всем), что это только видимость. Я думаю, этим самым она думает усыпить нашу бдительность, чтобы в подходящий момент вонзить нам отравленный нож в спину...».

Эта фраза написана за 17 дней до начала войны. В своих тетрадях Федотов не только предсказал ход войны, крах Гитлера и рейха, но и дальнейшую холодную войну. Он знал, что СССР придётся воевать с Японией и что в 1969-м году американцы полетят на другую планету.

Жизнь у нового Нострадамуса из Дома на набережной была короткой. После начала войны Федотов всё просился добровольцем на фронт. Его не

брали из-за эпилепсии и близорукости. Потом всё же взяли. Но до фронта юноша та и не дожил. В учебной части под Тулой он попал в бомбёжку и погиб.

Много лет спустя гениальность Лёвы Федотова была оценена и о нём узнала вся страна. Вскоре после этого умерла мать Федотова и однокомнатная квартира № 262, в которой жил загадочный пророк, опустела.

Глава 9. Договор с Искусителем

Москва, год назад.

Роман Витальевич стоял на тумбочке на высоте нескольких метров и смотрел на лазурно-голубую воду, мягко колышущуюся под ним. Когда-то он боялся высоты, но преодолел себя в этом, как и во многом в своей жизни. И теперь он не боялся ничего. Вытянувшись в струнку со сложенными стрелой руками и сосредоточившись, мужчина оттолкнулся от тумбы и, словно комета, полетел вниз. Его сильное, как у Тарзана, красивое и мускулистое тело, блестевшее от загара, полученного на пляжах Лазурного берега, смотрелось очень эффектно, и Юлия, отличавшаяся большой наблюдательностью по отношению к мужчинам, с удовольствием это отметила.

— Папа, папочка, — завопила она от восторга, прыгая в бассейн. Она стрелой подплыла к отцу и бросилась ему на шею. Они виделись не так уж часто — нефтяной бизнес отца требовал разъездов по всему миру, и поэтому каждой встрече Юлия радовалась как ребёнок, зная, что она получит от отца всё, что только пожелает, словно восточная принцесса от богатого калифа.

Отец подхватил Юлию, словно пёрышко, и закру-

жил вокруг себя.

– Ну, что, куколка, соскучилась?! Давай, как обычно, на перегонки?

– Да ты растолстел, я обгоню тебя в два счёта!

И Юлия бросилась вплавь, чтобы доказать, что плавает быстрее отца. Роман Витальевич также зарабатывал руками, загребая под себя воду широким размашистым кролем. Где-то с середины длинного бассейна выяснилось, что отца Юлии всё же не догнать – он опередил её на несколько метров.

Роман Витальевич смеющимся взглядом наблюдал, как подплывает к нему его дочурка, обиженно ругаясь от досады. В руках у него был бокал martini, которое он закусывал крупными маслинами, горкой лежащими в большом блюде, которое поставила на край бассейна вместе с бутылкой вина домработница.

– Папуль, ну как же так?! Я плаваю каждый день, занимаюсь с тренером, а ты приехал раз в месяц и без всяких усилий меня обогнал!

Роман Витальевич от души рассмеялся. Он обожал свою дочурку, и её взбалмошное поведение только забавляло его.

На несколько мгновений время в его сознании остановилось и вернулось в тот один из самых жутких моментов его жизни, когда его бывший друган Витька-Доцент, а ныне злейший враг, которого он порвал

бы в ключья, если б только мог дотянуться, держал семимесячную Юльку за талию, небрежно, словно куклу, и, мерзко ухмыляясь, угрожал разmozжить ее престную ангельскую головку об угол гранитной столешницы. Малышка отчаянно вопила в его руках и пыталась вырваться, чувствуя, что оказалась в недобрых руках, а Роман поклялся в душе, что если Юлька останется живой, он полностью изменит свою жизнь.

Это было первое в его жизни убийство... Он убил обидчика его дочери выстрелом в голову, в один миг превратившегося из хищника в беспомощную жертву.

А затем он поклялся себе, что выйдет из этого мира, в котором право на хорошую жизнь имеет лишь тот, кто сильнее, и человек человеку волк, и за право на существование ты затаптываешь жизни других.

Он вырвался. Но какой ценой... Свою Дашеньку, красавицу-жену, вместе с Юлькой долгое время прятал в бункере под землёй. Даша не выжила. Отравили, запустив ядовитый газ в вентиляционную шахту. Юльку чудом удалось спасти. Он тоже выжил. Довёл до сведения других паханов, что закатает в бетон каждого, кто посмеет угрожать ему и его семье. И ему поверили. А тот, кто убил Дашу, — один из королей преступного мира, несмотря на круглосуточную охрану целого отряда братков, уже давно покоился в сырой земле под помпезным гранитным памятником,

который соорудили ему соратники-паханы.

Романа зауважали. Настолько, что отпустили без боя, позволив забрать свою долю денег. И дальше уже преступному миру Москвы вход к дверям его дома был закрыт. Роман пошёл учиться, закончил нефтегазопромышленный факультет. А затем в сотрудничестве с опытными консультантами начал свой бизнес.

Дело пошло – скоро Роман торговал нефтепродуктами по всему миру. Он не считал себя олигархом, так как не интересовался политикой и политической властью, но некоторые, не вдаваясь в такие нюансы, называли его именно так. А Роману было главное, что у него достаточно денег, чтобы жить, как ему хочется, чтобы пригласить Юльку поужинать как-нибудь вечером в парижском ресторане и порадовать дочурку, выделив ей несколько тысяч долларов в месяц на развлечения. Жениться второй раз Роман Витальевич не планировал – той любви, которую он испытывал к Даше, он не мог испытать уже ни к кому, а мимолётных женщин-бабочек для лёгкого и приятного флирта и развлечений в его жизни и так хватало. Главной и единственной женщиной в его жизни была дочь. Чувство вины за прежнее существование, где жизнь Юльки подвергалась постоянному риску, до сих пор мучило его, и он подавлял это чувство, выполняя каждый Юлин каприз. Благо, у неё их было достаточно.

– Па-а-п, а, пап, – Юлька прижалась к телу отца, постаравшись обнять его как можно более нежно и ласково. На её хитрой мордочке было написано, что сейчас прозвучит очередная просьба.

– Ну, малышка, – ласково произнёс Роман, с трудом очнувшись от тяжёлых воспоминаний, – что там ещё задумал мой котёнок? Чего ещё ему в этой жизни не хватает?

– Хочу стать моделью, – призналась Юлия. – Такой, чтоб сразу знаменитой на весь мир! Чтоб мои фото в глянцевых журналах, чтоб мой фэйс на всех телеканалах, чтоб ещё больше поклонников ползали у ног, а девки чтоб все умирали от зависти! Ну и наряды от лучших мировых модельеров, чтоб весь мир узнал, какая у тебя Юлька красавица.

Роман только улыбнулся честолюбивым замыслам своей дочурки, а его серо-голубые стальные глаза потеплели. Он шутливо взял под козырёк:

– Будет сделано, Ваше Высочество!

В Golden Palace – одном из самых известных и богатых казино Москвы – царила гробовая тишина. За оббитым зелёной бархатной тканью игральным столом замерли игроки, ожидая окончания движения рулетки.

Глеб Волшанский наблюдал за движением колеса так пристально, словно пытался его загипнотизировать. Перед ним вертелся калейдоскоп ярких красок

и цифр: красное, чёрное, семёрка, zero. Глеб казался невозмутимым, но внутри у него всё застыло, словно лёд. На кон было поставлено слишком много.

За движением колеса судьбы наблюдал ещё один человек. Но в отличие от Глеба он был действительно спокоен. Сумма, поставленная на кон, для него не была настолько значительной, чтобы волноваться из-за неё.

Выпала семёрка. Глеб поставил на zero. На миг голова игрока закружилась и пришло ощущение ледяного холода внутри – он проиграл. Роман Витальевич, невозмутимо наблюдавший за игрой, подошёл к Глебу и сочувственно положил руку ему на плечо:

– Глеб Николаевич, не спешите уходить, есть разговор.

Дальнейшая беседа проходила в табакерке – комнате, оббитой зелёными бархатистыми гобеленами, предназначенной для vip-клиентов, желавших уединиться. Заказав две рюмки дорогого коньяка, Роман Витальевич неспешно закурил, пристально изучая Глеба. Тот явно нервничал, не понимая, что понадобилось от него этому нефтяному барону да ещё и в такой несчастливый для него день. Похоже, что за удовольствие постоять сегодня у рулетки ему придётся отдать половину своих сбережений.

– Глеб Николаевич, наконец, неспешно начал Ро-

ман, – видите ли, у меня в жизни осталось мало удовольствий, которые я не испытал. Кроме одного – счастья моей дочери. А моя дочь решила стать моделью. И я обещал ей помочь.

Глебу, наконец, стало ясно, чего добивается от него этот самодовольный богач. Ну конечно. К кому же, как не к нему, одному из самых известных и успешных продюсеров в модельном бизнесе Москвы необходимо обратиться для раскрутки своей доченьки этому избалованному деньгами типу. Вот это подарочек.

Об эпатажных выходках Юлии Корниловой – дочери нефтяного магната Романа Корнилова – знала вся Москва. Жёлтые газетёнки и журналы с удовольствием следили за каждым шагом хорошенькой и богатой тусовщицы, подымая свой тираж на её приключениях. Нет, связываться не стоит. Юлия – не модель – никаких исключительных данных у неё нет. А в случае провала он станет врагом этого бывшего бандита, а ныне респектабельного бизнесмена крупного масштаба, чего бы ему очень не хотелось.

Однако озвучить отказ Глеб не успел. Роман Витальевич предупредил его решение:

– А в долгу я не останусь. Если мы договоримся, можете позабыть о сегодняшнем проигрыше. Я возьму ваш долг на себя и выплачу из своего кармана. Считайте это авансом за будущие успехи Юлии на мо-

дельном поприще. И, поверьте, далее вы заработаете гораздо больше этой суммы. Юлия – это ваш шанс выйти на уровень мирового масштаба.

И, небрежно похлопав по плечу резко замолчавшего Глеба, вышел из комнаты. Он понимал, что ответ и так предreshён. С олигархами не спорят.

* * *

Юлия в блестящем бикини застыла на тонком трюсе под куполом цирка. Она научилась нескольким акробатическим трюкам и с удовольствием демонстрировала их замиравшей от восхищения публике. Смуглая, натёртая маслом кожа блестела, фигура впечатляла своей стройностью и эффектными формами, и Юлия казалась египетской танцовщицей, поднявшейся в наше время из глубины веков. Вот она перегнулась назад и сделала мостик на тонком шпагате. Фотограф увлечённо защёлкал камерой. Затем был заснят «лунный полёт» под куполом в платье от Dolce & Gabbana. Наблюдая за трюками начинающей модели, Глеб не переживал, – Юлия была на страховке. К счастью, хоть в этом её удалось убедить, причём не без помощи папы. Без него эта сумасшедшая настояла бы ещё и на том, чтобы сниматься без страховки. А ведь Глеб знал о своей участи: если хоть один воло-

сок упадёт с головы этой норовистой кобылки – мигом закатают в бетон – и точка.

Завтра планировалась съёмка Юлии в каскадёрских трюках на мотоцикле. И снова эта безумная оказалась от дублёрши и настояла на самостоятельном выполнении всех трюков. Глеб только вздохнул в ответ. Плюс другие фотосъёмки в разных образах, проходившие в роскошных интерьерах, – благо, отец Юлии не жалел денег, чтобы исполнить прихоти дочери. Зато и результат оправдывал себя. Журнальные фотографии, изображавшие прекрасную вакханку с огромными чёрными глазами, чёрной гривой волос до пояса и сексуальной фигурой в роскошной броской одежде и дорогих украшениях, вызывали у публики шквал восхищения. Представители СМИ становились в очередь за фотоснимками и интервью.

Не успев начать свою карьеру, Юлия уже приобрела бешеную популярность. И, вероятно, всё так бы и шло по заранее расписанному сценарию, если бы в жизни Глеба не появилась Мария.

Глава 10. Снежная Королева

Мужчина и Женщина стояли друг напротив друга и их взгляды были скрещены, словно две молнии. Моментальный психологический настрой – и вселенная исчезла. Остались только они – вне времени, вне пространства. Они кружились друг около друга, словно

два хищника одной породы, выбирая удачное время для смертельного броска. И, возможно, кто-то из них не выживет.

Первая в атаку бросилась женщина. Возможно, от желания побыстрее добраться до тела, такого желанного для неё. Но сейчас она хотела лишь повергнуть его, подчиняя себе. От прикосновения к нему её пронзил электрический заряд – молнии встретились. Быстрый захват пояса спереди, рывок. Он попытался высвободиться, но женщина вцепилась в его куртку, удерживая на месте. На мгновение их тела прижались друг к другу так плотно, что каждый ощутил дыхание противника. Женщина применила приём Тай Ото-си, то есть подставила переднюю подножку. Мгновенный бросок, и вот уже огромное и такое тяжелое тело летит вниз и распластывается на татами. Слышится громкий хлопок о землю.

Женщина представила, как содрогнулось всё внутри его тела, – наверное, было очень больно. Но её противник вовсе не повержен – оказавшись внизу, он стал ещё опаснее. Женщина не успела сосредоточиться и принять меры защиты, как Мужчина применил приём Томоз Нагэ, то есть бросил Женщину через голову с упором стопы в живот. Худенькое и лёгкое тело Женщины подчинилось помимо воли. От этого кругового броска оно поднялось в воздух и через

голову мужчины упало на ковёр. На мгновение Женщине показалось, что её кости переломаны, а внутренние органы сорвались с мест и перемешались в её теле. Как больно... Но хныкать некогда – нужно защищаться. Нет, не защищаться, нужно победить, иначе он заберёт её жизнь. Женщина и мужчина покатились по земле, пытаясь сразить друг друга яростными захватами. Женщина попыталась выкрутить Мужчине локтевой сустав, и получила удовольствие, заметив, как ему больно. Но вдруг что-то изменилось и вот она уже беспомощно прижата к земле, а Мужчина зажал согнутой в суставе рукой её шею.

Ну вот и всё. Она не могла пошевелиться. Это был один из его коронных приёмов, против которого не мог устоять никто. На мгновение её сознание отключилось и вернулось в тот хмурый и ненастный день, когда они с ним гнались за Человеком в чёрной маске. Они долго бежали, преодолевая боль между рёбер и нараставшую одышку, но когда расстояние между ними сократилось, мужчина нагнал его в несколько прыжков, словно быстроногий гепард, догоняющий свою жертву. Его прыжок был настолько мощным, что он подмял Человека в маске и тот оказался так же беспомощен, как сорванный с дерева лист перед порывами ветра. Однако кролик попытался показать зубы удаву. Внезапно в руке Человека в маске показал-

ся нож, который он попытался вонзить в сердце напавшего. Но не смог. Тот моментально перехватил его руку, а второй, согнутой в локте, стал медленно, но неумолимо сжимать его шею. Женщина с ужасом видела, как слабел противник, оттого что его сонные артерии пережимались всё сильнее, прекращая подачу крови и кислорода к мозгу. У Человека в маске не было сил сопротивляться, он слабел каждую секунду, а его глаза туманились смертной поволокой. На миг Женщине показалось, что она видит в глазах Мужчины садистское удовольствие от причиняемых противнику мучений, но в тот же миг Мужчина закричал Женщине, чтобы она связала верёвками ноги и руки Человека в маске. И после того, как это было сделано, отпустил его шею – он был без сознания, но жив.

А со мной он не остановится. Со мной пойдёт до конца. И сейчас мои шейные позвонки хрустнут, словно говяжьи кости, перебиваемые топориком во время разделки трупа.

Готовясь потерять сознание, Женщина вдруг открыла глаза. Её шею больше ничего не давило. Мужчина откатился и внимательно и пытливо вглядывался в её лицо. И в его глазах застыла тревога. Увидев, что Женщина открыла глаза, Мужчина вдруг заговорил, превратившись из грозного смертельного хищника в испуганного мальчишку:

– Любочка, что с тобой? Я, кажется, переборщил. И когда бросил тебя, мне показалось, что сделал тебе больно, да и вот сейчас. Мне на миг показалось, что ты сейчас потеряешь сознание. Я так рад, что ты пришла в себя...

Мужчина подкатился на те полметра, которые разделяли их тела и вновь навис над Женщиной, но уже не для схватки. Его губы приблизились к её рту и прикоснулись к ним в поцелуе – таком нежном и сладком, что на миг время для них обоих исчезло.

Но через минуту вновь откатился, оглушённый резкой оплеухой.

– Да что вы себе позволяете, капитан?!

Голос майора полиции Любви Романовой звенел от возмущения. Я вам что – девочка восемнадцати лет, с которой пройдут такие приёмчики?! Вы боролись со мной вполсилы, а потом ещё и эти поцелуйчики?! Да я на вас рапорт напишу, как на отлынивающего от своих служебных обязанностей! Вы не забыли ещё, что мы находимся на посту, а это была рядовая служебная тренировка?!

Капитан Владимир Серебряков вздохнул. Очарование мига рассеялось и майор полиции Любовь Романова вернулась к своему привычному холодному и неприступному образу Снежной Королевы. Пожалуй, он никогда не завоюет эту женщину, как и ни один муж-

чина на свете.

* * *

Через полчаса, когда майор Романова отдышалась и преодолела волну раздражения, которую вызвал в ней дерзкий поступок Серебрякова, они приступили к обсуждению хода расследования убийства в знаменитом доме на Берсеневской набережной.

– Какие улики были найдены на месте преступления? – задала вопрос Романова.

– Да почти никаких, – со вздохом ответил Серебряков, – ни следов, ни отпечатков пальцев. Чисто проделанная работа, – по-видимому, убийца действовал в перчатках. Согласно выводу судмедэксперта женщина уже 12 часов была мертва до того момента, как её обнаружили. Знаки на теле – рычащий тигр на груди, роза в руке – не расшифрованы.

– Так неужели никаких зацепок? – озадаченно спросила Любовь.

– Есть одна. Возле трупа были найдены человеческие волосы. Это единственная улика, которую удалось обнаружить.

– И это прямая улика, – задумчиво протянула Романова. – Волосы в столь близком соседстве возле трупа мог оставить лишь убийца. Осталось лишь найти,

кому они принадлежат.

– Да, – согласился Серебряков. – Но, к сожалению, в отличие от отпечатков пальцев базы данных волос у нас нет.

– Список подозреваемых? – спросила Романова.

– Ну, во-первых, хозяйка квартиры, в которой найден труп. Её арендует некая Мария Евдокимова – весьма известная в России модель. Переехала в дом недавно, и тут, откуда ни возмись, – труп в её квартире.

– Эта девушка? – удивлённо переспросила Любовь. Но мотивы? Зачем успешной и богатой красотке убивать старушку? Я бы ещё поняла, если бы речь шла об убийстве конкурентки...

– Ну, этого знать не могу, – вздохнул Серебряков. – Но творческие люди, они, знаете, бывают того... Очень странные. А учитывая странные знаки, да ещё и духи, которыми обрызгано тело, можно вполне предположить, что это вообще дело рук маньяка или сумасшедшего. Им мотив не нужен.

– Ну ладно, – недовольно протянула Романова, – ещё кто-то в списке имеется?

– Да считай все из этого модельного агентства, где работала старушка. У них ведь была с ней прямая связь – все крутились рядом по работе. Кто знает, может, у кого и был мотив. Это мы-то думаем, что бабуля

была божьим одуванчиком, а там – кто знает... Вдруг что-то знала, кого-то шантажировала. В этом агентстве крутятся большие деньги. А там где деньги, там и большие страсти.

– Ок, – сотрудников проверим. А что там с родственниками убитой?

– Вот тут тоже очень интересно. Старушка была одинокая, муж уже умер, родственников – кот наплакал и все живут не в Москве. Общалась она только с племянником. И выяснили мы, что у племянника была прямая заинтересованность в смерти тётушки – она, глупая, ещё при жизни ему официально завещала квартиру, хотя она ему досталась бы в любом случае, даже без завещания, как ближайшему родственнику, наследнику первой очереди. Ну а за квартирами в Москве известно как охотятся. Тем более, что и квартира неплохая...

– Так, вот это уже кое-что. Не какие-то наигранные романские версии, а настоящий и понятный мотив. С проверки этого племянника и начнём.

– Ну а вы, Любовь Николаевна, – робко переспросил Серебряков, – что выяснили?

– А я заинтересовалась историей дома. Соседка мне тут подкинула ко всем нашим ещё одну версию – мистическую. Мол, дом проклят и по ночам по нему дьявол гуляет. Вот и начала искать по архивам. В на-

шем деле, знаешь, мелочей не бывает. Может этот маньяк-убийца не случайно труп оставил в этом доме и это некий знак.

— И что выяснили? — уже гораздо веселей спросил Серебряков. Он ни в какую мистическую ерунду не верил и решил, что такая беседа, которую можно перевести в шутку, — лучший способ восстановить отношения с обиженной Снежной Королевой.

— Возможно, — задумчиво ответила Любовь. — Возможно, что в этом убийстве действительно замешан Дьявол.

Глава 11. Кара за любовь

Когда-то грозный царский палач и фаворит великого государя Ивана Грозного Млюта Скуратов, про которого по всей Руси слагали печальные песни, прорыл подземелье, в котором устроил пыточные палаты, где пытал людей, удовлетворяя прихоти государя и свои садистские наклонности. А в XX веке на том же месте возвели Дом на Берсеневской набережной. Говорят, что там и по сей день бродят тени несчастных, замученных Малютой.

Москва, год 1572

Двери роскошной палаты были закрыты. Царица полутьма, слегка освещаемая отсветами огня от светильников. На огромном мягкоперинном ложе возлежала обнажённая пара. Женщина лежала, закрыв глаза, раскинувшись в сладостной истоме. Мужчина пылко покрывал её поцелуями, любуясь её прекрасным телом.

– Голубка моя белопёрая, ах, какое тело! Какая длинная шейка, какая полная и роскошная грудь, какой плоский и нежный животик, стройные и длинные ножки. Какая белоснежная кожа!

Обласкав длинную шею, мужчина спустился к круглым ягодкам сосков, отчётливо выделявшим-

ся на белой полной груди. Он так защекотал грудь своей окладистой бородой и так нежно и страстно впился в её вершинки, полностью всасывая соски в рот, слегка покусывая их зубами и щекоча языком, что чувствительная к ласкам девушка пришла в полное изнеможение.

— О-о-о-о... застонала она, и, подчиняясь неведомому зову, наконец, преодолела застенчивость и обхватила шею мужчины руками. — Ох, как хорошо, как сладко... О, батюшка, как же ты искусен, я словно в раю теперь.

— Сладко, моя голубушка? Правда сладко? погоди, моя сизокрылая, ещё не то будет!

И под страстные стоны девы продолжал ласкать её тело. Вот мужчина добрался до её живота, поласкал языком пупок и, наконец, спустился к её бёдрам. Опытными пальцами он, раздвинув ножки обласканной девушки, нашёл заветную горошинку и стал ласкать её столь искусно, что дева начала извиваться, ещё сильнее стонать и, наконец, заметавшись в сладких судорогах, замерла, достигнув пика наслаждения.

Мужчина довольно рассмеялся, удивившись чувствительности и страстности своей наложницы.

— Ох, ты, голубушка, знойная какая! Не успел дотронуться, а ты уж и удовольствие получить успе-

ла?! Ну а теперь, милая, уж постарайся и ты для старика, я научу тебя как.

И, заставив деву приподняться над ним и спуститься к его чреслам, показал ей, как ласкать руками и губами его царское достоинство. Любуясь гибким телом и длинными чёрными, распущенными, словно волна, волосами, мужчина изогнулся от изощрённого удовольствия, наблюдая, как дева, нагнувшись над ним, прикоснулась прекрасными чувственными губами к его восставшей плоти, а затем и полностью поглотила его ртом, словно сладкий плод. Мужчина наслаждался видом прекрасной райской девы, склонившейся над ним, её прекрасными полными персями, нависшими над его бёдрами. Он вновь начал ласкать её груди, поглаживая и сдавливая их, теребя соски. Дева не препятствовала ему и стонала от наслаждения. Она действовала так нежно и искусно, словно талант наложницы был у неё в крови. И через несколько минут мужчина воспламенился. Он захотел пойти дальше в изощрённом искусстве наслаждения и приказал деве удовлетворить его самой.

— Садись, милая, сверху на старика. Вот так, вот так. А теперь двигайся на мне вверх-вниз, вот так, у тебя отлично получается. А теперь быстрее, быстрее, так быстро, как только можешь!

И дева, не смея прекословить, задвигалась на мужчине так быстро и энергично, как только могла. А он с удовольствием любовался, как скачут её груди, дрожит живот, колышутся волосы и тем страстным, и одновременно томным наслаждением, которое озарило её прекрасное лицо. И, дойдя до вершины наслаждения, мужчина ещё несколько бесконечных мгновений любовался, как его страстная вакханка не отпускает его стебель, выжимая из него все соки, и, наконец, валится ему на грудь в сладких судорогах, ещё раз дойдя до пика и крича от небывалого, никогда ранее не испытанного ею наслаждения.

После любовных утех, слившись в последнем нежном поцелуе, любовники крепко прижались друг к другу, и уснули так сладко, словно ночь будет длиться вечно, и всю эту вечность они будут вот так неразлучно обнимать друг друга.

Проснувшись рано утром и открыв глаза, Мария сладко потянулась. Свечники уже погасли, и в палате было светло. Мария вспомнила прошедшую ночь, полную такого наслаждения, и стыдливо потупилась, ожидая, когда же венценосный супруг вновь её обнимет и приласкает. Но так и не дождалась. Государь уже встал и ходил по палате взад-вперёд. И лик его был тёмный и хмурый. Мария, увидев мужа в

таком состоянии, взметнулась с ложа к нему.

– Что-то случилось государь-батюшка? Иль нездоровится с утра?! – заметалась она вокруг, словно встревоженная голубка.

Но царь, подняв хмурый и злобный взгляд на ночью столь любимую наложницу, вдруг оттолкнул её, да так сильно, что Мария зашаталась и чуть не упала навзничь.

– Срам хоть прикрой, негодная! – страшным голо-сом вскрикнул царь. – Я-то думал, что она дева младая да невинная, а она, смотри-ка, словно гетера ка-кая на мне скакала да бесстыдными ласками утешала! Откуда всему научилась, – говори! И кто на-учил?! Кто любовник, кто хахаль твой бесстыжий, что незамужнюю деву в срамотницу обернул, а?!

Мария смотрела на Ивана широко открытыми глазами и не верила своим ушам. Неужто это он, её страстный и нежный любовник, который ночью на-говаривал ей столько ласковых и нежных слов, сейчас так буйствует и говорит такие страшные речи?! Она пыталась что-то возразить, сказать в свою за-щиту, но царь не слушал её.

Он подошёл к ложу и резким движением сдёр-нул покрывало. Тончайшая простынь была бела, как снег.

– Где кровь?! – заорал Иван благим голосом. – Где

доказательства того, что девица, которую я взял себе в супруги, девственна и невинна?! Где? – от-вечай, срамотница! Или решила посмеяться надо мной и рога навесить мне – государю всея Руси?!

Царь подскочил к Марии, ставшей белее снега, и замахнулся, чтобы ударить. Но не успел. Мария повалилась на пол в глубоком обмороке, очень похожем на смерть.

* * *

Почувствовав, что её окатили ледяной водой, Мария моментально очнулась. И застыла от ещё большего ужаса. Она была уже не в царских палатах, а в каком-то тёмном и сыром подвале, брошенная на охапку прелой соломы. А рядом стояла дыба, и были вывешены жуткие инструменты. «В этом подвале пытаются узников», – застонав от ужаса, поняла Мария.

Палач не заставил себя долго ждать. В мрачных стенах раздался громкий сальный хохот. К Марии подошёл невысокий плотный мужчина и плотоядно уставился на неё.

– Хороша-а, – насмешливо протянул он, оглядев девушку с ног до головы. Недаром сам государь-батьюшка на тебя позарился. А ты, бесстыдница,

осрамила его, отплатила позором за его доброту!

Мария обомлела, узнав в этом сальном коротышке главного царского палача – Малюту Скуратова. Да и не было, верно, на Руси человека, который бы его не знал. О его жестокости, садистских наклонностях и любви к пыткам ходили легенды и слались песни. Самый жестокий царский опричник, убивавший и пытавший как по приказу царя, так и для собственного удовольствия, Малюта Скуратов был хорошо известен народу, и каждый замирал от ужаса, услышав это страшное имя. И вот теперь Мария осталась с ним наедине, полностью отданная ему во власть. Сердце девушки закатилось куда-то в пятки и замерло там от ужаса.

Малюта не спеша подошёл к Марии и властным жестом сдёрнул с неё накидку, прикрывавшую её наготу.

– Хороша-а, – ещё раз протянул палач и по-господски огладил её тело, словно круп норовистой кобылки. – А хошь сделаю, что вовсе будешь не хороша? – с издёвкой спросил он. Отрежу вот сейчас нос, уши, исполосую эти беленькие щёчки ножом? Хошь, подвешу на костёр, и сожгу эти розовые пятючки? Хошь, так отстегаю кнутом, с металлическими лезвиями на концах хлыстов, что полгода ходить не сможешь и истечёшь здесь кровью?

От перечисленных палачом ужасов Мария внутренне впадала во всё большую истерику, а Малюта всё более возбуждался и входил во всё больший раж. Перечисляя все возможные пытки, он начал ласкать замершую от панического страха девушку.

— Я государю пожелаю, наконец, прошептала Мария, — он не допустит, он защитит меня...

— Ха-ха-ха... — раздался хохот палача. Да это ж государь-батюшка мне тебя и отдал. Приказал, делай, мол, с ней что хошь, а только допытай, кто её растлил да девства лишил. Он с тобой вишь сколько сраму натерпелся! Так сама скажешь иль пытать прикажешь? — издевательски закончил он.

И, вконец возбудившись и не ожидая ответа окаменевшей девушки, повалил её на охапку соломы и силой удовлетворил своё желание. Мария лежала неподвижно, ужас лишил её последних сил.

— Ну, вот видишь! — довольно осклабился Малюта, удовлетворившись, как легко тебя можно взять. Так что уж не притворяйся святой невинностью. Говори, кто любовником был?! — внезапно гаркнул он, наливаясь злобой. А может и вообще было их несколько? Может с целым табуном успела поскакать?! А не то ты знаешь — я шутить не буду!

— Федька Косой, — вдруг призналась Мария, не выдержав свалившегося на её голову ужаса. Я не вино-

вата – он сам снасильничал, я противилась, как могла, – и девушка зашлась в горьких рыданиях.

– Ага, противилась! – торжествующе закричал Малюта. – Вот как счас со мной небось противилась! Ну, держись, голуба, ибо гнев царя-батюшки страшен!

* * *

Зрителей на Москве-реке не было. Царь решил не подымать шума вокруг этой не льстившей ему истории и наказать Марию по-тихому. С ним был он, несколько человек свиты да верный Малюта Скуратов, которому государь уже привык поручать самые неприглядные дела.

Право голоса у Марии отняли. Разгневанный царь выслушал лишь Малюту и вне себя от злости на следующий день осуществил задуманное наказание. Марию связали, упаковали в мешок и положили, словно свёрток белья, в телегу, запряжённую резвыми лошадьми. На Москве-реке, покрытой льдом, под руководством Малюты прорубили широкую полынь.

Несколько минут Иван Васильевич молча смотрел в широко раскрытые и такие прекрасные глаза Марии Долгорукой. Провинившейся запечатали рот кляпом, и ни сказать, ни попросить она ни о чём не

могла. Но глаза, в которых застыла мольба и отчаяние, говорили лучше слов. Но не смилостивился государь, лютая злоба и уязвлённое самолюбие взяло вверх. Молча махнул он рукой Малюте, знаменуя этим жестом начало казни. Со всей дури стегнул Малюта лошадей, и телега с Марией помчалась на реку. Со всех сторон хлестали лошадей окружившие телегу oprичники, пока обезумевшие от боли рысаки не помчались по направлению к полынье. Ещё несколько шагов и лёд под ними треснул, и они вместе с телегой и находившейся там женщиной провалились под лёд и ушли в воду...

Казнь прошла в полном молчании. Мгновение – и от подарившей царю такое наслаждение прошлой ночью красавицы остались лишь круги на воде. Так расправился со своей пятой женой Иван Грозный, жестоко казнив её после первой же брачной ночи. И так связало его смертельной нитью убийство безвинной жертвы с Малютой Скуратовым.

Глава 12. Суровое воспитание

Капитан Серебряков, замерев, слушал майора Романову, которая посвящала его в жуткие тайны царского двора. Наконец, очнувшись, он вернулся к мучившему их обоим вопросу:

— Ну и история, жутко интересная и жутко страшная. Но причём же здесь наше дело?

— А притом, Серебряков, — вздохнула Романова, — что палаты Малюты Скуратова располагались прямо на том месте, где стоит сейчас дом на Берсеневской набережной, в котором и нашли нашу жертву. Это именно в тех подвалах, где оказалась перед смертью Мария, он мучил и убивал отданных в его лапы жертв. И от этих подвалов приказал прорыть многочисленные тайные подземные ходы, соединяющие его палаты с Кремлём. Зачем то было сделано — неведомо. Может государь Иван Васильевич так готовил себе путь для бегства в случае боярского заговора или ещё на какой случай, если бы пришлось ему бежать. Малюте он доверял как самому себе. А из других — почти никому. Вот и приказал он ему это сделать. Вот такие вот тайны русского двора, Серебряков...

И чую я, что эта информация очень нам пригодится. Ведь оказалось же тело каким-то образом в квартире

этого дома. И не через подъезд же оно туда попало – в доме все подъезды закрыты стальными дверями, попасть можно только через переговоры по домофону с жильцами. А эти подземные ходы пусть и невероятный, но ответ на этот вопрос.

Серебряков на эти рассуждения промолчал и ничего не ответил. Сколько ещё тайн откроется им в ходе расследования этого дома, который, похоже, действительно был в буквальном смысле Домом с Привидениями.

* * *

Москва, два года назад

Мария лежала на мягкой кушетке обнажённая, в компании с суровой дамой косметологом. Дама была настолько отрешена и невозмутима, что Марии даже не было стыдно. Дама накладывала воск на все места, где у Марии было хоть немного волос, и затем резко отдергивала, доставляя девушке немалые мучения. Особенно мучительной стала депиляция лобка. Мария стонала, вскакивала, возмущалась, требуя прекратить эту мучительную, и притом, как ей казалось, бессмысленную процедуру.

– Ну зачем эти мучения?! Неужели нельзя выбрить

или воспользоваться каким-то кремом-депилятором? Зачем это мучительное выдёргивание?

Но дама как всегда оставалась невозмутимой и молча и без возражений продолжала делать своё дело. На секунду в кабинет заглянул Глеб, которого тут же выгнали, чтоб не подглядывал.

Наконец, через несколько часов все мучения были завершены, и Марию, с умело нанесённым макияжем и облачённую в соблазнительный купальник-бикини, словно созданный искусным дизайнером манекен, продемонстрировали Глебу.

На несколько мгновений модельер замер. Девушка превзошла самые смелые его ожидания. Такое роскошно женственное, и вместе с тем стройное тело Глеб видел только у самых известных моделей мирового уровня. Да и то во внешности Марии была какая-то неуловимая изюминка, выделяющая её из всех привычных ему образов.

— Принцесса, — подумал Глеб, — представляю, какие роскошные фотографии получатся.

А Марии лишь сухо сказал, решив никоим образом не выказывать своего восторга, чтобы не избаловать девчонку:

— Иди отдыхай, — завтра приступаем к съёмкам.

Тех событий, которые начались с этого «завтра» Мария явно не ожидала. Съёмки, на которые девушка явилась ровно в восемь утра, должны были проходить прямо в Москве-реке. Они выплыли на большой белоснежной яхте на середину реки.

Марию нарядили в тот самый сексуальный изумрудно зелёный купальник-бикини, прекрасно гармонирующий с цветом её волос, после чего Глеб приказал ей прыгнуть прямо в воду, на что Маша удивлённо воззрилась на модельера. Ещё только едва-едва забрезжил июнь, а лето было и так прохладное. Вода в реке была просто ледяная.

— Вы меня заморозить хотите, Глеб Николаевич? — с неловкой улыбкой спросила Маша. — Вода ведь ледяная...

— А ты что думала, голуба, что путь к славе устлан одними розами? Нет, дорогая, сперва надо потрудиться, как следует, научиться преодолевать трудности и физический дискомфорт, — поучающе заявил Глеб.

И вдруг прикрикнул, сверкнув своими бешеными глазами:

— А ну марш в воду, бегом! Ишь ты, раздумывать она ещё будет! То, что я говорю, должно быть выполнено

беспрекословно!

Маша сверкнула глазами в ответ:

– Не смейте, не смейте разговаривать со мной в таком тоне! Я не девочка для битья, чтобы на меня покрикивать!

В ответ Глеб заинтересовано уставился на девушку.

– Ишь ты, думал, что как все, что покорная, а она вишь – на начальника своего покрикивает! Но ничего, это мы переиначим! – подумал Глеб, а вслух произнёс:

– Значит, «не сметь»?! Хорошо, не буду. Но в воде ты у меня всё равно окажешься.

И, подхватив девушку на руки, добежал до борта яхты и бросил её вниз – в воду.

В воде Маше пришлось пробыть добрый час. Её, опирающуюся на разные резиновые игрушки, чтобы не утонуть, снимали в воде в самых разных ракурсах. Затем, не дав обтереться, снимали с каплями воды на коже и в мокром купальнике. Потом украсили мокрые волосы белоснежными речными кувшинками и вновь бросили в воду, снимая в образе ундины. Через неделю после таких съёмок Мария простыла и у неё поднялась температура.

– Даю один день отлежаться и выпить таблеток. Завтра чтоб как штык была на съёмках, – категорично

заявил Глеб.

После речного закаливания последовало новое испытание. Глеб пригласил свою модель на крышу шестнадцатизэтажного здания. Когда Марию известили о том, где будут проходить съёмки, она побелела, как смерть.

– Глеб Николаевич, – прошептала девушка, – Да я же боюсь высоты!

– Ну-ну, – вновь прикрикнул на неё Глеб. – В детство будем впадать или будем вести себя по-взрослому? Боятся чего-то только дети, а взрослым тётям нужно уметь справляться со своими страхами! Марш наверх! Не бойся, не упадёшь, там обрешётка на крыше!

На крыше у Маши сразу бешено заколотилось сердце. Она боялась всего – порывов ветра, пейзажа по сторонам. Девушка не могла думать ни о чём, кроме того, какая высота отделяет её от земли. Не в силах с собой совладать, она просто присела на корточки, не думая о насмешках, и ей показалось, что никакая сила не сдвинет её с места и не заставит подняться.

Но Глеб и не стал ей ничего говорить. Он просто подошёл к ней и приподнял за плечи. И Машу вновь пронзило электрическим током от его прикосновения, и она поднялась, словно робот, подчиняясь гипнотиз-

му и воле продюсера.

– Пошли со мной, – властным голом сказал мужчина и, по-прежнему обняв за плечи, повёл за собой.

Остановившись там, где остановил её Глеб, Маша вскрикнула. На миг ей показалось, что она сейчас завопит в долгой и затяжной истерике. Они стояли на самом краю крыши и перила обрешётки не скрывали той высоты, которая простёрлась под ними. Маша отшатнулась. Ей казалось, что первый же порыв ветра сбросит её вниз, и она, словно послушный ветру листочек полетит туда, где машины, люди и деревья казались такими крохотными, а потом грохнется о землю, чувствуя, как обрываются внутри все органы и от дикой боли разрывается сердце.

Внезапная пощёчина оборвала её панические мысли.

– Ты будешь работать или съёмки на сегодня сорваны? – тихим голосом спросил её Глеб, но от этого голоса по спине Марии поползли холодные муравьи. – А неустойку за срыв съёмочной команды может ты заплатить?!

Глаза Маши сверкнули таким огнём, что Глеб отшатнулся. На минуту ему показалось, что Мария кинется на него как дикая рысь. Но девушка сдержалась:

– Глеб Николаевич, – тихо сказала девушка, но та-

ким тоном, что у съёмочной команды поползли по коже мурашки. – Никогда, вы слышите, никогда не позволяйте себе меня бить. Иначе я либо дам вам сдачи, либо брошу это всё ко всем чертям. Вы меня поняли?!

Глеб в ответ только удивлённо пожал плечами и молча кивнул.

– Кошка выпустила коготки, – подумал про себя. – Что ж, все женщины таковы. Сначала слабые и беззащитные, а потом показывающие свои зубы и когти.

Сначала съёмку проводили посреди крыши, чтобы Мария не так боялась, а потом, видя, что Маша отвлеклась, постепенно передвинулись к краю. И постепенно девушка настолько вошла в привычный на съёмках раж, что почти забыла, где находится. Во всяком случае, высота уже не мешала работе. После этого Марии начало казаться, что она уже ничего не боится.

* * *

Как-то Маша увидела, как снимают в каскадёрских трюках Юлию Корнилову и восхищённо рассказала об этом Глебу. В ответ в его глазах зажглись азартные огоньки.

– Скоро и ты будешь сниматься в таких же.

На следующий день Машу начали обучать вожде-

нию автомобиля и мотоцикла. Ещё через время – научили некоторым каскадёрским трюкам. Маша, изучая свои фотографии, и сама не верила, что она видит на них себя. Вот прекрасная белокурая девушка с распущенными волосами взлетает на мотоцикле над холмом. А вот идёт по тросу, натянутому на высоте трёхэтажного дома. Этот номер снимался со страховкой. И всё же сердце девушки замирало от страха, а внизу собиралась толпа народу. Им казалось, что одно неверное движение – и Маша разобьётся. Сама Мария испытывала те же ощущения. Трюки на мотоцикле никто застраховать не мог. И каждый раз, когда Мария взлетала, преодолевая препятствие, ей казалось, что она переломает себе руки и ноги. А может и позвоночник. К счастью, каждый раз всё заканчивалось благополучно, а фотографии Марии становились всё лучше и лучше. И через какое-то время со снимков и видеозаписей на зрителей смотрела уже не просто милая девочка, а профессиональная модель высшего класса.

И вскоре Мария почувствовала, что и сама внутренне меняется. Становится смелее и отчаянее, словно в неё вселился другой человек, преображающий её изнутри.

А Любовь Романова всё читала и читала об истории Дома на Набережной, забыв обо всём на свете, погружаясь в трагедию человеческих судеб, изломанных беспощадной политикой сталинских репрессий, связанных со Зловещим Домом на набережной в советское время. И некуда было уйти, и негде спрятаться. Беспощадная карающая длань безумствующей власти настигала повсюду. В роскошных квартирах были установлены прослушки, и через них слушали и анализировали каждое слово. И каждое слово, даже произнесённое шёпотом, было услышано. И по каждому неосторожному слову вынесен приговор.

Количество репрессированных жильцов Зловещего Дома насчитывает более восьмисот человек. Исчезал глава семьи – исчезали и семьи. Особенно жутким был 1937 год. Машины приезжали дважды за ночь. Если ночью загорались окна, становилось ясно – забирают. Были времена, когда репрессировали чуть ли не половину семей в Доме. Люди жили, словно в кошмарном сне. Некоторые, чтобы спасти свои семьи, пускали себе пулю в лоб, стрелялись. Но и этот «выход» спасал семьи самоубийц далеко не всегда. Дом в то время застилала красная пелена всеобщего ужаса и

безнадёжного ожидания.

Глава 13. Фиалковый омут

В тот день Маша выполняла очередной трюк на канате, натянутом между домами на высоте нескольких метров. Высота была достаточной, чтобы в случае падения переломать себе все кости. Маша в облегающем чёрном латексном костюме – трико и короткой сборчатой юбочке, с распущенной гривой золотистых волос напоминала стриптизёршу, одетую в эротическое бельё. Черный цвет костюма великолепно контрастировал с белизной её кожи. Внизу как всегда собралась толпа зрителей, тележурналисты наставили на неё телекамеры, а журналисты из газет и журналов озаряли вспышками фотоаппаратов. Обычные же зеваки, замерев и раскрыв рты, наблюдали, как прекрасная девушка ступает с шестом по канату, потому что казалось, что каждый шаг может стать для неё последним.

Этот трюк сегодня давался нелегко. День был ветреный, а наверху ветер всегда сильнее, чем внизу на земле. Поэтому Марии нужно было не только сохранять равновесие, но и бороться с его порывами. Девушка постаралась максимально сосредоточиться, не отвлекаясь на карауливших внизу зевак. Но у неё получалось не слишком хорошо, потому что правда со-

стояла в том, что она боялась.

Каждый раз при выполнении трюка Марии становилось страшно. Наверное, именно это и отличало её от профессиональных каскадёров – она никогда не научится получать удовольствие от головокружительного риска. Она не была каскадёром, она была всего лишь женщиной... От этих печальных раздумий Марию вдруг отвлёк чей-то неправдоподобно громкий голос. И Маша вдруг осознала, что этот издевательский голос обращён именно к ней и выкрикивает оскорбления.

– Эй ты, гадина, – вещал в рупор насмешливый женский голос, – решила меня переплюнуть моими же трюками?! Украсть мою фишку? А кто тебе давал право копировать меня, словно попугай?! И неужели ты думаешь, что с этими клоунскими номерами ты сможешь чего-то добиться? Да неужто ты не видишь, что все смеются над тобой?!

На миг после этих странных слов на зрительской площадке наступила мёртвая тишина. Взоры зрителей были обращены к роскошному джипу, из открытой дверцы которого выглядывала девушка и вещала миру эти странные оскорбления. Несколько человек бросились было к машине, чтобы остановить этот издевательский словесный поток, но между ними и девицей непроходимой стеной стали мощные, бандит-

ского вида молодчики – охрана.

А Юлия продолжала издеваться:

– Скажи, какими особыми приёмами тебе удалось уговорить Глеба взяться за твою раскрутку? Ведь всем известно, что ты явилась в Москву из Задрыпанска и денег у тебя ни шиша. Так что же сподвигло самого крутого продюсера Москвы раскручивать какую-то провинциальную шалаву? Может, ты больше других сильна во французских поцелуях? Или сообщество путан в вашем Задрыпанске обучило тебя особым приёмчикам? Неужели ты и вправду считаешь, что можешь хоть на мгновение подняться до уровня Юлии Корниловой или затмить её?!

Мария остановилась на канате и, шатаясь от ветра, слушала оскорбления, которые, казалось, слышала вся Москва. А зрители стояли, замерев, переживая за уже полюбившуюся им и такую беззащитную Марию Евдокимову. Снизу девушка казалась такой уязвимой, маленькой и хрупкой. Публике не сообщали, работает ли Мария со страховкой, и теперь никто не был уверен в благополучном исходе этой истории, если Маша упадёт.

Время, казалось, остановилось, и тикающие стрелки начали отсчитывать мгновения: *тик-так, тик-так, тик-так...*

Порывы ветра наверху усилились, и Марию заша-

тало ещё сильнее. Вот она, преодолевая себя, сделала шаг, пошатнулась и потеряла равновесие. Те несколько секунд, что она падала с каната, происходили словно в замедленной съёмке и показались зрителям часами.

Маша, не долетев до земли, закачалась на тонкой, почти невидимой нити. Зрители испустили долгий облегчённый вздох: слава богу, Мария была на страховке.

— Ха-ха-ха, — донёсся издевательский вопль. — Ну, куда же тебе до меня, детка. Я работаю по-взрослому — без страховки, — продолжала свою издевательскую речь Корнилова.

Но её уже никто не слушал — толпа бросилась, чтобы помочь Марии. Через несколько минут съёмочная команда спустила девушку вниз. Разъярённый Глеб повернулся было, чтобы сказать Юлии всё, что он думает о её выходке, но машина с девушкой уже исчезла из виду.

* * *

Мария шла по сцене в роскошном, богато украшенном орнаментом платье в кантри-стиле и босиком. Должен был быть снят эпизод прогулки по полевой траве. Пока репетиции шли на сцене. Внезапно де-

вушка вскрикнула от острой боли, пошатнулась и упала. И закричала ещё раз. На подошве ноги и на ладони руки показалась кровь – туда попали острые осколки стекла, которое валялось по сцене. Странно, но до выхода Марии на сцену разбитое стекло никто не заметил. Возле Марии тут же засуетилась съёмочная группа, и девушку увели в медпункт, где врач продезинфицировал и перебинтовал порезы. Позже на сцене не нашли записку, на которой большими буквами значилось:

– Сегодня ты выступать уже не будешь. Вали с этой сцены – это моя и только моя территория!

* * *

Когда Глеб вошёл в медпункт, Маша билась в истерике. Она громко рыдала, и врач смущённо вышел, оставив расстроенную девушку одну. Повязки окрасили пятна крови. Глеб молча подошёл и сел на кровать, где, уткнувшись в подушку, лежала Мария.

Глеб решительно положил девушке руку на плечо, потом властным жестом заставил сесть на кровати. Мария подняла к продюсеру заплаканное лицо:

– Это она, Корнилова, всё подстроила! Но за что? Что я ей сделала? За что она меня так ненавидит?!

– Послушай, девочка, – со вздохом начал Глеб, с

сочувствием глядя на Машу, – ты виновата лишь в том, что прекрасна, и больше ни в чем. Ты производишь такое завораживающее впечатление, что ей за всю жизнь не добиться такого успеха. Ты превзошла её, ты стала более популярной, и Корнилова, несмотря на все её деньги, прекрасно это понимает. Она бешено ревнует, завидует тебе, – вот и всё объяснение её диким выходкам.

Мария с удивлением воззрилась на Глеба. Богачка и светская львица Юлия Корнилова, эффектная красавица, чьи фотографии пестрели во всех модных журналах Москвы, ей завидует?! Да может ли такое быть?!

А Глеб, между тем, любовался Марией, выглядевшей такой хрупкой, такой женственной и ранимой с этой её растерянностью и заплаканным личиком. И мужчина не устоял. Он начал гладить предплечье девушки, от чего она непонимающе уставилась на Глеба. Знаменитый и властный бизнесмен всегда казался ей недостижимым. Она воспринимала Глеба как властного и сурового начальника – и только. Но когда Глеб притянул девушку к себе и стал покрывать жаркими поцелуями, её сомнения развеялись. Магнетизм прикосновений мужчины подействовал на Марию также сильно, как и тогда, при их первой встрече. Только теперь из омуты его глаз было уже не вырвать-

ся. Глеб подчинил её всю, и из плена его жарких объятий ей не хотелось бежать. На какой-то миг окружающий мир перестал для них существовать, день потемнел, а над головами засияли тёмно-сапфировые звёзды. Маша вдруг поняла, что влюбилась, и для неё больше не существовало никаких проблем и неприятностей. Был только этот человек, впервые в жизни подаривший ей наслаждение яркой чувственной любви.

* * *

С того знаменательного дня мир для Марии преобразился. Больше не было боли и проблем. О Юлии Корниловой Маша просто забыла. Да и сама Юлия как-то притихла. Глеб стал мягче и ласковее днём, а по ночам дарил Марии страсть и наслаждение чувственных ласк. Сотрудники модельного агентства стали проявлять к Маше особое уважение и дружелюбие – ещё бы, с любовницей шефа нужно было дружить. Мария словно расцвела от счастья и её фотографии засветились каким-то особым светом.

Карьера девушки начала стремительно двигаться вверх. Её уже нечему было учить, она прекрасно освоила все тонкости модельного искусства. Благодаря успешному менеджменту, о Марии Евдокимовой узнали и другие модельные агентства. Девушку начали

всё чаще приглашать на известные показы. Глеб не жалел средств ни на её раскрутку, ни на выезды в другие города. Он понимал, какой доход будет приносить Мария, когда достигнет пика известности. Да она уже и сейчас окупала все затраты. Теперь её фото появлялись в самых известных журналах. А на телевидении девушка стала уже привычной гостьей. Имя Марии Евдокимовой узнала вся Россия.

Но за карьерой девушки следил не только Глеб Волшанский. Ещё один человек коллекционировал журналы с её фотографиями и не пропускал ни одной телепередачи с её участием. Александр Пахмутов выжидал момент, чтобы появиться в жизни Марии Евдокимовой.

Глава 14.

Кладбищенское заклятие

На кладбище никого не было. Уже смеркалось, а в такое время люди не навещают мёртвых. Но Юлия не привыкла подчиняться общепринятым правилам. И в этот вечер она была здесь. Девушка неспеша бродила между могилами, наслаждаясь тишиной и безмолвием смерти. Она достала фотоаппарат и начала делать снимки кладбищенского пейзажа. Внезапно за спиной послышалось рычание. Это рычал какой-то зверь. И судя по угрожающему звуку, не маленький.

Юлия обернулась и увидела большого чёрного пса, который медленно приближался к ней. Из оскаленной пасти с большими белыми клыками (*«Очень большими, такие прокусят шейную артерию за секунды», – вдруг подумалось Юлии*) капала слюна. В полумраке угрожающе светились жёлтовато-огненным блеском глаза.

Юлия поёжилась. Теперь она пожалела, что пришла на кладбище совершенно одна, отпустив охрану. Кто был перед ней? Одичавший пёс? Возможно, бешеный, один укус которого повлечёт мучительную смерть. А может быть очень голодный.

Юлии вдруг ярко представилось, как собака бросается на неё и начинает пожирать её плоть, откусывая куски мяса от её тела.

А возможно в этом странном животном поселился дух самого Хозяина Кладбища и теперь изгоняет её из своих владений?

Юлия попятилась. Пёс продолжал медленно приближаться, упорно и неотвратно. Девушка не выдержала, развернулась и побежала. Пёс двинулся за ней. Юлия уже чувствовала его смрадное дыхание за спиной.

Если я его не остановлю, он бросится на меня сейчас. И тогда спасения уже не будет.

Юлия посмотрела под ноги и увидела большой камень. Подняв его, она изо всех сил швырнула его в Адского Пса. Пёс остановился. Кажется, он понял, что без боя жертва не сдастся. Не испытывая больше судьбу, Юлия изо всех сил метнулась к выходу. Так быстро она не бегала даже в школе на короткие дистанции. Вот и выход из кладбища. Девушка на мгновение остановилась и оглянулась. Её никто не преследовал. Пса уже не было видно, но Юлии казалось, что его горящие огненные глаза всё также безотрывно глядят на неё. Но на этот раз ей благополучно позволили уйти.

Вернувшись домой, Юлия продолжила начатое на кладбище действо. Распечатав кладбищенский снимок, она достала фото улыбающейся молодой и очень красивой девушки. Юлия зажгла большую и толстую чёрную свечу и выключила электричество. Теперь в комнате царил полумрак. На обороте кладбищенской фотографии Юлия написала «Мария Евдокимова». На обороте фото девушки колдунья красной ручкой и большими буквами запечатлела два страшных слова: КЛАДБИЩЕ, СМЕРТЬ. Затем сложила две фотографии изображением друг к другу и толстой красной нитью, заправленной в цыганскую иглу, проткнула фотографии, завязав нитку толстым узлом. При этом колдунья приговаривала отчётливым угрожающим шёпотом: «Вижу тебя с Землёй Мёртвой узами неразрывными связанной». Приговаривая эту фразу, Юлия завязала ещё четыре узла по углам фотографий. Затем вложила их в белый конверт и запечатала его чёрным воском от горевшей свечи. И медленно сожгла конверт на её тлеющем огне.

Собрав пепел в маленький мешочек, Юлия удовлетворённо вздохнула. Дело было почти сделано. Она наложила на Марию Евдокимову сильнейшее закли-

тие вуду. Теперь ей предстояло вернуться на кладбище и развеять пепел над могилами. При этой мысли Юлия вздрогнула, вспомнив страшного пса. Но кто бы он ни был, – животное или порождение мистических сил, – на этот раз она возьмёт с собой столько телохранителей и оружия, что никакие порождения тьмы не устоят.

Глава 15. Рубикон судьбы

Москва, год назад.

В тот вечер Мария чувствовала себя очень странно. Она даже отказалась от свидания с Глебом и ушла к себе, сославшись на плохое самочувствие. Через пару часов девушка почувствовала себя совсем худо. Через какое-то время после съеденного ужина её вырвало, затем резко заболел желудок, поднялась температура. На следующий день сильно разболелся живот, а по телу разлилась такая слабость, что девушка не могла встать с постели. Прибывший на её жалобы личный врач с недоумением покачал головой и посоветовал обратиться в больницу.

В больнице Маше сообщили, что она нуждается в срочной госпитализации, так как, скорее всего, её состояние вызвано острой инфекцией, а вот какой – выявит обследование.

Через несколько часов Марии сообщили, что у неё – острая форма синегнойной инфекции, так что в больнице ей придётся провести не одну неделю. Поблуднев, Мария кивнула.

С течением времени дела у неё шли всё хуже. Глеб навестил её в больнице лишь раз, а затем куда-то

пропал, ссылаясь на занятость. Он лишь иногда звонил ей, да и то быстро обрывал разговор, так как его ждали неотложные дела. Маша чувствовала себя очень одинокой и очень больной. Лекарства, которые она принимала, почти ей не помогали. Девушка стала нервной, раздражительной, страдала от головных болей. К концу недели у неё поднялась высокая температура.

И вдруг в один из этих несчастных и тяжёлых дней у Марии неожиданно появился посетитель. Одним солнечным утром в её палату вошёл мужчина с огромным букетом цветов. Он заботливо поставил их в вазу на тумбочке и взял Марию за руку.

– Вы не против такой дерзости? – улыбнулся мужчина, – мне просто очень хочется вас поддержать.

– Но мы же не знакомы, – прошептала Мария.

– Ну, это не беда, – расхохотался мужчина, – блеснув белоснежными зубами, – вас я уже знаю давно по газетам и модным журналам, и с большим удовольствием наблюдаю за вашими успехами. Ну а я – Александр Пахмутов, буду рад, если вы тоже что-то слышали обо мне.

– Так вы тот самый актёр, что снимался в...

– Да-да, я рад, что вы меня узнали. А ещё я режиссёр этого фильма и иногда по совместительству работаю как кинопродюсер.

– Что ж, выдохнула Маша, – я рада знакомству с таким творческим человеком. Тем более, что все мои что-то обо мне забыли.

– Не судите их строго, – утешил Александр, – не сомневайтесь – они вас любят и за вас переживают. Они просто боятся заразиться. Такова уж человеческая натура.

– А вы разве не боитесь?

– А я бесстрашный! – то ли в шутку, то ли всерьёз заметил Александр. И к тому же, я слишком большой ваш поклонник, чтобы чего-то бояться рядом с вами.

* * *

На вторую неделю безуспешного лечения, Мария заметила, что её руки и ноги отекли и посинели, а кое-где появились гнойничковые ранки. Её лечащий врач, осмотрев конечности, странно нахмурился и вышел из палаты. Через полчаса к ней в палату зашло уже несколько врачей и с очень серьёзным видом начали рассматривать руки и ноги девушки и расспрашивать её о симптомах.

Когда Александр, который приходил к Маше каждый день с огромными охапками цветов, в очередной раз зашёл её навестить, Мария не выдержала и разрыдалась.

– Сегодня врачи заявили, что лечение антибиотиками почти не действует, и у меня начался сепсис. И теперь, если за несколько дней мне не подберут более эффективную схему лечения, мне грозит ампутация. Вы понимаете, Александр, я стану просто человеческим обрубком – без рук и без ног! Я не хочу больше жить!

Слушая Марию, Александр хмурился всё больше и больше, а его глаза сосредоточенно блестели, словно он перебирал в уме уйму самых различных вариантов. И едва Мария закончила говорить, как мужчина вскочил.

– Мария, – голос мужчины звучал очень мягко. – Никогда не отчаивайтесь. Всегда продолжайте бороться. И тогда вся вселенная пойдёт к вам навстречу и поможет! И верьте. Вера творит чудеса.

И, без спросу поцеловав Машу в щёчку, быстро вышел из палаты.

* * *

– Для чего тебе самолёт, Саша? – хмуро поинтересовался директор аэродрома, у которого Александр иногда арендовал небольшой частный самолёт. Авиаполёты были одним из его любимых увлечений.

– Ты на небо смотрел, прогноз погоды видел? Се-

годня огласили штормовое предупреждение.

– Да ты, Семёныч, не переживай, – мне не надолго. Я часок полетаю и отбой. Люблю я небо пред грозой!

– Ладно, бери машину, – недовольно согласился Семёныч. Только верни до бури, как обещал, а то и себя угробишь, и машину загубишь.

– По рукам! – радостно воскликнул Александр и побежал к самолёту.

* * *

Буря действительно разыгралась не на шутку. Небо стало свинцовым и клубилось серыми мрачными тучами. Ветер наверху не просто дул, а завывал, словно дикий зверь. Временами мелькали зловещие стрелы молний. Ещё мгновение – и пошёл ливень. Сильные дождевые струи громко барабанили по лобовому стеклу, закрывая видимость. Порывы ветра бросали маленькую лёгкую машину то вверх, то вниз, то из стороны в сторону. Александр недовольно нахмурился. Лететь было ещё добрых два часа, а условия были явно нелётные. Самолёт дико трясло так, что Александр не сразу мог попасть на нужные рычаги управления.

Внезапно машину подбросило так сильно, что она встала вертикально, а затем перевернулась в возду-

хе. При этом голову Александра с такой силой ударило о приборную доску, что он почти потерял сознание.

– Не спать, не спать, – зло прикрикнул мужчина на самого себя и выругался от досады.

Его маленький хрупкий самолётик умудрился пасть на край скопища грозowych облаков, и теперь машину крутило и вертелo в грозowych завихрениях воздушных потоков. Александр лавировал, как мог, стараясь выровнять машину. Наконец, ему это удалось, но минут через двадцать в одном из двигателей самолёта послышался подозрительный гул.

– Да, прав был Семёныч! Не тебе, неумёхе, самолёты водить в бурю. Если откажет двигатель, от тебя останется только горка окровавленного месива да переломанные косточки.

Дальше Александр вёл самолёт, надеясь лишь на божью милость. Машину водило из стороны в сторону, но каким-то чудом он всё же не падал, и пилоту удалось довести машину до места назначения.

Через двадцать минут после посадки в пункт назначения Александр, задыхаясь, ворвался к своему старинному другу Никодиму Павловичу, которого в городке считали кем-то вроде местного колдуна и знахаря.

– Никодим, где твоё непризнанное снадобье для лечения всяких инфекций? Помнишь, ты им меня ещё от лихорадки спас, когда я загибался уже?

Никодим, рослый, обросший бородой и длинными волосами мужик, только удивлённо воззрился на так неожиданно ворвавшегося к нему старинного друга.

– Так, это, что ж ты прям с порога к делу? Может чаю?

Но Александр уже тащил друга к самолету. И добраться до Москвы им удалось без приключений.

* * *

А дальше Александр, проявив чудеса настойчивости, заставил врачей включить в список препаратов ещё и снадобье Никодима, составленное им из каких-то удивительных трав и заморских растений. Впрочем, врачи, чувствовавшие вину за такое печальное развитие событий и за то, что придётся покалечить такую хорошенькую девушку, да ещё и известную модель, сами были готовы решиться на экспериментальные и даже антинаучные методы. Терять им было уже нечего...

Маше начали вводить снадобье по рецептуре Никодима, который сидел возле больной день и ночь, шепча какие-то целебные заговоры и делая массажи по одному ему известной методике, и – о, чудо, через несколько дней состояние Марии стало улучшаться. А через месяц Маша уже начала ходить, есть с аппе-

титом и улыбаться двум неотлучно пребывающим с ней рыцарям – Никодиму и Александру. Чудо всё же произошло.

Глав 16. Любовь – небесная игра

Москва, наше время.

Любовь Романова, наверное, минуты три стояла, замерев, точно статуя, и нажав на звонок квартиры № 33, которую снимал Артём Вениаминов – племянник тёти Клавы, подозреваемый в её убийстве. Рядом с Любовью стоял Серебряков, готовый защищать свою начальницу-напарницу от любой беды.

Наконец, минут через пять, когда непрошенные гости уже готовы были откланяться, дверь квартиры приоткрылась, и оттуда высунулась взлохмаченная голова молодого худощавого парня.

– Ну,пустишь,наконец? –спросилаЛюба,показываяемуудостоверение.

Парень молча приоткрыл дверь и отошёл в сторону, пропуская гостей.

В квартире царил беспорядок, а сам парень был похож то ли на рокера, то ли на металлиста – чёрные джинсы, облегающая футболка с белым черепом на груди, несколько толстых металлических браслетов на запястьях, тяжёлая металлическая цепь на груди. В его лице было что-то азиатское, чем-то он отдалённо напоминал Виктора Цоя.

– Вы зачем пришли? – испуганно спросил парень. – По поводу тёти Клавы? Подозреваете?

– Угадал, ковбой, – сухо ответила Люба. – По поводу тёти. Только почему же сразу «подозреваете»? Просто зашли поговорить, может, ты знаешь что, – можешь следствию.

– Поговорить зашли, значит, – задумчиво протянул парень и внезапно быстрее молнии бросился к открытому окну. Серебряков бросился за ним, но не успел – парень вскочил на подоконник и выпрыгнул из окна. Серебряков не медля выпрыгнул за ним. Люба подбежала к окну и облегчённо вздохнула – это был второй этаж и беглеца с преследователем уже и след простыл.

* * *

Через час Серебряков сидел у Романовой в кабинете и, виновато вздыхая, рассказывал, как упустил Вениаминова.

– Вот представь, Люба, бегу я за ним изо всех сил, а возле него внезапно машина останавливается, да не какая-нибудь «Таврия», а натуральный «BMW», он вскакивает в неё и всё – умчался. И как такое могло произойти? Личный водитель у него что ли, который за ним следит, или охрана, или телохранитель?!

– Да-а, товарищ капитан, как опер вы сегодня себя проявили не с лучшей стороны, – насмешливо заметила Любовь и продолжила:

– А я вот занялась более продуктивным делом и расспросила про нашего племянша соседей. Характеристику ему дали не слишком лестную. Сами не поймут – то ли дурачок, то ли бандит. Выглядит как рокер, сидит сиднем в квартире, на работу не ходит, знакомств ни с кем не водит. В общем, друзей среди соседей не имеет и единогласно признан ими «тёмной личностью». И, судя по его поведению, так оно и есть – гоняться за ним придётся ещё долго.

И, не выдержав и расхохотавшись от одураченного вида своего подчинённого, предложила:

– Да хватит тебе переживать, пойдём вечером полетаем?

* * *

Несмотря на строгое обращение, Любовь Романова считала Володьку Серебрякова своим лучшим другом. Их связывало общее увлечение – полёты на парплане. Увлекла его этим занятием она – Люба начала летать чуть ли не с детства. Но Владимир научился всем премудростям этого непростого занятия на удивление быстро. Всё давалось ему легко, навер-

ное, потому, что ему от природы было присуще поразительное бесстрашие и истинно мужская смекалка. И вскоре они уже вдвоём парили в небесной выси.

Сегодня они летали под звёздами. Над ними нависло тёмно-синее небо и отливающие серебром звёзды протягивали к ним тонкие светящиеся нити. Их обдувал лёгкий ветерок, а земля была совсем не видна в наступившей темноте, и им казалось, что они заброшены прямо в открытый космос и остались одни во всей вселенной. Любовь, смеясь, пыталась приблизиться к Владимиру, а он пытался подлететь к ней, но струи воздуха каждый раз отбрасывали их друг от друга. Сейчас, в небе и в этой сияющей темноте, Любовь позабыла обо всех земных делах, и о том, что нужно следить за тем, чтобы не подпускать Серебрякова к себе. Ей, как истинной женщине, хотелось запечатлеть всю красоту этого мгновения, и хотелось, чтобы оно было наполнено романтикой и любовью.

Люба и сама не знала, что чувствует к Владимиру. Она только знала, что уже очень давно он был всегда рядом. И стремился защитить от всего – от бандитов и от всяких напастей – реально существующих и воображаемых. И её это всегда немного сместило – уж она-то – майор полиции – сможет постоять сама за себя.

На взлётном поле их как всегда поджидал Ветерок,

шумно радуясь их возвращению. Собака любила Владимира, наверное, не меньше, чем её саму и, встретив его, выражала свой восторг шумным облизыванием и бешеным вилянием пушистого хвоста.

На этом поле, в загадочной ночной тиши, Владимир, как и уже много раз до этого, предпринял попытку её поцеловать. И Люба почти ответила ему взаимностью, но тут перед её глазами мелькнуло другое лицо – лицо человека, так часто целовавшего её в губы, и в один чёрный день так жестоко предавшего её любовь. И после этого видения Любовь как всегда отстранилась от Владимира. Нет, больше она не поверит ни одному мужчине на свете и никому не позволит разбить своё сердце снова.

* * *

– У этого дома не только жуткие истоки, но и не менее страшное продолжение. И я просто чувствую, что странная атмосфера дома как-то связана с произошедшим преступлением. Вот знаешь, маньяки иногда предпочитают играть со следователем в провокационную игру. Там, оставляют какие-то знаки, шарады, записочки. А здесь и оставлять ничего не нужно, сам дом и является знамением.

Майор Любовь Романова стояла посреди своего ка-

бинета в разгар рабочего дня и рассуждала о своих предчувствиях. Владимир Серебряков слушал. В рабочие будни между ними не проскальзывало и намёка об их взаимоотношениях – Люба никогда этого не допускала, – не хватало ещё, чтобы её работа сопровождалась разными сплетнями и насмешками.

– Но что ж это за жуткие истории, которые происходили с домом в наше время? – хмуро спросил Серебряков.

Время шло, а дело никуда не двигалось, и это не могло не расстраивать всю их следственную бригаду. Этак скоро и на ковёр к начальству вызовут, а там и до выговоров недалеко и целой череды дальнейших неприятностей.

Глава 16. Дом спаленных судеб

– В старину место, на котором был в советское время построен дом, называлось «Садовники». Так его прозвали из-за царского сада, который был там разбит. Сад этот защищал Кремль от пожаров. Это сейчас дом высится на острове, который отделён от Замоскворечья водоотводным каналом, который прорыли во время правления Екатерины Великой. А в старину на месте канала были низины и бочаги, которые в половодье наполнялись водой. Оттого и прозвали это место «болотом», а ещё его называли дурным и кровососным. И место это и правда было недобрым. На Болотной площади людей казнили. Тут был обезглавлен Пугачёв, а молва говорит, что и Стенька Разин. В начале XVI была тут страшная публичная казнь в духе средневековой инквизиции. Казнили пять человек, обвиняемых в заговоре против Церкви. Устраивались тут и бои кулачные. Именно здесь во времена лермонтовского купца Калашникова «трещали груди молодецкие».

И за то, что оба хозяева палат на болоте погибли мрачной, «не своей смертью». А уж легенд про призраков в доме – не сосчитать. И про девушку в цепях, скелет которой нашли в одной из подземных

ниш, – может как раз Марию Долгорукую и имеют в виду, и про страшного разбойника Ваньку Каина, который под стенами Кремля купцов убивал. А затем в советские времена на этом месте воздвигли Дом правительства, – рассказывала Любовь.

– Ну, так а в советское время что страшного могло быть связано с этим домом? – непонимающе спросил Серебряков.

А в это время не меньше историй происходило, чем в древности. Тут же, видишь ли, проживала элита, самая верхушка правительства и общества. И во время сталинских репрессий немало их прямо из дома были забраны в тюрьмы да лагеря... Но ты сначала про сам дом послушай – он представляет из себя очень необычное сооружение.

– А что необычного-то?

– В феврале 1928 года на месте бывшего Винно-соляного двора, на Всехсвятской улице и Берсеневской набережной началась грандиозная стройка. Техники – и нашей, и заграничной, уйму согнали. Был разрушен целый старинный квартал, протянувшийся от Москвы-реки до Водоотводного канала. Все старые приземистые постройки сравнивали с землёй. Затем началось возведение фундамента, а это на болоте сделать было непросто. На трёх с лишним тысячах мощных железобетонных свай уложи-

ли бетонную, в метр толщиной, подушку. Людей на стройке кишело немеряно. Работали в 2–3 смены, перебрасывались сотни рабочих с других строек, сюда направлялись рабочие с Биржи труда. И то никак строительство закончить не могли. Пока одна из частей дома уже принимала первых жильцов, другая ещё только строилась. В общем, тянулась стройка несколько лет – с 1928 по 1932. Итого – четыре года. А общая площадь комплекса заняла 400 тысяч квадратных метров. Денег на стройку ушли многие миллионы – порядка 28 миллионов рублей, тогда как изначальная смета была рассчитана на 4 миллиона. В общем, монументальная громада получилась – целый дворец советских времён. Да и обставлены были квартиры с царской роскошью.

– Что ж там за роскошь такая была? – недоверчиво переспросил Серебряков.

– А ты только представь: квартиры площадью 100–170 квадратных метров. Мебель из кожи да мореного дуба. Кухни, правда, небольшие были, но это потому, что партийная элита дома и не готовила. Дети питались в детском саду, матери – в столовой, отцы – в кремлёвском буфете. Причём, всё было в самом доме – и детский сад, и ясли. Здесь же были и развлечения, в виде кинотеатра по полторы тысячи мест. Был ещё клуб ВЦИК, и спортив-

ный зал, и универмаг, и амбулатория, и прачечная, и сберкасса, и почта. Была библиотека, поликлиника, продуктовый магазин, и даже солярий. Ясли и детский сад находились на крыше здания. А в верхней части дома были террасы, просторные обзорные площадки. В подвалах находилось огромное, в 2–3 этажа бомбоубежище. Мусорные отходы из дома собирал целый штат мусорщиков, с железными баками за плечами. Сжигали этот мусор в специальных подвальных печах. В наше время с такими инновациями строят элитные дома для миллионеров, к примеру, в Майами, чтоб жильцы получали все услуги, не выходя из дому – тут тебе и спортзал, и бассейн, и кинотеатр, и ресторан. А наши до этого ещё в первой половине XX века додумались.

Так вот, в столовой всем жильцам положены были бесплатные готовые обеды и сухие пайки. Так что никто в доме не готовил. А мебель вся была не только элитной, но и унифицированной. Каждый стул, стол, буфет имели бирки инвентарных номеров. Жильцы, въезжая, подписывали приёмочный акт, а в нем всё учитывалось, вплоть до дубовых крышек от унитаза. А рамы на окнах были дубовыми.

В общем, дом этот был словно Остров Солнца, высившийся среди бараков, переулков, населённых

разной шпаной. Другого такого дома во всей России не видали. Ванны, туалеты, холодная и горячая вода круглый год – невиданная в те времена роскошь, – лифты. Пока Дом строили, рабочие девчонки на лифтах катали как на аттракционе.

Вечером, бывало, ставишь вечером на кухне в мусоропровод ведро с мусором, а ночью на грузовом лифте придут, заберут и чистое поставят. В кинотеатре можно было отдохнуть после рабочего дня. Перед сеансом играл джаз-оркестр и гавайская гитара да ещё и напитки с печеньем подавали бесплатно: «Марсалин», «Какао-шуа», печенье «Пти-фур».

Правда и странностей было немало. К примеру, что-то из дома взять, там, книгу, допустим, можно было только с разрешения хозяина дома. Блокноты с бланками пропусков выдавала комендатура.

В общем, дом был огромен, словно целый город, и жил он какой-то своей, совершенно отдельной жизнью. Во внутренних дворах были разбиты газоны, били фонтаны. Это был самый большой и самый богатый дом в Европе. И, пожалуй, один из самых кровавых в истории человечества...

Глава 18. Непризнанный гений

Серебряков не поверил своим глазам. Прямо перед ним остановился новый блестящий на солнце джип и из него появился тот самый мальчишка-рокер, племянник убитой тёти Клавы, который непонятно с чего несколько недель назад сбежал от них, выпрыгнув в окно. Но сейчас парня было не узнать. Он был с иголочки одет в красивый чёрный и явно не дешёвый смокинг и входил в двери одного из самых модных и дорогих ресторанов Москвы.

– Никак банк ограбил?.. – подумалось Серебрякову, который немедленно ринулся вслед за Артёмом.

Швейцар на входе попытался было остановить капитана за неподходящий дресс-код, но немедленно стушевался после того как Серебряков показал своё полицейское удостоверение.

Когда Владимир подсел за столик к Артёму, которому официант уже успел принести заказанные блюда, тот даже не вздрогнул.

– Попробуешь дёрнуться, буду стрелять, – предупредил Серебряков.

– Да я и не собираюсь «дёргаться», – видите же, – обедаю, – насмешливо заметил Артём.

– Хм, – недоверчиво хмыкнул Серебряков, – а что

ж ты от нас тогда так резво сбежал? Даже в окно выпрыгнул!

– Да растерялся слегка, – по-мальчишечьи улыбнулся Артём, – всё же полиция не каждый день навещает.

* * *

– Ну, рассказывай, – приказал Владимир. – В каких отношениях был с убитой тётей Клавой, есть ли алиби на время её убийства?

– Да вы что, – удивлённо воскликнул паренёк, – меня что ли в убийстве подозреваете?!

– Ну а почему бы и нет? У неё была неплохая квартира, завещанная тебе. Налицо корыстный мотив.

– Да нужна она мне, её квартира! – возмутился Артём. – Тётя Клава мне как мать была, понимаешь? Мы любили друг друга, общались. Она меня всё откормить пыталась. А стоило мне заболеть, так день и ночь возле меня сидела. Роднее матери была!

– Ну, – смутился Серебряков, – так-то оно так, но всё же квартира...

– Да я таких квартир сам могу купить и раздавать пачками, – снова возмутился Артём. Я зарабатываю и очень неплохо. Поэтому никаких корыстных мотивов у меня быть не может!

– И на чем же можно столько зарабатывать? – поразился Серебряков.

– Я вполне успешный биржевый брокер. Чувствую колебания валют, – понимаете? Да и учителя были хорошие. Так что, уже успел и денег скопить, и инвестировать кое-куда. В общем, материальных проблем не испытываю. Вы не смотрите, что застали меня в этой бомжацкой берлоге – это я снимаю, чтобы с группой там играть – увлекаюсь музыкой – вот там мы и тренируемся.

Да и алиби у меня есть. В тот вечер я ужинал с девушкой в этом вот ресторане. Это и хозяин может подтвердить. Я ещё потом заигрался в бильярд, так что ушёл под утро.

– Ну, если ещё и хозяин подтвердит... – обрадованно заметил Владимир, – то всё в порядке. Он и сам был несказанно рад, что паренёк здесь не причём, а то очень уж грустная бы получилась история.

Глава 19. Когда земля уходит из-под ног

Москва, полгода назад.

Сегодня звёзды светили среди белого дня. Мария их отчётливо видела – большие, яркие, серебряные, они тянули к ней алмазные переливающиеся нити, сплетая сетку, в которой так и хотелось взлететь под облака. А ещё ветер, который оплетал её тугим коконом, и было так тепло и уютно, и хотелось раскачиваться, словно лёгкому невесомому листочку. И запах свежести, исходивший от зелёной травы, от листвы деревьев, окруживших её в этом лесу и укрывших от всего мира.

Мария не удивлялась этой свежести чувств, ведь рядом был Он – волшебник, расцветивший её мир радужными красками.

– А ты знаешь, в том фильме я выполнил все каскадёрские трюки сам. Было немного страшно, но ради адреналина стоило на это пойти...

– Да, и мне тоже приходилось на фотосъёмках, но только я от этих трюков никакого удовольствия не испытывала. Экстрим – не мой конёк.

Они говорили и говорили, наперебой, ни о чём и обо всём, торопясь высказать свои мысли, мнения, всё, что успел накопить их жизненный опыт. Ведь каждый знал, что другой всё поймёт и примет, и ни за что не осудит, и ничем не затмит того чувства принятия и восхищения, что они вызывали друг у друга.

Мария не узнавала сама себя. До сих пор все её мысли были только о Глебе – о властном, таком непростом, да ещё и женатом Глебе. Мужчине, с которым у Марии не было никаких перспектив, но который так глубоко вошёл в её мысли и её сердце. А сейчас Маше вдруг захотелось, чтобы этот высокий, стройный, ослепительно красивый мужчина, с яркими синими глазами решился и обнял её, что она стала молить об этом вселенную. Ну, когда же, когда он решится, и она ощутит всем телом ту силу и доброту, которая исходила от него. А Александр всё говорил и говорил. Он говорил массу весёлых и интересных вещей – рассказывал анекдоты о своей сценической жизни, интересные истории и различную полезную информацию о творчестве актёров, режиссёров, продюсеров – о том мире, в котором жил.

А Маша слушала его и молчала о том, что женщина никогда в первые дни знакомства не решится произвести вслух – чтоб обнял, погладил, приласкал...

И вдруг, прерывая Машины любовные мечты, зем-

ля разверзлась и куда-то ушла из-под ног. И девушка, вместо того, чтобы взлететь, на что, как ей казалось, она ещё секунду назад была способна, полетела куда-то вниз. Её падение длилось так долго, что ей показалось, что под ней разверзлась сама преисподняя. А она всё катилась и катилась, набивая синяки, обдирая руки и оставляя прорехи на своём лёгком платье. И, наконец, замерла неподвижно, глядя широко открытыми глазами на белые облака, молочным туманом клубившиеся в далёком небе.

– Маша, Машенька, что с тобой, ты жива?! – Александр стрелой нёсся к ней, на дно достаточно глубокого оврага, в который Машу угораздило так фатально скатиться. Мужчина прыгал, словно длинноногий сайгак и, казалось, в три прыжка оказался на дне и бросился к Марии. Он с тревогой ощупывал и оглаживал её тело, ища переломы, а Маша совсем не чувствовала боли, словно ей ввели сильный наркотик. Таким наркотиком и были для неё прикосновения Александра. Она специально не спешила вставать, чтобы эти райские мгновения продлились как можно дольше. «А может он ещё и поцелует», – улыбаясь в предвкушении подумала Маша.

– Ты улыбаешься, Машуль? Так значит, ты цела и у тебя ничего не болит? – обрадованно закричал Александр.

– Ну вот, – с внутренним вздохом констатировала Мария, – теперь не поцелует...

Девушка открыла глаза и начала подниматься с земли. Александр подал ей обе руки, помогая встать. Однако, поднявшись на ноги, Мария вскрикнула от боли. Падая с оврага, девушка вывихнула-таки лодыжку, и теперь давление на ногу отзывалось тупой неприятной болью. Маша виновато поглядела на Александра.

– Ну вот, мало того, что я растяпа, так ещё и ногу умудрилась подвернуть. Как же теперь мы выйдем из этого леса?

– Вот это как раз не беда! – вдруг рассмеялся Александр. Наоборот, о такой ситуации я мечтал всю жизнь!

И мужчина внезапно подхватил Машу на руки, словно она была легче пёрышка.

– Сейчас уж обратно пойдём, нужно быстрее тебя уложить в кровать, а ногу обложить льдом, чтобы спал отёк. Только давай-ка, переползай пока на спину, чтобы я тебя не уронил, пока будем выбираться из оврага.

Мария вцепилась обеими руками за шею Александра, пока мужчина, цепляясь за ветки кустарников, растущих по склону оврага, выбирался вместе со своим драгоценным грузом. Мария всё это время виновато мурлыкала на ушко своему рыцарю о том, как ей

неудобно, что он тащит её на себе, и ругала себя за то, что такая вот она мечтательная растяпа. А Александр был на седьмом небе от счастья, чувствуя, как золотистые пряди девушки щекочут его шею.

Выбравшись наверх, на ровную землю, Александр вновь подхватил Машу на руки и очень быстро зашагал через лес к трассе. На полдороги он вызвал такси «к лесу» и пошёл ещё быстрее. Маша тем временем, удобно устроившись в сильных руках Александра, чувствовала себя, словно дитя в колыбели. Она обняла своего рыцаря за шею и время от времени сочувственно спрашивала его, не слишком ли он устал, и не очень ли она тяжёлая. Ответ Александра был неизменным:

– Чувствую себя самым счастливым человеком на свете, моя принцесса, и был бы счастлив, если бы мог так идти вечность.

В конце концов, Маша успокоилась и даже слегка задремала. Ей было так хорошо и спокойно, как, наверное, бывало только в далёком и забытом детстве.

Когда они вышли из леса, такси уже ждало их на обочине трассы. Александр пообещал шофёру двойную оплату за скорость доставки, и через полчаса они были уже у Маши дома.

Александр повёл себя, словно заботливый доктор. Он помог Маше снять платье. Маша немного испуга-

лась, опасаясь, что это предлог для любовных ласк. Всё же, как ни нравился ей Александр, но о Глебе она никогда не забывала и не смогла бы простить себе такого предательства. Но поступки мужчины пошли вразрез с Машиными опасениями. Заботливо укрыв её одеялом, Александр помчался в ближайший супермаркет и принёс оттуда целый пакет льда. Затем разложил лёд по водонепроницаемым пакетам и обложил ими Машину ногу. Потом, найдя среди Машиных запасов какие-то травы, заварил их и напоил Машу чаем с успокоительным эффектом. И только потом, оставив включённым маленький ночничок, освещавший комнату тусклым мерцающим розовым светом, прилёг к Маше на кровать поверх одеяла и крепко обнял её. Маша было заворочалась, раскрывая ему свои объятия, но Александр только успокаивающе качал её, словно малое дитя, приговаривая:

– Маленькая моя, засыпай, моя родная, завтра поговорим. Тебе сейчас нельзя двигаться, а то ножка опять заболит. А утро вечера мудренее, завтра тебе будет намного легче.

И Маша, подчиняясь его ласковому голосу, крепко уснула. В первый раз в жизни ей было так хорошо и спокойно. Она была счастлива.

Утром от сладкого сна Машу разбудил телефонный звонок. Александр всё ещё спал, как убитый – вымотался от вчерашней прогулки. Звонил Глеб. Маша попыталась встать и обнаружила, что нога уже почти не болит. Девушка поспешила выйти на кухню, чтобы не разбудить спящего.

Голос Глеба напоминал шипение разъярённого удава. Он был в ярости – на сегодня были намечены важные съёмки, а Маша так и не появилась. Такое случилось первый раз за всю её карьеру фотомодели.

– Ты что, с ума сошла?! – шипел Глеб, – ты знаешь, во сколько мне обходится аренда студии и работа съёмочной группы?! Неустойку ты мне оплатишь?!

– Глеб, подожди, – остановила его Маша, стараясь, чтобы её голос звучал как можно более спокойно. – У меня была уважительная причина, я сейчас приеду и всё объясню тебе при встрече.

– Очень на это надеюсь, – с той же яростью в голосе прокричал Глеб. Бери машину и немедленно приезжай.

– Уже еду.

В спальне Маша печально глянула на Александра, с которым придётся сейчас расстаться. Дождётся ли

он её? Или, вернувшись, она войдёт в пустую квартиру?

Одевшись, Мария наскоро набросала Александру записку: «Как проснёшься, обязательно поплотнее позавтракай. Бери всё, что есть в холодильнике. Котлеты разогрей. До встречи, мой спаситель!».

* * *

Увидев Машу, Глеб, не слушая её оправданий и рассказа о произошедшем вчера чрезвычайном происшествии, попытался вновь вылить на девушку накопившуюся злость. На что Маша, которой демонстративная тирания бизнесмена показалась вдруг такой напускной и неуместной, вдруг спокойно заявила:

— Глеб, успокойся. Поговорим как взрослые люди. Мне нужно тебе сказать что-то очень важное.

В ответ Глеб резко замолчал, словно захлебнулся своей экспрессивной речью, и уставился на Марию.

— Я провела ночь с другим человеком, Глеб. Прости. Я не хотела этого, но это случилось. Как-то само собой, независимо от моей воли...

Глеб выглядел так, словно на него свалилась каменная плита, упавшая с крыши шестнадцатизэтажного дома. Уж что-что, а такого он услышать не ожидал. Вся его злость из-за Машиной неорганизованности ку-

да-то вмиг испарилась.

— А как же мы? — тихо спросил он. — Как наши с тобой отношения? Канули в лету и уже ничего для тебя не значат?..

— Что ты, Глеб, конечно, значат. Между мной и Александром ничего не было, мы просто провели вместе время и всё. Я по-прежнему тебя люблю. А к Александру отношусь как к другу — с уважением, с благодарностью. Маша даже захлебнулась от желания передать то, что было у неё на душе так, чтобы Глеб понял и не начал её ненавидеть.

— Я понял, — глухим и несчастным голосам заявил Глеб. — Но ты разбила мне сердце. Уйди, я должен побыть один. У тебя ведь болит нога? Вот и поезжай домой — подлечись. А завтра что-нибудь решим — утро вечера мудренее.

Глава 20. Капкан для маленькой мышки

На следующий день Глеб был на удивление ровен и спокоен. Казалось, что он полностью совладал с собой и переключился на работу. Маша позировала на камеру, сгорая от нетерпения. Когда и что он скажет ей? Может быть, вообще выгонит с работы? И что она тогда будет делать?

К счастью, Александр не устраивал не нужных сцен. Узнав, что нога больше не болит, он спешно убежал под предлогом того, что ему нужно привести себя в порядок. И Маша, облегчённо улыбнувшись ему в ответ, отпустила его.

В обед Глеб пригласил Машу присоединиться к нему. Сидя за столиком в презентабельном ресторане, Глеб был всё так же спокоен.

– Маша, честно признаюсь, я эту ночь вообще не спал. Пил кофе, курил, думал...

Ты, наверное, всё это время считала меня тираном, ведь я был довольно строг к тебе. Но это лишь для того, чтобы ты достигла вершины, чтобы была самой лучшей.

А теперь я тебя отпускаю. Не переживай, мы по-

прежнему будем работать вместе – ты же моя Галатея, а я с тобой чувствую себя Пигмалионом. Что же касается твоей личной жизни – то, живи, как хочешь и с кем хочешь...

Маша с облегчением вздохнула. Ну вот – ни бурных скандалов, ни битья посуды. Глеб её отпускает. Только вот куда?.. В полную неопределённость? Возможно, она всю жизнь будет жалеть о том, что вчера бес потянул её за язык...

– Только, – продолжал говорить Глеб, – у меня к тебе одна небольшая просьба.

Вот сейчас и начнётся его месть. Неужели ты, наивная девочка, думала, что он отпустит тебя просто так, без всяких условий?

– Раз мы расстаёмся, то я уже не вижу смысла снимать для тебя квартиру. Да и ты уже стала совсем самостоятельной, и в моей помощи не нуждаешься. Посмотри на себя – модные шмотки, дорогая иномарка. Ты уже не несчастная девочка из провинции, которой была когда-то, а уверенная в себе самостоятельная леди, светская львица. Так что, вполне можешь себе позволить самой содержать себя.

– Да ты не волнуйся, – поспешил успокоить Марию Глеб, видя, как нахмурились её тонкие изогнутые бровки. Никаких хлопот, никаких риелторов и утомительных поисков. Я уже подыскал для тебя прекрас-

ную квартиру – мои знакомые оттуда недавно съехали, и она пока ещё не сдана. Роскошные трёхкомнатные апартаменты по цене однокомнатной квартиры. В элитном доме. Знаешь, его раньше называли Домом Правительства. Рядом с Кремлём находится. Там раньше вся элита жила, да и сейчас так же. Да и вообще, даже если скажешь, что денег на аренду тебе не хватает и качество жизни ухудшилось – так не вопрос – зарплату увеличу. Ты же знаешь – я для тебя денег никогда не жалел. Для меня это просто вопрос принципа.

В голосе Глеба послышалась, наконец, откровенная боль, и Маша испугалась. Кто знает, насколько глубоко она ранила его. А ведь вся её карьера и благополучие зависит именно от него. Кто знает, если ей придётся уйти из его агентства, как у неё сложится дальше. Будут ли в другом агентстве тратить на её раскрутку такие деньги? Более вероятен вариант, что возиться с ней никто не станет. И постепенно она превратится в третьесортную модель, которая никого не будет интересовать. А там может и вообще работу потеряет. И куда потом? Она же больше ничего не умеет. На панель или обратно в деревню?

Маша вздохнула и, наконец, решительно ответила: – Глеб, спасибо тебе за то, что ты всё это так достойно воспринял. Что не мстишь, не поливаешь гря-

зью, и, как всегда, стараешься помочь. Не думай, что я этого не понимаю и не ценю. Кем бы я была без тебя? А по поводу квартиры, то, конечно, не вопрос. Ты вообще не обязан меня содержать – ты и так платишь достаточно. И спасибо, что помог найти новое жильё – в Москве это не так-то просто. Так когда можно посмотреть моё новое гнёздышко?

– Да прямо сейчас, – просто ответил Глеб, – квартира свободна, можешь переселяться туда хоть сегодня.

* * *

Дом на Берсеневской набережной заинтриговал Марию сразу же, как только она увидела его. В тот день стоял туман, и такая погода как нельзя более соответствовала атмосфере, которая царила вокруг этого здания. Огромная серая махина дома громоздилась на набережной Москвы-реки, и эта глобальная мрачноватая серость словно перетекала от дома к воде, и в этот день вода казалась серо-стального оттенка. Это был не просто дом, а целый комплекс сооружений, плавно перетекающих одно в другое. Здание высилось над самыми высокими деревьями, сливаясь с сумрачно-серым небом, затянутым огромными свинцовыми тучами. И эта вездесущая серость раз-

ных оттенков вместе с туманом заползала Марии в нос, в уши, за воротник её хорошенькой кофточки, убаюкивая, высасывая энергию, лишая сил.

– Ну как тебе будущий дом? – оживлённо спросил Глеб. – Впечатляет?

– Впечатляет... – протянула Маша. – Он такой огромный. И, не знаю почему, но, несмотря на обычную для советского времени архитектуру, он вызывает у меня ассоциацию с каким-то величественным средневековым замком. Мрачным, готическим. Только замки обычно чёрного цвета, а этот дом какой-то серый...

Очень серый и очень сумрачный, – подумалось Маше. – Такой хмурый, несмотря на окружающие его пышные зелёные деревья, что кажется настоящей западнёй. Серой мышеловкой, в которую лучше не соваться маленькой мышке...

А Глеб уже весело читал ей лекцию по поводу истории этого места и дома. Он был очень начитанным человеком и прекрасно знал Москву – от больших площадей до самых потаённых её уголков. Не будь он известным бизнесменом, он вполне бы мог стать профессиональным экскурсоводом.

– Ты, Маш, не заморачивайся, – это просто погода на тебя влияет. Дом на самом деле элитный и расположен в прекрасном месте. Видишь набережную –

сколько воды? А ты представь, что её ещё больше, что она окружает тебя везде. Дом ведь находится на самом настоящем острове. Да-да. Только не тропическом, а Болотном острове, который соединён с материком Большим и Малым Каменными мостами. Так что, его действительно окружает вода. А ты ведь любишь воду.

– Расскажи ещё, – заинтересованно попросила Маша, – мне интересно побольше узнать об этом месте.

– Да рассказать могу многое. Дом двенадцати-этажный. В нём двадцать пять подъездов. Занимает огромную площадь в три гектара – такой себе мини-городок в большом городе. В 1918-м, после того, как столица РСФСР была перенесена в Москву, сюда съехалось большое количество госслужащих. Их нужно было где-то расселить, и в 1927 году была создана комиссия по строительству Дома Правительства под председательством главы правительства Алексея Рыкова. Квартиры в доме должны были предоставляться членам ЦК ВКП(б), наркомам, их заместителям, членам Комиссии партийного контроля. Позже в дом начали заселять и других важных пташек: военачальников, артистов, писателей, Героев СССР, старых большевиков, учёных и так далее. Здание было построено по проекту Б. М. Иофана в стиле позднего конструктивизма.

Ты вот заметила, что дом серый, а ведь изначально его хотели окрасить в праздничный розовый цвет, с розовой отделкой из мраморной крошки. Да рядом была котельная, из которой день и ночь шёл чёрный дым. Так что, в серый цвет дом покрасили из практических соображений.

А так ты представь: элитный огромный дом на набережной, 505 квартир – по две на этаже. В квартирах дубовый паркет, на потолках – пейзажи, где были изображены разные времена года. Фрески эти писали живописцы-реставраторы, специально приглашённые из Эрмитажа. Так что дом этот представляет собой настоящий памятник искусства – будешь жить как в музее.

– Да уж, – вздохнула Маша.

– Да сейчас дом и правда объявлен памятником истории и находится под охраной государства. Его, конечно, осовременили – здесь сейчас располагается и студия звукозаписи, и Дом Российской Прессы и ещё целый ряд коммерческих организаций.

В 1988 году тут открыли краеведческий музей, в котором пытаются отобразить атмосферу 1930-х годов. В подъездах установлены доски в память живших там знаменитостей. Есть такие таблички и на фасадах. Тут обитала масса известных личностей: дочь Сталина Светлана Аллилуева, маршал Жуков, построив-

ший дом архитектор Борис Иофан, знаменитый балетмейстер Игорь Моисеев, писатель Юлиан Семёнов, сын Сталина Василий, семья знаменитой актрисы Ольги Аросевой, Никита Хрущёв, писатель Александр Серафимович, в честь которого названа улица, и многие другие – чтобы обо всех рассказать, отдельную книгу нужно написать.

Маша слушала, с уважением поглядывая на Глеба.

– Надо же, как много ты знаешь, – похвалила она рассказчика.

– Да я, Маша, многое знаю. Это же мой город, и ему есть, что рассказать своим жителям. Но хватит болтать, пошли-ка в квартиру – там тоже много чего интересного.

* * *

Огромная трёхкомнатная квартира восхитила Машу своей роскошью и атмосферностью. Там специально почти ничего не изменили с 30-х годов прошлого столетия, только отреставрировали немного. А то, что требовалось обновить, было так умело встроено в интерьер, что нисколько не меняло общего дизайна жилища. И квартира, как и дом, была проникнута атмосферой прошлого, какой-то утончённой и чувственной ностальгией по давно ушедшим десятилетиям.

Тяжёлая мебель из натурального дерева, красный пушистый ковёр, тяжёлые занавеси на окнах, ванная, обложенная плиткой цвета чёрного изумруда, огромные зеркала в золочённых узорных рамах. В спальне – тёмно-голубой пушистый ковёр, напоминающий персидский и огромная кровать, в которой кроме неё могло бы поместиться ещё пять любовников. Всё было настолько красиво и гламурно, что у Маши перехватило дух. В спальне, где окно было завешено тяжёлыми бархатными занавесями тёмно-голубого цвета, в тон другой обстановке,

– Глеб! – в голосе Марии звучало восхищение. – Это действительно прекрасно! Я даже не ожидала увидеть здесь такую роскошь и уют. Это словно перенестись куда-то в дальнее неиспытанное прошлое и попасть при этом во дворец падишаха. Спасибо!

И Мария, не выдержав, бросилась Глебу на шею. Их объятие длилось вечность, но всё же закончилось, и Глеб ушёл. Мария, желая отдохнуть от тяжёлых событий последних дней, бросилась на роскошное ложе и уснула.

А дом всё также невозмутимо высился посреди набережной, излучая какое-то неуловимое самодовольство. И если бы Мария прислушалась в тот момент к своей интуиции, она бы ощутила, что в тот миг, когда она вошла в квартиру, ржавые петли старого капкана

уже пришли в действие, и пасть мышеловки захлопнулась...

Глава 21. Гонки забвения

Юлия обожала гонки на мотоциклах. Когда ветер в лицо, ровное полотно дороги, и ты ни о чём не думаешь и ни о чём не печалишься. Когда ощущаешь только наслаждение от скорости, движения, риска. Когда опережаешь других, которые, в сравнении с тобой, кажутся жалкими слабаками. От гонок Юлия испытывала такое же наслаждение, как и от секса, а возможно и большее...

Подруг с такими же интересами у Юлии не было, так что, её соперниками всегда были мужчины. И какое же это было наслаждение – каждый раз доказывать, что сможешь победить самых крутых мужиков, склонять их к своим ногам, вынуждая признавать очевидное – она Королева!

Особой фишкой Юлии было преодоление специально установленных препятствий, когда нужно было с разгону преодолеть на мотоцикле выставленные на дороге барьеры. Юлии не было равных в преодолении любых барьеров. Её мощный рокочущий мотоцикл преодолевал стены любой высоты. И когда Юлия взлетала на мотоцикле вверх, ей каждый раз казалось, что она вот-вот достигнет неба.

И каждый раз на гонках Юлии бешено, неправдо-

подобно везло. Она ни разу серьёзно не пострадала. Возможно, от травм её спасал заколдованный амулет, неизменно висевший у неё на шее. А возможно ещё что-то – мистическое и неизъяснимое, ведь дух колдовства постоянно окружал эту роковую красотку с роскошной чёрной гривой волос и в неизменно облегающей чёрной одежде.

А вот её соперникам везло меньше. Многие парни калечились и даже гибли в этих гонках. Про Юлию ходила дурная слава, что с ней лучше не связываться ни в чём – ни в любви, ни в гонках. Но ничего конкретного ей никто предъявить не мог – все ведь видели, что гонки были честными, и что девушка рисковала жизнью точно так же, как и остальные.

* * *

Сегодня в гонках участвовал Сергей Никодимов – постоянный и безнадёжный Юлин поклонник. Он не любил риска, но Юлия раззадорила его. Быть с ней и не испытывать судьбу было невозможно. А Сергей, на своё несчастье, так хотел быть с Юлией, словно она околдовала его.

Во время самих гонок Сергей ещё справлялся и мчался, не отставая от других. Но когда дошла очередь до барьера, случилось несчастье. По-видимому,

сказался недостаточный опыт мужчины, отсутствие длительных и регулярных тренировок. Взлетев, мотоцикл приземлился не вертикально на колёса, а упал плашмя. Сергея успели оттащить до того, как машина взорвалась, но он был уже без сознания.

Гонки прекратились, Сергея увезла скорая помощь, а Юлия благополучно отправилась домой. Собравшаяся на месте происшествия группа рокеров осуждающе качала головами.

– Эх, жаль парня, – выразил общее мнение один из мотоциклистов, – ведь умница. Закончил экономический факультет престижного ВУЗа, знает иностранные языки, планировал бизнес международного масштаба. И ведь уже начал развивать своё дело и всё получалось. А вот связался с этой ведьмой, и как прокляли его. Осунулся, похудел, ходит за ней следом, как собачонка, а она его и в грош не ставит. А теперь ещё и это. Дай Бог, чтоб выжил...

* * *

Когда Юлия пришла к Сергею в больницу, он уже пришёл в сознание. Парень был весь в перевязках, нога загипсована. Было сломано несколько рёбер, сложный перелом правой ноги.

– Ну, как ты? – Снисходительно спросила Юлия, –

Жить будешь? Когда на дискотеку пойдём?

В ответ Сергей посмотрел на неё ненавидящим отчуждённым взглядом.

– Это всё ты! Твоя вина, – хриплым голосом произнёс он. – Я, наконец, понял, какое ты зло. Просто исчадие ада! Скажи, сколько парней погибло из-за этих твоих гонок?! Ведь это ты настояла на этих непреодолимых барьерах. Ты невредима, а люди, пытаясь тебя догнать, просто гибнут. А теперь очередь дошла и до меня. Врачи сказали, что я, возможно, буду хромать всю жизнь. Вот к чему привела моя любовь. Ты калечишь и разбиваешь человеческие судьбы! Уходи! Видеть тебя не могу, проклятая ведьма! – Юлия с недоумением посмотрела на Сергея, развернулась и вышла прочь.

* * *

Девушка пошла не домой, а к одному из своих поклонников, – владельцу ресторана. Она потянула мужчину в вип-кабинку и отдалась ему прямо там – на ковре возле обеденного столика. И когда мужчина вошёл в неё, Юлия до крови расцарапала ему спину, с наслаждением вспоминая несчастное лицо Сергея, когда он говорил о том, что она сломала ему жизнь...

Глава 22. Смертельные забавы

Москва, наше время.

Роман Витальевич после изысканного обеда, где блюда им подносили официанты элитного ресторана, из которого эти же блюда и были доставлены, пригласил Любовь Романову на поле, где он обычно упражнялся в стрельбе по мишеням. Майор Романова так ничего и не смогла возразить против этих вынужденных развлечений, так как пригласить занятого олигарха в свой кабинет для допроса не было никакой возможности – Роман Витальевич никак не был напрямую связан с модельным агентством «Image Club» и не мог проходить в списке не то что подозреваемых, но даже свидетелей.

И всё же, выработанная за долгие годы работы следователем интуиция подсказывала ей, что его нельзя исключать из этой истории. Так что она ответила согласием на предложение олигарха «провести с ним несколько часов её драгоценного времени», и Серебряков, сгорая от ревности, поплёлся за ней. Настроение у него явно было не из лучших. Заодно, обрадовавшись прогулке, с ними отправился и Ветерок.

Начали со стрельбы из пистолета по мишеням. Ро-

ман Витальевич с первого раза попадал в самое яблочко. Его меткость впечатлила не только Романову, но и Серебрякова, а уж он-то повидал виды. Но то, что сделал Роман Витальевич в следующую секунду, поразило их настолько, что на несколько минут они оба остолбенели.

Рядом с олигархом крутился носильщик, который принёс всё необходимое для стрельбы.

– Николай, – вдруг обратился к нему Роман Витальевич, а становись-ка ты вместо мишени.

Николай, став блее мела, но, не посмев ослушаться, прислонился к большой доске, расчерченной уменьшающимися к центру кругами, и застыл неподвижно. Роман Витальевич поднял пистолет.

– Ну-с, сейчас мишенью будет рожа вот этого малого. Аплодисменты, господа!

– Да вы что?! – Любовь и Серебряков рванулись было к олигарху, но были сразу же схвачены охранниками. Пришлось застыть, словно оловянные солдатики, и молча наблюдать за происходящим.

Олигарх целился несколько томительных минут, всё более усиливая напряжение момента. Николай стоял молча, и было видно, что он весь трясётся мелкой дрожью, а лоб у него покрылся мелкими каплями пота.

Любовь смотрела молча. Время для неё исчезло,

свернулось до этих томительных секунд, которые резко и неумолимо отсчитывали:

Тик-так, тик-так, тик-так. Сейчас этот урод убьёт человека, и я позволю ему это, потому что стою и бездействую. Тик-так, тик-так, тик-так. А потом застрелюсь сама... Тик-так, тик-так, тик-так...

А Роман всё целился. И, наконец, спустил курок. Николай стоял на дрожащих ногах и, казалось, что он вот-вот потеряет сознание. Когда олигарх спустил курок, он вскрикнул. Но пуля пролетела мимо. Так же точно, как несколько минут назад олигарх попадал в яблочко, сейчас он «промазал», и пуля застряла в доске мишени, за несколько сантиметров от лица Николая.

Все, кто наблюдал за новой «забавой», с облегчением вздохнули.

А затем пули полетели градом. Между ними не было пауз, казалось, что Роман стрелял не целясь. Но ко всеобщему изумлению окружающих Николай всё ещё был жив, только смертельно напуган. Забава дорого стоила его нервной системе.

После пистолета пришла очередь ножей. Острые клинки со стальными лезвиями и рукоятями, украшенными замысловатыми узорами и надписями, стоили целое состояние. Бросая первый нож, Роман Вита-

льевич целился так же долго и внимательно, как и перед первым выстрелом. И время для наблюдающих и живой мишени замирало, и весь мир суживался до этих томительных минут. И вот первый бросок, и клинок с точностью пули вонзился в нескольких сантиметрах от лица «мишени». А затем в мишень полетел целый град ножей, которые Роман бросал короткими и быстрыми движениями, казалось, совсем не целясь. Ножи вонзались в доску всё ближе и ближе к Николаю, и Любви казалось, что очередной клинок вонзится несчастному слуге в глаз или в шею, перерезая артерию и убивая ни в чём не повинного человека.

Наконец, насытившись забавой и ужасом, который исходил от Николая и окружающих, олигарх закончил. Ко всеобщему изумлению, его «мишень» всё ещё была жива и невредима.

Роман Витальевич подошёл к Любви.

— Ну что, как впечатления?

— Ужасны! — воскликнула Люба. — Что если бы вы его убили?! На глазах у представителей полиции? Нам бы осталось вас только арестовать и сопроводить в тюрьму.

— Что ж, — весело заметил олигарх, в глазах которого бегали насмешливые чёртики, — вероятно, тогда мне пришлось бы только застрелиться. И ведь, заметьте, эту забаву выдумал не я. Так часто в прошлых

веках дворяне заполняли свой досуг. Да и у фокусников в цирке бытует такой номер.

– Очень нелепая забава, – хмуро заметил Серебряков. – Это издевательство над чужой жизнью и нервами. Посмотрите на своего несчастного слугу – что ему пришлось сегодня пережить.

Олигарх не ответил и так же весело обратился к Любе:

– Ну, что, продолжим наши развлечения? Я хочу, чтобы у вас, Любовь Николаевна, остались яркие впечатления о нашей встрече. Предлагаю прокатиться на лошадях. У меня племенные рысаки. Породистые лошади – моё хобби, которому я уделяю немало внимания. Вы не будете разочарованы. Прошу в седло!

Люба понимала, что спорить с Романом бесполезно. Или она будет играть по его правилам, доставив ему максимальное удовольствие, или он вообще ей ничего не расскажет.

* * *

Любе досталась резвая молодая кобылка. В своё время Романова обучалась верховой езде, так что ничего страшного в предложении Романа для неё не было. Но то, что случилось потом, стало для неё полной неожиданностью.

Едва Любовь взобралась на лошадь, как Роман хлестнул её кнутом, и кобылка понеслась вскачь. Лошадь скакала так быстро, что Любе и всем окружающим стало страшно. Кобыла мчалась к лесу и все понимали, что там, наехав с размаху на дерево, всадница непременно разобьётся.

Серебряков, которому лошадь не предложили, потерялся и не знал, что делать. А Роман, сидевший, словно восточный принц, на великолепном холёном рысаке, помчался за Любой. В пять минут догнав потерявшуюся всадницу, олигарх схватил лошадь за узду. И произошло чудо. Кобыла, которая несколько секунд назад мчалась как угорелая, бешено вращая глазами, почувствовав руку хозяина, вдруг успокоилась и перешла на неторопливую размеренную рысь, а затем и вовсе остановилась.

Всадники слезли с лошадей. Люба с огромным облегчением опустилась на землю и прикрыла глаза. Ещё минуту назад ей казалось, что она обречена. Воистину олигарх заставил её испытать острые ощущения!

К Роману Витальевичу подлетел разъярённый Серебряков и попытался зацедить ему в лицо. Но вездущая охрана и здесь его удержала. Олигарх был неуязвим в своих опасных капризах. Роман только взглянул в лицо капитану, и в его глазах промелькнул

азартный и зловещий огонь.

– Любовь Николаевна, – негромко произнёс Роман, – помогая женщине подняться, – я прошу прощения за те испытания, которым я подверг ваши нервы. Но, быть может, вы бы простили меня, если бы знали, какое удовольствие мне доставило общение с вами.

– Учитывая, как вы поиздевались над нами, я вам верю, – устало прокомментировала Люба его слова. – Ну а теперь, если позволите, приступим к тому, ради чего мы сюда пришли.

– А, вы имеете в виду допрос? – насмешливо переспросил олигарх.

– Это не допрос, Роман Витальевич, – нам нужны ваши свидетельские показания.

* * *

Далее Роман стал заметно сговорчивее и спокойно ответил на все вопросы майора Романовой. Правда они так ничего у него и не выяснили. Все ответы сводились к тому, что он ничего не слышал, ничего не знает и совершенно здесь ни при чём.

– Ну, так наверное и правда ни при чём, – хмуро заметил Серебряков. – Сволочь он, конечно, изрядная, но какое отношение может иметь олигарх к убийству несчастной старушки? Понятнее было бы, если

бы он устранил конкурента, но нищая тётя Клава тут причём? Где мотив?

– Да, – задумчиво протянула Люба. Они действительно с убитой никак не связаны и нигде не пересекались. Похоже, мы только зря потратили время. Но зато какие острые ощущения, а, Серебряков? – рассмеялась Романова, и Владимиру ничего не осталось, как рассмеяться ей в ответ.

– Володя, скажи, а как там поживает хозяйка квартиры, в которой обнаружили труп? Будем надеяться, что она уже отошла от своих истерик и способна дать нам хоть какую-то связную информацию по поводу этой истории.

Серебряков только вздохнул. Он предчувствовал, что показания девушки уж точно не выведут их на след убийцы. До сих пор никому из их следственно-оперативного отдела не пришло в голову ни одной здоровой версии, дававшей бы разгадку этого убийства. Разве что это был сбежавший племянник. Но Люба продолжала упорно копать, а это значит, что очевидная версия племянника-убийцы казалась ей, опытному следователю, на счету у которого было не одно раскрытое убийство, далеко не столь очевидной, как всем остальным.

Глава 23. Дочь Командарма

Одна из самых нашумевших легенд зловещего дома – легенда о дочери Командарма. Эту легенду Любовь Романова прочла в ходе своего расследования одной из первых.

В тот вечер должно было произойти что-то страшное. Вернувшись с лекций, Анастасия не находила себе места и металась по квартире, как встревоженный зверёк. Она видела, что отец, занимавший важный правительственный пост, уже второй месяц нервничает, собирает в сейф какие-то важные бумаги, куда-то пишет. Анастасия знала, что в то время многие люди просто исчезали. Они могли исчезнуть днём или пропасть ночью. Вот жил человек самой обычной жизнью, и соседи каждый день видели, как он идёт утром на работу, а вечером возвращается домой, как заходит в находящийся тут же в доме магазин или парикмахерскую. К нему привыкали, он становился частью дома. И вдруг исчезал. О нём ничего не сообщалось, и даже сплетен и слухов никаких не ходило. Просто был человек – и пропал. И все относились к этому как к должному и ничего не говорили и не обсуждали, словно все они жили в каком-то заколдованном лесу и в

сюрреалистической действительности.

И пришла пора, когда Анастасия почувствовала, что её родители, её замечательные, дорогие отец и мама тоже попали в эту сюрреалистическую ловушку и могут в один ужасный момент исчезнуть, просто раствориться в этой странной и ирреальной действительности, в которой они все втроём пытались существовать и выжить.

Анастасия понимала, что если опасность политической опалы угрожает её отцу, то под такой же угрозой находится и мать. Мама всегда была рядом с отцом, поддерживая его во всём, живя одной с ним жизнью. Она работала у него секретарём, но все знали, что она это делает потому, что они неразделимое целое.

Тучи сгущались всё сильнее, и паук уже плёл где-то в углу свою гигантскую паутину, поджидая новых жертв. И однажды это случилось. В тот день Анастасия так и не дозвонилась до родителей. Они исчезли, как исчезали многие в этом бесконечном печальном спектакле театра человеческих марионеток. От кукол театра ничего не зависело – они не распоряжались своей судьбой. Сегодня ты король – а завтра ты никто, и кто-то страшный и жестокий берёт в руки твою жизнь и начинает играть ею, обрекая тебя на муки. И теперь за ниточки дёргали

семью Анастасии.

После того, как телефоны родителей перестали отвечать, Анастасия затаилась в своей квартирке, словно зверёк, спрятавшийся в нору от караулящего его хищника. Вот только от этих хищников прятаться было негде.

Вечером ей позвонили. К ним в этот вечер никто не должен был прийти, и поэтому Анастасия догадалась, что это пришли за ней. Она не знала, чем она провинилась перед громоздкой машиной государственной власти. Она была самой обычной студенткой филологического факультета, любила читать и рассуждать о прошлом и настоящем, о прозе и о стихах. Но разве за это сажают? Разве изолируют за это человека, словно дикого зверя? Парня у неё не было, никаких порочных связей тоже. Скорее всего, за ней пришли потому, что она — дочь своего отца. В то время этого было достаточно.

* * *

Когда раздалась резкая трель звонка, Анастасия взяла заранее приготовленный отцовский наган. А звонок всё звонил и звонил, не останавливаясь, — резкая тревожная и очень громкая трель действовала на нервы и сводила с ума.

Анастасия решительно подошла к двери и закрычала:

– Уходите! Я знаю, кто вы, и вас никто не звал. У меня наган. Первый же, кто осмелится сюда войти, получит пулю в голову!

Тишина за дверью стала ещё более зловещей. Трель звонка, наконец, утихла, и Анастасия облегчённо вздохнула. Наконец раздался негромкий и очень вежливый голос:

– Анастасия Павловна, прошу вас хорошо подумать о том, что вы собираетесь сейчас сделать. Мы хотим только поговорить с вами. У нас есть известия о ваших родителях.

Анастасия только печально усмехнулась. Ну, конечно, это же просто сказка о злом Волке и смешном Поросёнке. Волк прикидывается доброй овечкой, чтобы выманить Поросёнка из его домика. Но на самом деле все знают, что Волк не может быть добрым. Что он всегда Волк, даже если набросил овечью шкуру.

– Я не открою, – зло выкрикнула Анастасия людям в чёрной военной форме, притаившимся за дверью и принёсшим в её жизнь страшное непоправимое зло. И не советую выламывать дверь. Я метко стреляю и уложу ни одного из вас, пока вы до меня доберётесь.

Девушке никто не ответил. Последовало тяжёлое и тягостное молчание, во время которого Анастасия молила Бога, чтобы они ушли. Тогда бы она уже не ждала родителей, было и так ясно, что они больше не вернутся. Если бы они ушли, она бы убежала из квартиры и бежала бы, куда глаза глядят. У неё было немного денег, и она купила бы билет на поезд и уехала бы далеко-далеко отсюда.

Но зловещие тени не уходили. Более того, Анастасия слышала стук молотка. Посмотрев в глазок, девушка оторопела. Её непрошеные гости забивали дверь досками, замуровывая её в собственной квартире.

Они закрыли все входы и выходы. Отключили телефон, свет и, что было самым страшным, – воду. Квартира, в которой Анастасия выросла, и которую так любила, превратилась в мрачное звериное логово. Девушка, растерявшись и не зная, что ей делать, бездумно лежала на диване, свернувшись клубочком. И когда на улице начали сгущаться сумерки, а в квартире с и так забитыми окнами стало по-настоящему темно и страшно, решила на переговоры со своими палачами.

Девушка подошла к двери и застучала в неё кулаками:

– Эй, вы, там! Снимайте доски, я сдаюсь! Обещаю

открыть и никого не убивать! Вытащите меня отсюда!

– Но на её слова никто не ответил. За дверью царило гробовое молчание. Анастасия посмотрела в глазок, но никого так и не увидела.

Ночью девушка не могла сомкнуть глаз. Ей было страшно, и казалось, что из каждого угла на неё наползают чудовища.

На следующий день Анастасия весь день провела возле двери. Она колотила в неё руками, звала своих тюремщиков, пыталась докричаться и через стены достучаться до соседей. Но всё было напрасно. Испуганные карой чекистов соседи не отзывались, а тюремщики ничем не выдавали своего присутствия. Девушка была в отчаянии – ей очень хотелось пить. От волнения она даже не думала о еде, но без воды начала испытывать настоящие страдания.

Какое-то время Анастасия всё ещё надеялась, что замурованная квартира – это какой-то злобный трюк чекистов, чтобы проучить её за строптивость. Но чем больше проходило времени, тем страшнее ей становилось.

Ты всё ещё на что-то надеешься? Не понимаешь, что происходит изощрённое убийство? Ты ведь помнишь, что человек может прожить без во-

ды от силы 3–5 дней. А ты уже тут сидишь два дня. Или больше? И никто не отзовётся и не придёт. Ты им не нужна. И твоя бессмысленная выходка с нага-ном для них всего лишь подходящее оправдание их зверству. Прощайте, мечты, прощай, жизнь. Будьте вы прокляты. Будь проклят этот дом и те, кто виноват в моих муках.

На четвёртый день без воды у Анастасии нача-лась рвота и летаргия. Её кожа посинела и стала холодной, как лёд. Девушка уже ни на что не надея-лась и почти не двигалась.

Дверь открыли через неделю. На кровати лежа-ла мёртвая Анастасия, держа в руках сломанную ис-кусственную розу. Роза была ярко-красной – цвета крови, любви и её изломанных надежд.

Глава 24. Ворон смерти

Она гуляла по облаку, не проваливаясь в него и танцуя на упругих клубках дыма. Её движения сопровождала райская музыка. Хотя, кажется, это была её любимая песня, поставленная на телефон. Маша с трудом открыла глаза. Действительно звонил мобильный телефон. Ответив, Мария услышала встревоженный голос Александра:

– Маш, почему не отвечаешь? Я звонил тебе раз двадцать. Ты где? Когда встретимся?

– Я дома.

– Я сейчас приеду.

– Да, конечно, только по другому адресу.

Окончив разговор, Маша облегчённо перевела дух. Она тревожилась из-за долгого молчания Александра – он уже несколько дней не выходил на связь.

Приехав, Александр удивлённо осмотрелся. И когда Маша рассказала ему о причинах переезда, неожиданно возмутился:

– Машуль, да ты что?! Почему ты должна зависеть от Глеба?! Я как раз ехал к тебе с предложением, для которого уже созрел.

– Это каким же? – заинтриговано поинтересовалась Маша.

– Мария, переезжай жить ко мне. Знаешь, мне кажется, что я люблю тебя...

Маша чуть не задохнулась от столь неожиданно-го признания, но сумела сдержаться. Она вспомнила, как учила её мама: «С мужчиной не спеши. Сначала убедись в крепости его чувств».

«А с Глебом вот поспешила – и что?.. Одни вздохи, слёзы и разочарование...»

– Саша, ты извини, – голос Марии дрогнул, но она продолжала. – Но я не хочу спешить. И по отношению к Глебу это было бы жестоко. Он же старался, искал для меня квартиру... Пусть пока всё останется как есть, а там посмотрим.

Саша расстроено посмотрел на Марию.

– Ну что ж, моя принцесса, как скажешь.

После ухода Александра Маше вновь стало неудобно. Она только что своими руками отвергла свою любовь, человека, который предложил соединить их судьбы. Захочет ли он теперь её видеть? И не станет ли это той самой роковой ошибкой, которая навсегда разорвёт их отношения?

* * *

Марии, наконец, казалось, что её жизнь начала налаживаться. Она вновь блистала на подиуме, о ней

снова говорили в светской хронике, а гляцевые жур-
налы пестрели её фотографиями. Глеб вёл себя отно-
сительно спокойно, и даже Юлия притихла и следила
за её успехами злыми глазами, но откуда-то издалека.

Порой Марии все ещё снились кошмары о пережи-
том в Париже, а также о её болезни, но когда она по-
жаловалась Глебу на плохие сны, он дал ей пузырьёк
успокоительного, после чего кошмары ушли, а Маша
начала чувствовать себя более спокойно.

Но сегодня что-то явно было не так. Вернувшись
домой, Мария почувствовала себя как-то неуютно в
своей роскошной квартире. Возможно, ей испорти-
ла настроение мрачная погода на улице. Небо бы-
ло затянуто свинцовыми тучами, и накрапывал мел-
кий дождь, каждую секунду грозивший перейти в ли-
вень. В комнатах стало совсем сумрачно, и Мария за-
жгла свечи. Она любила романтику и нередко пользо-
валась романтическим светом свечей вместо ламп. На
душе было необъяснимо тревожно. Она даже позво-
нила Александру, но его телефон почему-то не отве-
чал.

Внезапно в её спальне послышался громкий скре-
жет, и окно распахнулось. По квартире загулял ве-
тер, веером подымая и разбрасывая бумаги со стола,
вздымая Машины волосы, охватывая тело мокрым хо-
лодом, пронизанным дождевыми каплями.

Маша, поёжившись, подошла к окну и попыталась его закрыть. Но рама не поддавалась. Внезапно послышалось хриплое карканье, и в комнату влетел большой чёрный ворон. Сначала он присел на подоконник, а потом с хриплым карканьем взлетел и перелетел на раму большого зеркала.

Словно чувствуя, что девушке его оттуда не достать, ворон продолжал рассматривать её, и Маше показалось, что взгляд его был каким-то осмысленным. От страха и злости Мария метнулась в коридор за шваброй. Замахнувшись, Маша бросилась на ворона. Однако птица её опередила. Неожиданно ворон слетел с зеркала и, громко и отчаянно каркая, кинулся на Машу.

Мария отмахивалась от ворона руками, но птица быстрее молнии преодолела отделяющее их расстояние и вцепилась цепкими острыми когтями девушке в волосы и в лицо. Острый клюв неожиданно болезненно клюнул Марию в темя, и она просто обезумела от острой боли. В волосах появилась капелька крови.

Мария вцепилась в ворона руками, пытаясь оттянуть неожиданного врага, но ворон, совершенно ничего не боясь и метко уворачиваясь, летал вокруг Марии кругами и продолжал клевать и царапать когтями голову девушки. Маша вопила так, что все соседи уже давно должны были бы сбежаться, но никто почему-то

не приходил ей на помощь. Ей казалось, что время застыло и превратилось в сообщника её крылатого врага. Ворон уже исклевал ей голову до крови и теперь добирался до лица. Его клюв был острым и твёрдым, как камень, и Маша обезумела от боли и ужаса.

Сейчас он выключает мне глаза, а потом склюёт лицо, превращая его в страшное кровавое месиво. Где это я и что со мной происходит? Разве такое возможно? Какая-то мистика, словно воробы из романа Стивена Кинга. Один ворон склюёт меня всю, как те воробы заклевали человека. Но там была стая, а здесь он один... Словно в ответ на мысли Марии ворон клюнул её в веко, отчего на нём остался зловещий кровоподтёк.

По-настоящему испугавшись, что она действительно сейчас будет изуродована, а затем и убита страшной птицей, Мария вдруг собрала все свои силы и, сосредоточившись, ухватила, наконец, птицу по-настоящему. Ворон попытался вырваться, но не тут-то было. Мария, крепко ухватив ворона за крылья и туловище, прижала его к себе. Затем подбежала к окну, – теперь то, что оно оставалось открытым, было ей на руку, и отбросила мерзкую птицу как можно дальше. А затем изо всех сил рванула окно на себя и задвинула все шпингалеты. И долго прислушивалась, не раздастся ли вновь ужасное карканье, и не разобьёт ли жуткий

ворон окно, стремясь вновь настичь свою жертву. Но птица не подавала признаков жизни, и за окном царила мёртвая тишина. Возможно, что сжимая её изо всех сил, Маша повредила ворону крыло, потому что он камнем полетел вниз и больше не подавал признаков жизни.

Маша устало поднялась и, шатаясь, подошла к часам. Было два часа ночи. Она набрала телефон Глеба:

– Глеб, прошу тебя, приезжай. Иначе я сойду с ума.

Глава 25. Новая любовь вождя народов

В тот день в одной из квартир Дома на Набережной царила шумная суматоха. День рождения Евгении. Гостей было немного, только самые близкие, но стол удался на славу. Евгения с утра хлопотала, готовя разносолы да пироги. Муж встал с места, держа в руке большой бокал вина:

– Женечка, поздравляю тебя... Желаю счастья, здоровья и всего, что обычно желают в этот день.

– И чтобы Он оставил её в покое и позволил о себе забыть, – вмешался голос одного из родственников.

После этой фразы лица всех присутствующих сделались печальными и окаменели, словно на них надели театральные маски.

А минут через десять раздался звонок. Очень длинный звонок, почти бесконечный. Женя замерла на месте. Кто бы это мог быть? Она больше ничего не ждала. Но где-то в подсознании она уже знала ответ. Лица всех гостей застыли, и постепенно на них начал проступать страх. А муж настолько потерял самообладание, что опрокинул бутылку вина, и липкая жидкость покрасила белоснежную

скатерть, словно пятно крови.

В дверь вошли два чекиста. Коротко прочеканили:
– Собирайтесь!

И как только Женя одела пальто, взяли её под руки и увели в неизвестность. Бросившаяся к окну семья успела увидеть только зловещий чёрный ворон, который увёз Евгению в сгущавшийся вечерний сумрак...

Она нравилась всем мужчинам на свете. Даже заматерелым политикам, которым, казалось, ничего кроме политики и не нужно. Даже Ленин ласково называл её «поповной». Она была из семьи Аллилуевых. Единственной семьи, которая была у Сталина. Единственной, которую он в какой-то период своей жизни любил. К ним он сбегал из каторги. У них жил. И когда настало время, он расправился с этой семьёй как дикий волк.

Евгения – жена брата Надежды Аллилуевой понравилась ему. Однажды он попытался её поцеловать. Но Евгения смущённо отвела руки Иосифа, увернулась от объятий и поцелуев. А Сталин не оставил своих надежд. Когда муж Евгении скончался, он увидел в этом новый шанс для них обоих.

– Тебе теперь ничего не мешает – муж ушёл на тот свет. Давай будем жить вместе, одной семьёй. Ты, я и дети: Василий и Светлана. Вот увидишь, как

мы будем счастливы.

В ответ Евгения могла бы многое сказать. Например, то, что как Сталин мог забыть, как мучил свою жену и её родственницу по мужу Надежду Аллилуеву. Как непрерывными оскорблениями довёл её до самоубийства. И про то, что она, Евгения, вовсе не хочет повторить её судьбу, соединив жизнь с грубым, деспотичным и жестоким человеком.

Но она ничего не сказала. Потому что понимала, что ответив прямым отказом, она наживёт в Сталине врага. Поэтому женщина только улыбнулась «вождю народов» и ласково провела рукой по его щеке. А потом, обходя Сталина десятой дорогой, тихонько вышла замуж за другого.

Они поселились в доме на Берсеневской набережной. И какое-то время были счастливы. До тех пор, пока Сталин разрешал им быть счастливыми. Пока не решил, что пришло время отомстить. Он арестовал Евгению именно в день её рождения. Чтобы она знала, что он ничего не забыл. Так опустела ещё одна квартира странного Дома. И ещё одна сломанная судьба оставила отпечаток на его мрачных стенах.

Глава 26. Все будет хорошо

Глеб слушал Марию в полном недоумении. После того как Маша замолчала, мужчина подошёл к месту сражения, где на полу остались чёрные перья, которые ворон потерял во время схватки.

— Маша, я думаю, что это продолжение твоих ночных кошмаров. Тебе всё это просто приснилось, — успокаивающе констатировал, наконец, Глеб.

— Приснилось?! — возмутилась Мария. — А как же кровь на моих волосах и израненное лицо?! Как же распахнутое окно, как же эти перья?! Ведь всё это подтверждает, что я говорю правду, так как же ты можешь сомневаться в очевидном?!

— Машенька, — как можно мягче продолжил Глеб, — все эти очевидные, как ты говоришь, факты, можно истолковать совершенно по-другому. И то, что я вижу, ничего не доказывает.

Ты открыла окно, затем уснула. Пока ты спала, в комнату действительно могла залететь ворона — знаешь, птицы иногда залетают к людям в квартиры. То, что ты не могла прогнать ворона, — тоже не удивительно, — птица растерялась и заметалась по квартире. А потом ты себе вообразила невесту что про то, что ворон решил на тебя напасть. А затем сама со страху и

начала с ним воевать.

Маша совершенно растерялась.

– *Что он такое говорит? Он что, считает её сумасшедшей?!*

– А как же моя голова? – хрипло спросила она Глеб. – Это что – тоже плод моего воображения?!

– Ну а раны на голове могут быть от чего угодно. Если человек напуган и растерян, он может и не такое сотворить с собой.

– То есть ты хочешь сказать, что я сама себя исколола до крови?! И как, чем? Взяла ножницы и до крови попротыкала себе голову?!

– Маша, – устало сказал Глеб, – сейчас почти три часа ночи. Всем нам нужно отдохнуть. Прими успокоительное, которое я тебе дал, – мне почему-то кажется, что в последнее время ты о нём забыла. А завтра поедem к моему знакомому врачу. Он на все руки мастер – и невропатолог, и психиатр, и психотерапевт по совместительству. Он поймёт тебя лучше, чем я, и обязательно посоветует что-то дельное. А сейчас я уйду. Понимаю, что тебе страшно, и охотно бы остался, но ты сама решила устранить меня из своей жизни. Отдыхай спокойно. Завтра мы всё проясним. Все будет хорошо.

Глеб закрыл окно, которое поддалось его усилиям, выбросил в мусоропровод птичьи перья и уехал. А

Маша, выпив несколько таблеток снотворного, закрыла на замок дверь спальни и накрылась с головой одеялом. Через двадцать минут снотворное подействовало, и девушка провалилась в густую темноту сна без сновидений.

Глава 27. Дьявол ждёт вас...

В 8 утра изумрудный мерседес Глеба уже стоял возле Машиного подъезда. Торопливо собравшись, Маша села рядом с Глебом, и они отправились на приём к психиатру. Девушка волновалась. Вдруг окажется, что Глеб прав, и то, что ей кажется таким реальным и очевидным, окажется плодом её беспокойного воображения. И что потом? Ей скажут, что она сумасшедшая и посадят в психушку? Нет-нет, она никогда на это не согласится. Ведь никто не имеет права отправить её в психбольницу силой. Или имеет?

Однако приём у врача прошёл на удивление спокойно. Солидный импозантный доктор, чем-то напоминавший Марии важных учёных XIX века, внимательно выслушал её рассказ, то и дело приговаривая успокаивающим голосом, что, конечно, она во всём права, что история действительно очень странная, но волноваться ей не о чём, и что они сейчас во всём разберутся. Глеб в это время сидел рядом и подбадривающе держал руку девушки в своей большой ладони.

Затем психиатр выписал ей какие-то антидепрессанты, которые обязательно должны были ей помочь, и приказал ни о чём не думать и не тревожиться, – все кошмары должны уйти, её настроение повыситься, а

жизнь – вернуться в прежнее русло.

* * *

В этот день Глеб разрешил ей не выходить на работу и приказал отдыхать. Александр после её отказа уже несколько дней не выходил на связь. Маша решила, что он обижается на неё за отказ, но, несмотря на свои переживания, не звонила ему. Она уже давно усвоила, что если навязывать мужчине своё общество, это приведёт лишь к более быстрому разрыву отношений.

Поэтому Мария решила прогуляться вдоль набережной, а затем завалиться в кровать с какой-нибудь увлекательной книжкой или начать смотреть очередной мыльный сериал. Ведь лучший способ отвлечься от бед и горестей своей жизни – это окунуться в беды и горести жизни чужой.

На этот раз была отличная погода, и Маша с удовольствием бродила вдоль набережной, наслаждаясь спокойствием и красотой речной глади и окружающего пейзажа. Наконец Мария присела на скамейку во внутреннем дворе дома, наслаждаясь нечастым для неё состоянием отдыха и покоя.

Минут через десять к ней вдруг подседа пожилая женщина. Выглядела она довольно интеллигентно и

чинно, и Маша ощутила внутри, что не возражает против её соседства.

— А вы наша новая соседка? — неожиданно спросила женщина. Я видела вас — вы поселились на пятом этаже. А я живу как раз под вами — на четвёртом.

Слово за слово Мария разговорилась со своей собеседницей и, не выдержав, рассказала ей о случившемся.

Слушая девушку, женщина всё больше хмурилась, и видно было, что она испытывает всё большую тревогу и беспокойство.

— И врач сказал вам, что вы всё это себе вообразили? — Удивлённо воскликнула она, — и что сами себя поранили?!

— Ну да, — расстроено подтвердила Мария. — Вот так вот бывает в жизни. Буду теперь пить антидепрессанты и поднимать себе настроение.

И вдруг в ответ на Машины слова скромная и интеллигентная женщина схватила обеими руками её руку. Маша даже испугалась, увидев, как она преобразилась: лицо побледнело, как будто она увидела привидение, а в глазах застыл немой ужас.

— Не верьте им, — дрожащим голосом прошептала её новая знакомая. — Всё, что с вами случилось, — чистая правда. Этот дом проклят. Тут много чего было — и давным-давно, в седую старину, и в советское вре-

мя. Много людей замучили. И бродят их неприкаянные души, ищут выхода. А выхода-то нет. Запер их проклятый дом в ловушку. Вот и стонут они, и бесятся, и насылают мор на живых. В нехорошем мы живём месте. Мы-то уже привыкли, и дом к нам привык. А вы – новая душа, чистая. Вот дьявол вас и испытывает.

Вы повесьте везде распятия да Богу молитесь. И будьте осторожны, будьте очень осторожны. Ибо ловушки дьявола уже поставлены и ждут, пока вы попадёте в капкан.

Маша торопливо встала и, не попрощавшись, вернулась в квартиру. Ей не хватало после пережитого только ещё одной сумасшедшей. И ещё долго чудился девушке тревожный безумный шёпот:

– Будьте осторожны, дьявол ждёт вас...

* * *

Мария исправно пила прописанные ей таблетки и даже на всякий случай повесила во всех комнатах распятия, но чувство тревоги не уходило. Ей начало казаться, что кто-то следит за ней, и что где-то за спиной, в то время, когда она не видит, происходит что-то злое. Иногда ей виделась в темноте зеркал у себя за спиной какая-то тёмная тень, порой казалось, что она слышит в других комнатах квартиры чьи-то

тихие шаги, или виделась в коридорном проёме в вечернем полумраке какая-то фигура.

Мария училась с этим жить. Она уже не беспокоила Глеба при каждом зловещем признаке присутствия потустороннего в её жизни, научилась реагировать спокойно, повторяя себе, что всё это – лишь игра её воображения. Но тревожные ощущения всё же заставляли её действовать, и Мария начала ходить в библиотеку, где поднимала старые архивы, стараясь собрать максимум информации о странном и зловещем доме, в котором, волею судеб, она так неожиданно оказалась.

* * *

* * *

Мария всё читала и читала. Десятки жизней, сложенных и искалеченных, мелькали перед ней. И всех их связывало одно – все они когда-то были жильцами зловещего дома, который сначала казался им раем, а затем становился адом.

В одно из мгновений Мария твёрдо приняла решение уйти из этого странного дома и начала подыски-

вать себе новую квартиру. Но тут в её жизни кое-что произошло. И с таким ужасом ранее ей сталкиваться ещё не приходилось.

Проснувшись в то утро и выйдя из своей спальни, она сразу увидела её. Худощавую женщину, спящую почему-то на её ковре. И только подойдя совсем близко, она заметила пятно крови, запачкавшее её тёмно-голубой ковёр и одежду женщины. И тогда Мария закричала. Она кричала и кричала, так громко, как не кричала ещё никогда в жизни.

* * *

Любовь Романова решила не вызывать Марию Евдокимову к себе, а прийти к девушке в гости. Той и так пришлось немало пережить, и Люба не хотела травмировать её ещё больше.

Дверь следователю открыла высокая худощавая светловолосая девушка, очень красивая даже в простой домашней одежде – широких джинсовых брюках и свободной кофточке. Впрочем, чему удивляться, – модель. Гораздо большее удивление вызывало ощущение незащитности и ранимости, исходившее от Марии. Такую женщину сразу хочется защищать, и с ней в компании ты сразу ощущаешь себя сильнее. Неужели она может оказаться убийцей пожилой ста-

рушки, как предположили в их следственном отделе в качестве одной из версий?..

Увидев эффектную, уверенную в себе женщину в полицейской форме, Мария внутренне сжалась. Ей так не хотелось вспоминать увиденное и пережитое.

– Мария, что расскажешь об убитой?

– О тёте Клаве? Золотая была женщина, – Мария не выдержала и всхлипнула. – У нас её все любили, и она любила всех. Она ведь одна жила, и наш коллектив и был её единственной семьёй. С нами она всем делилась, – и радостями, и горестями. И мы к ней относились, как к родной.

А меня она почему-то больше всех любила. Мы с ней, несмотря на разницу в возрасте, подругами почти были. Она меня любила «подкармливать». Что напечёт дома – пирожки или пирог – так обязательно и мне приносила – угощала. А мне хоть и нужно беречь фигуру, но я всегда брала и при ней прямо съедала – не хотела, чтоб она расстраивалась.

И когда на прежней квартире жила, в гости иногда тётю Клаву приглашала. Или прогуливались мы с ней пешком по пути с работы. Я любила с ней общаться, она мудрая была, вот знаете, по-житейски мудрая. Да и жаль мне её очень было. Думаю, вот придёт одна в пустую квартиру, где её никто не ждёт...

Я ведь тоже одна, – всхлипнула Маша, – в личной

жизни какая-то у меня неопределённость. Так что я её хорошо понимала.

– Так значит, – констатировала Люба, – с убитой у вас были отношения даже не нейтральные, а дружеские?

– Конечно, – кивнула Маша. – Тётя Клава мне как вторая мама была. И когда я её увидела вдруг тем утром у себя, в таком виде... Маша начала рыдать. – Кто же этот изувер, который на такое решился?! Убить старую женщину... Разве у него самого матери нет?!

Любовь не выдержала и, подсев к рыдающей девушке, утешая, обняла её за плечи. Рассказ и поведение Марии вызвали у неё сочувствие. А Мария, словно только и ждала от следователя этого жеста, обняла Любу в ответ и крепко прижалась к её груди.

Нет, эта девушка не убийца. Люба умела чувствовать людей и видела, что Мария искренна в своих чувствах. Да и с чего ей убивать – нет никакого мотива. И всё же она была связана с этим убийством крепкой нитью – ведь труп нашли именно в её квартире. Так какова же роль Марии Евдокимовой в этой страшной истории? Кто она? То есть, кем она является для убийцы?

– Мария, а у вас есть какие-то версии того, кто мог это сделать?

– Понятия не имею, – честно ответила Маша. Тётю

Клаву все любили. Она была очень хорошим человеком и никому не делала зла.

— Ну а в вашем агентстве может кто-то точил на тётю Клаву зуб? Может всё же были у неё какие-то конфликты?

Маша искренне рассмеялась.

— Да какие у неё могли быть в агентстве враги? Все относились к тёте Клаве как к приятной и милой пожилой женщине, которая старательно убирает в офисах, — вот и всё. Она всем улыбалась и все вели себя с ней дружелюбно, но особого внимания ей не уделяли. Она же у нас не начальником была, а всего лишь уборщицей. Так какие с ней у кого-то могли быть счёты?

— Понятно, — разочаровано вздохнула Люба. — Значит, у вас версий нет. Что ж, тогда не буду вас больше задерживать.

Она встала и направилась к выходу. Мария бросилась её провожать. В коридоре Любовь повернулась к девушке и неожиданно тепло ей улыбнулась:

— А знаете, Мария, вы мне почему-то понравились. Я понимаю, как трудно бывает одинокой девушке. Мне хочется вас поддержать. Знаете что — вот мои рабочие контакты (Любовь протянула Маше визитку), а здесь я вам напишу мой домашний адрес и телефоны — Люба протянула Марии вырванный блокнотный

лист. И когда вам станет скучно – позвоните мне. Или приезжайте в гости. И без колебаний – я вам всегда буду рада!

– Спасибо! – растроганно поблагодарила Маша. – Я в Москве так и не завела близких друзей. Как-то не сложилось. Так, одни приятельницы. Поэтому я очень, очень рада вашему предложению.

* * *

– Ну, что там у нас? Сдвиги есть? – как всегда сухо спросила Любовь Серебрякова.

– Сдвигов нет, – виновато ответил Владимир. – Уже опросили соседей, всех обнаруженных родственников, – и ничего, никаких зацепок. И потом, мне кажется, что дело здесь вовсе не в корыстных мотивах.

– Это почему же? – удивилась Люба.

– Да потому что убийца явно пытался нам что-то сказать. Ведь недаром же он оставил знаки.

– Какие ещё знаки? – недоумённо поинтересовалась Любовь.

– Ну как же?! А татуировка рычащего тигра на груди у убитой, а сломанная роза в руке?.. Ведь это всё не просто так было сделано. Чтобы убить женщину, всех этих деталей вовсе не требовалось. То есть убийца явно пытался что-то до нас донести.

– Игры со следствием? – задумчиво протянула Люба. – Да уж, такого сложного дела у нас давно не было. И чувствую я, что этим дело может не кончиться. Подобные знаки – это почерк серийных маньяков. Хоть бы не пострадал кто-то ещё...

Глава 28. Вторая сломанная роза

В тот вечер Мария чувствовала всё более нарастающую тревогу. Начитавшись за день страшных историй о доме, она не находила себе места. Девушке то и дело слышались какие-то странные шорохи, иногда казалось, что она слышит в соседних комнатах какие-то голоса. В темени больших зеркал мелькали за её спиной странные тени.

Мария уже десять раз успела пожалеть о данном Любви обещании пока не менять квартиру, так как она была нужна им для наблюдения и дальнейшего расследования. Конечно, майор полиции обещала охранять её, но кто знает, удастся ли им защитить её, когда в этом возникнет необходимость.

Ей было страшно. Возможно сейчас там в соседней комнате, с тоской подумала Мария, бродит замученная и убиенная дочь Командарма, та самая, которую замуровали в собственной квартире, и ищет жертву, которой она отомстит за все пережитые мучения. И возможно она войдёт сейчас и набросится на меня, пытаясь задушить, на единственную жертву в этой квартире, до которой так легко добраться.

Чтобы унять постоянно мучивший её страх, Мария напилась снотворного, прописанного ей психиатром

и, наконец, уснула.

* * *

Это была ещё одна легенда, которую узнала Маша о Зловещем Доме. История, наполнившая её сердце печалью.

Светлана Аллилуева – дочь Сталина и её муж – Григорий Морозов так и не увидели счастья в Зловещем Доме. Всё пошло как-то не так. Светлана стремилась закончить университет, а Гришка хотел иметь семью с десятью детьми. Из-за их разногласий Светлана пережила четыре аборта и выкидыш. И когда сильно заболела от этих экспериментов со своим организмом, то решила с мужем развестись.

Тлетворное влияние дома и происходившие там жуткие события постепенно меняли её характер. Светлана стала злой, раздражительной. Неожиданные вспышки её гнева пугали окружающих. Однажды, в ответ на капризы и нытьё маленького Иосифа Светлана со всей дури метнула в него молотком. Мальчику очень повезло, что молоток пролетел мимо. Только благодаря этому он и остался жив...

Когда отец разрешил им уйти из Кремля и жить

отдельно, дети были необыкновенно счастливы. Ведь Василий Сталин так безмерно боялся своего отца, что в его присутствии окаменевал и терял дар речи. Сталин воспринимал это спокойно. Что поделаешь? Его боялись все.

А вот дочка, Светочка, отца не боялась. Только своевольна была страшно. Замуж вышла против родительской воли за товарища по школе – Гришку Морозова. Сталин даже не пожелал встретиться с её новоиспечённым мужем. Но когда Светлана категорически заявила, что больше в Кремле не останется, то с квартирой помог. Выделил в доме на Берсеневской набережной. Там у молодой семьи и родился мальчик, которого называли Иосифом.

А вот сам Сталин в Доме никогда не бывал. Видимо понимал, как много чёрных теней оставил там своей кровавой властью.

* * *

Утром, выйдя из спальни, Мария зашаталась и чуть не потеряла сознание. В гостиной, на её тёмно-голубом ковре, только недавно застиранном от крови, вновь спала женщина. Она лежала ничком, и её лица не было видно.

Мария так и не решилась к ней подойти и, обойдя

её как можно дальше по кругу, выбежала из квартиры. На лестничной площадке Маша дрожащими пальцами набрала номер Романовой.

Как только Люба смогла различить во всхлипывающих и сбивчивых словах Марии суть, она встревоженно вскинулась:

– Маша, в квартиру больше не заходи и ничего там не трогай. Запри входную дверь и подожди нас у соседей. Я сейчас собираю бригаду и выезжаю к тебе.

* * *

Войдя в квартиру, следственная бригада сразу почувствовала еле уловимый запах крови. Они уже так привыкли за долгие годы работы к этому сладковатому тяжёлому запаху, что улавливали его издали. Андрей Никифорович, пожилой, опытный судмедэксперт первым подошёл к лежащей на полу женщине. Перевернув, пощупал пульс, бегло осмотрел тело.

– Мертва, – печально констатировал он. – И уже около шести часов. Труп, к сожалению, также изуродован. К счастью, уже после её смерти, так что умерла несчастная быстро.

Майор Романова подошла к телу и отвернулась. Ей хотелось закрыть глаза и ничего больше не видеть. Но рассмотреть труп ей всё же пришлось – такая работа.

Женщину убили, перерезав горло. На теле убитой по-прежнему красовалась татуировка рычащего тигра, только теперь уже на спине. В руке была такая же белая роза, как и у первой жертвы. Белая роза, специально окрашенная в крови жертвы и теперь ставшая ярко-красной. И от тела по-прежнему исходил аромат «Шанель № 5». В накрепко зажатых пальцах была записка. На ней значилась чёткая рукописная надпись: *«Берегись! Скоро придёт твоя очередь».*

Любовь устало отошла в сторону.

– Вы работайте, ребята. А я выйду – поищу понятых.

* * *

Любовь зашла к соседям и, прежде всего, обняла Марию. Девушка пребывала в лёгком трансе, сидела неподвижно и ни на что не реагировала. И только после прикосновения Любы словно проснулась:

– Ну что? – спросила, со страхом глядя на следователя.

– Мертва, – вздохнула Люба.

– Вы же обещали! Вы же обещали мне, что защитите меня! – прошептала Мария, с возмущением глядя на Любу.

– Обещала, – виновато признала Романова. Но ты

ведь, слава Богу, жива!

– Но ведь этот ужас происходит прямо у меня в квартире! Вы понимаете?! – всё тем же устрашающим шёпотом возмутилась Маша. – Ко мне в квартиру кто-то проникает по ночам и убивает в моей гостиной людей, пока я сплю в своей кровати! И это уже второй раз! А что будет этой ночью или следующей?! Что, если следующей жертвой этого безжалостного убийцы буду я?!

В ответ Любовь только ещё крепче прижала Марию к себе. И правда, как же они опростоволосились! Прежде чем расследовать преступление, нужно было найти путь, по которому убийца проникает в квартиру девушки. Ведь, судя по содержанию записки, следующей жертвой действительно будет именно она...

* * *

Когда соседи по площадке, приглашённые на место преступления в качестве понятых, взглянули на тело убитой, они ахнули и начали быстро креститься. Романова удивлённо взглянула на них – что это с ними? Испугались вида трупа?

– Да мы ж её знаем! – наконец, воскликнула женщина, крепко взяв за руку своего супруга. – Она же живёт в этом доме и в нашем подъезде, только двумя

этажами ниже! То есть, жила...

– Вот как? – обрадованно протянула Люба. – Тогда вы нам сильно облегчите работу. Не нужно будет мучиться с установлением личности убитой. Кто она такая?

– Да обычная пенсионерка. А в прошлом – модель. Её у нас все знают. Хорошая была женщина, тихая. Журналы нам показывала со своими фотографиями – в молодости настоящая красавица была. Жила одна, тихо-спокойно, мужиков к себе не водила. И надо ж такому было случиться! Кому она дорогу-то перешла?!

Женщина всхлипнула и опять начала активно креститься.

– Царство Небесное её светлой душечке. Хоть на том свете пусть поживёт, если на этом долюшка не сложилась...

* * *

– Оплошали мы с тобой, Володя, – тихо заявила Романова Серебрякову, отведя его в сторону. Убийца каким-то образом регулярно проникает в квартиру Евдокимовой, девушка подвергается смертельной опасности, а мы ушами хлопаем. Немедленно выставь охрану вокруг дома, в квартиру к Евдокимовой поставь те-

лохранителя, а сам с бригадой обыщи всё здесь. Нужно понять, как этот маньяк проникает в жилище и не дать ему больше такой возможности.

Серебряков быстро кивал головой на каждое распоряжение Романовой. Он всегда восхищался быстротой её реакций и умением отдавать нужные распоряжения и организовывать ход следственного процесса. Он сам не смог бы лучше. Впрочем, потому ты и капитан, а она – майор и твой начальник – подвёл Серебряков про себя итоги своих размышлений и отправился выполнять приказ Романовой.

А Люба уже допрашивала следственную бригаду о результатах обследования места преступления. Докладывал ей опытный пожилой опер:

– Улик, Любовь Николавна, по-прежнему немного, но кое-что всё же нашлось. Это, во-первых, написанная от руки записка. У подозреваемых нужно будет брать образцы почерка и отправлять на графологическую экспертизу. Авось какой-нибудь почерк и совпадёт...

Во-вторых, нашли мы на трупе волосинки с головы. Вероятно, сопротивляясь, женщина схватила убийцу за волосы и некоторые попали на её одежду.

Немного, конечно, но уже кое-что. А отпечатки пальцев этот гад так и не оставил. Что и не удивительно, если учесть, что убита женщина была в другом месте,

а сюда её только перетащили. Это доказывает, во-первых, небольшое количество крови, вытекшей из тела, – при такой ране её должно было бы быть намного больше, а во-вторых то, что хозяйка квартиры не слышала совершенно никакого шума. Это значит, что тело убийца просто принёс и бросил в комнате, а затем так же бесшумно ретировался.

– Ладно, – устало подвела итог Люба. – Спасибо за работу. Все свободны.

* * *

Мария лежала на кровати неподвижно и с закрытыми глазами, но не спала. Девушку трясло, и она не могла успокоиться, несмотря на горсти успокоительных таблеток и антидепрессантов, которые принимала. Такой жестокой депрессии и страха у неё не было ещё ни разу за всю её жизнь. Сначала эти мистические события, которые окружали её на каждом шагу, затем эти трупы. Мария не знала, что ей делать и как справиться с навалившимися на неё несчастьями.

Нужно идти в церковь и молиться. Я прогневила Господа тем, что забыла о нём, что не обращалась к нему с мольбами. И он наслал на меня весь этот ужас. Наслал в наказание. И как я сразу не подумала об этом, ещё с начала той ужасной болезни.

Сегодня Мария не пошла на работу. Она позвонила Глебу, и тот по её заплетающейся речи понял, в каком она состоянии и разрешил остаться дома. Он пообещал приехать, как только освободится от самых важных дел.

А Александр был уже тут. После отказа Маши переселиться в его апартаменты, Александр на какое-то время пропал, переживая Машин отказ. Но вскоре появился опять, продолжая ухаживать за девушкой. Но Мария перестала быть с ним откровенной и ничего не рассказывала о своих страхах и сомнениях. Ей меньше всего хотелось бы, чтобы он начал считать её сумасшедшей.

Хотя сейчас ей было уже всё равно, пусть думает о ней, что хочет. Мария пребывала в жестокой апатии. Её интуиция и все фибры души подсказывали ей, что на неё надвигается большая беда. И она не видела вокруг никого, кто мог бы её защитить и спасти от окружающего её ужаса. Она, словно птичка, попала в силки судьбы, и неотвратимая петля затягивалась на её шее всё туже и туже.

Глава 29. Новое убежище

– Малыш, – почему же ты мне раньше всё не рассказала?! – с досадой и упрёком спросил Александр.

Но несмотря на этот досадливый тон, Мария вдруг почувствовала себя вдвое более счастливой и спокойной, такая в голосе Саши слышалась забота о ней.

– Нужно ведь немедленно что-то решать, – продолжил Александр. – И первое, что тебе нужно предпринять, – это переехать отсюда! Я не понимаю, зачем вообще эти сложности с охраной, телохранителем, если ты живёшь в таком опасном месте. Это всё равно, что выставить тебя без всякой необходимости на поле боя, где падают бомбы и сыпятся гранаты, и заявить, что тебе ничего не угрожает, так как ты под охраной.

Да я и сам найду тебе телохранителя, только уедем из этого чёртового дома! Если ты не хочешь переезжать ко мне, то переезжай в гостиницу, пока я не подыщу тебе квартиру и соответствующую охрану!

Мария слушала Сашу и вслушивалась не столько в смысл его слов, сколько в тон его голоса, такого звучного и приятного, и так ласкающего слух!

– Да, конечно, ты прав, – со вздохом ответила наконец Мария. Но сегодня я так устала. Давай ещё дождёмся Глеба, я выслушаю, что он мне посоветует, а

потом уже приму решение.

Сашу передёрнуло.

— Ну при чём здесь Глеб?! — почти закричал мужчина. — Ты давно с ним рассталась и при этом слушаешь его советы?!

Маша закрыла глаза и не ответила. Спорить у неё не было сил.

* * *

После обеда Глеб, как всегда подтянутый и с иголочки одетый, позвонил в дверь Машиной квартиры. Выслушав рассказ о том, что произошло, Глеб вздохнул.

— Мария, — я недавно консультировался с твоим лечащим врачом, — и он предложил мне выход из сложившейся ситуации.

После того, как я рассказал ему о тех видениях и голосах, которые тебя посещают в последнее время, он предложил мне отправить тебя на лечение в уютный частный санаторий, где врачи занимаются лечением психологических проблем, таких, как у тебя. Игорь Станиславович уверил меня, что там ты отдохнёшь, подлечишься, наберёшься сил и выйдешь оттуда новым человеком. И то, что случилось, только подтверждает целесообразность такого решения. Я вижу,

что твоё состояние ещё больше ухудшилось. Одних таблеток уже мало, требуется более серьёзный подход к лечению и восстановлению твоей нервной системы. А пока ты будешь в санатории, я подыщу тебе новую квартиру, где ты позабудешь обо всех кошмарах.

Маша безразлично слушала Глеба. Вот дошло дело и до психушки. Когда-то эта мысль ужаснула бы девушку, но теперь ей было уже всё равно. Лишь бы подальше отсюда.

— Хорошо, как знаешь, — равнодушно ответила Мария. — Если ты считаешь, что мне лучше пролечиться в психбольнице, я согласна. Мне только нужно согласовать всё с майором Романовой. Ведь эта квартира находится под следствием, так что она должна знать.

* * *

Когда Мария рассказала Любе о том, что её бывший бойфренд планирует определить её в сумасшедший дом, она чуть не расхохоталась. Дожили, называется. Но решать действительно что-то было нужно, и поэтому Любовь решительно заявила:

— Машуль, никакого санатория! Это совсем не то, что тебе нужно. Собирай-ка вещички и переезжай ко мне. Поживёшь пока у меня, а там видно будет.

– У тебя? – удивилась Мария.

– Конечно! Я и Ветерок будем тебе очень рады!

К Любиной собаке Маша уже успела привыкнуть, как и собака успела привыкнуть к ней. Когда Мария приходила в гости к подруге, Ветерок первым бросался встречать её и вставал на задние лапы, чтобы обнять и лизнуть в лицо.

Маша благодарно бросилась к Любе в объятия. Майор Романова казалась ей такой решительной и сильной, что уж под её крылом Машу никто не обидит.

* * *

Чтобы отвлечься от снедающей её тревоги, Мария читала и читала, забыв обо всём на свете, погружаясь в трагедию человеческих судеб, изломанных беспощадной политикой сталинских репрессий. И некуда было уйти, и негде спрятаться. Беспощадная карающая длань безумствующей власти настигала повсюду. В роскошных квартирах были установлены прослушки, и через них слушали и анализировали каждое слово. И каждое слово, даже произнесённое шёпотом, было услышано. И по каждому неосторожному слову вынесен приговор.

А вот ещё одна самоубийца – жертва Зловещего Дома. Скульптор Мария Денисова, возлюбленная

Владимира Маяковского. В этом доме она сойдёт с ума и выбросится с десятого этажа...

Мрачные тени, привидения далёкой старины и мрачного настоящего, когда почти каждую ночь за какой-то семьёй приходили чекисты. Родителей забирали, а детей оставляли сиротами. И они бродили, сбиваясь в стаи, словно голодные и брошенные животные, и просили милостыню у прохожих. Просили кусок хлеба.

И днём невыносимая тоска ожидания. Ожидания того, что следующей будешь ты... А ночью – бессонница и ожидание рокового звонка. Звонка, после которого пустота, ужас и смерть...

Не лучше ли прекратить всё самой? Балкон. Ночь. Тихий прекрасный май, пронизанный ароматом цветущих деревьев. И жизнь так прекрасна. И не хочется думать о пустоте под тобой, пропасти, которая открывается там, внизу, под балконом десятого этажа зловещего дома. Нет, она не разобьётся. Она взлетит, словно птица и полетит ввысь. Туда, где небо, где космос, где рай, где бесконечность. И с этими мыслями так легко взобраться на кромку перил и сделать шаг вперёд... А затем – прекрасное ощущение полёта. Вперёд. Ввысь. Туда, где нет страха, нет лицемерия, нет чекистов, нет лагерей и расстрелов. Вперёд... Ввысь... В рай...

– Володя, что мы имеем по двум убийствам?

Спрашивая это, Люба выглядела как-то растерянно и неуверенно в себе. Она, как и вся следственная бригада, чувствовала себя виноватой. Ведь не смогли же предусмотреть следующий шаг убийцы, допустили, чтобы произошло второе убийство. А ведь они могли бы успеть схватить его до совершения следующего рокового шага. Если бы вычислили. Но они не успели... И если они не поспешат, следующей жертвой может стать Маша.

И такая Люба – слабая и женственная – ещё больше нравилась Владимиру. Сегодня она даже забыла о привычном для неё сухом и официальном тоне, которым она всегда общалась с ним, когда они были на работе. И Владимир постарался, чтобы его голос звучал уверенно и бодро:

– Ну, во-первых, теперь совершенно ясно, что убийца двух женщин – один и тот же человек. Почерк один и тот же. Он убивает двух женщин, и каждый раз переносит их в квартиру Евдокимовой. На каждой жертве одни и те же метки: рычащий тигр, роза, окрашенная кровью, и запах «Шанели № 5».

– Да, – подтвердила Романова, – теперь ясно, что

перед нами серийный маньяк, и его действия связаны не просто с квартирой, а именно с Евдокимовой. Иначе зачем бы он оставлял записку с угрозой? Осталось только выяснить, кто это такой, иначе убийства продолжатся снова – из факта совершения двух убийств и угрозы это тоже сомнений не вызывает. И теперь ясно, какая роль Евдокимовой во всей этой истории. Она – жертва. Почему это происходит именно с ней, особого удивления не вызывает.

Она – известная модель, признанная красавица, на неё обращено пристальное и похотливое внимание многих мужчин. И вполне возможно, что какой-нибудь из них, фанатичный поклонник, не добившийся её внимания или просто осознающий, что стать любовником такой, как она, ему никогда не светит, решил таким образом ей отомстить за её привлекательность и успешность.

– Но если и так, то причём здесь эти два убийства? Пусть бы охотился за самой Машей! – удивился Серебряков.

– Ну, почему маньяк действует именно таким образом, нам и нужно выяснить. Ведь вторая убитая – бывшая модель. Может он хочет отомстить всем моделям сразу. А может и всем женщинам вообще, учитывая, что убиты уже две женщины, и он угрожает третьей. А что известно о второй убитой?

– Выяснили, что у неё есть сын, но воспитал и содержал его отец. Между собой они не общались.

– А что с квартирой? Выяснили, как в неё проникал убийца?

– Обследовали всё и ничего не нашли. Обычная квартира – стены, окна, двери. Никаких взломов. Похоже, что эта ситуация из разряда той чертовщины, которая происходит в этом странном доме. Ну, ты же сама рассказывала...

– А знаки? Что они значат? Кстати, когда я спросила Машу о знаках, она рассказала кое-что очень интересное. Опять упущение с моей стороны, что не спросила её раньше – она ведь оба раза не видела трупы. Так вот, Мария рассказала мне, что во время её работы на показах в Париже, её преследовали и то ли угрожали, то ли пытались убить. За ней гнались на грузовике, а потом спустили тигра. Ей тогда каким-то чудом удалось уцелеть. А затем она получила записку с угрозами и с изображением рычащего тигра вместо подписи.

– Ну, тигр – это понятно, – уверенно ответил Серебряков. – Он символизирует хищника, вышедшего на охоту. Тигр – это сила, мощь, смерть. В общем, впечатляющий образ, что-то вроде эффектной подписи. Ну а что такое роза – пока не ясно. Может быть намёк на что-то, связывающее этого маньяка с Марией.

– Ладно, – вздохнула Люба. – Хватит гадать, – давай опросим всех, кто имеет хоть малейшее отношение к этим двум жертвам. Когда же мы разгадаем загадку этих сломанных роз?

* * *

Людей в спортзале было немного. Только две пары, тренирующиеся на матах. Зато Владимир смог сполна насладиться зрелищем настоящего восточного единоборства. Когда бой был закончен, один из спортсменов подошёл к капитану:

– Чем обязаны? – сухо спросил он.

– Да вот пришёл побеседовать с Юрием Гладышевым. Убита его мать, и у нас к нему накопились некоторые вопросы.

Лицо мужчины омрачилось.

– Я Гладышев. Но не вижу, чем могу быть вам полезен. Мы с мамой почти не общались. Так что, ничего о её жизни я не знаю, и уж тем более не могу предположить, кто мог сотворить с ней такое зверство.

Владимир вздохнул.

– Может, присядем где? – предложил он, – а то так не слишком удобно разговаривать.

– Да вот на маты и садитесь. Мы тут без церемоний...

Владимир послушно присел на мат и продолжил.

– Скажите, Юрий Павлович, где вы были в ночь убийства между первым и третьим часом ночи?

Борец побагровел от возмущения.

– Так это вы меня подозреваете, что я, того... родную мать зарезал?! Вот с какими разговорчиками пришли?!

– Послушайте, я спрашиваю об этом, так как нам нужно проверить все версии, – начал было оправдываться Серебряков, которому и самому его вопрос казался кощунственным.

– Посмотри-ка, что я сейчас сделаю – прервал его Гладышев, – а потом уж и поболтаем.

Откуда-то из подсобки мужчина принёс достаточно толстую доску и установил её между двумя перекладами. Затем закрыл глаза и сосредоточился, словно медитируя. И когда раскрыл их, его расширенные зрачки напоминали звериные и неподвижные зрачки нападающего тигра. Он размахнулся и одним неуловимым движением ладони перебил доску надвое.

Владимир с восхищением наблюдал за ним.

– Вот это борец! – с уважением констатировал он. Вам не стоит переходить дорогу.

– Вот именно! – ответил Гладышев. – Я мог бы умертвить человека одним ударом пальцев по смертельным точкам на его теле. Это даже убийством бы

не сочли – просто констатировали бы смерть от удушья или остановки сердца, и с лёгким сердцем отправили бы тело в морг. Так скажите, пожалуйста, зачем бы мне было кровавить руки ножом?!

И это только один из доводов. На эту ночь у меня есть алиби – я был на соревнованиях в этот день и провёл ночь в пригороде Москвы. Это могут подтвердить многие люди.

И, наконец, третий довод: я бы никогда не стал убивать свою мать! Да, мы не общались, но потому, что так хотела она! Мама была не совсем здорова психически. Она вбила себе в голову, что если она меня бросила в детстве, то теперь, став взрослым, я буду ей мстить. А у меня такого и в мыслях не было. Я её всегда любил, и всегда мечтал, что когда-то она захочет, чтобы я был рядом. Да вот так и не сбылось...

Владимир виновато смотрел на Гладышева.

– Ты уж извини, браток, – похлопал он каратиста по плечу. Я и сам понимал, что версия абсурдная, но что делать – должен был выяснить – служба обязывает, понимаешь?

В ответ Гладышев отошёл и устало растянулся на мате. Больше Серебрякову спрашивать было не о чём.

Глава 30. Легенда о безумном юристе

Мария сидела в тишине и прохладе уютной библиотеки и дрожащими руками листала журнальные статьи и книги о «мрачных легендах» дома на Берсенеvской набережной. Глеб, видя, в каком она была состоянии, предоставил ей отпуск, но безделье не спасало девушку от тревоги и переживаний. И пока Любовь была на работе, Мария не находила себе места. Поэтому Маша продолжила изучать библиотечные архивы. То, что с ней происходило, казалось ей сатанинскими сетями или божьим наказанием, в общем, чем-то мистическим, и поэтому она пыталась докопаться до правды. Возможно, сам этот злоеvщий Дом с привидениями или его таинственные жильцы и желали ей смерти?

Одной из поразивших Марию легенд была история о безумном мудреце, юристе Борисе Бранденбургском.

По Берсенеvской набережной шёл странный человек. Весной, в апреле, когда ещё люди кутались в тёплые вещи и куртки, он шёл без рубашки, в одних брюках. При этом он чуть ли не в пояс кланялся всем

проходим и мило улыбался. Затем вдруг стал вальсировать и припевать какую-то бессмысленную песенку. Через несколько минут вокруг странного человека уже собралась толпа зевак.

Шёл 1934 год – время, когда могли посадить за десятиминутное опоздание на работу. А тут мужчина работоспособного возраста танцует полуголый на улице да песенки распевает. Над ним смеялись и тыкали в него пальцами, а мужчина только благодарил да в пояс кланялся. И кто-то из толпы уже бежал со всех ног домой и, злорадно ухмыляясь, накручивал телефонный диск, вызывая милицию. Уводили безумца в участок под белые руки, а он всё читал вслух какие-то стихи.

Устанавливать личность странного человека долго не пришлось. Какая-то бабуля из зевак вдруг всплеснула руками и стала нащёптывать на ухо милиционеру:

– Ох ты ж господи, да это ж юрист наш из дома на Берсеневке! Его ж у нас все знают, такой человек положительный да чинный! Борисом Бранденбургским зовут, в местной прокуратуре он работает. Ох, господи, горюшко-то какое! Что ж это с ним приключилось-то? Может удар какой?! Куда ж вы его забираете? Ему не в милицию, а в больницу верно надо! А у него ж жена да детушки малые!

Бабуля всё причитала, а Бранденбургского тем временем отвели в местное отделение милиции.

Результаты допроса оказались неутешительными. Юрист не помнил ни своего имени, ни где живёт, и не мог связно объяснить тот факт, что оказался на улице в непристойном виде вместо того, чтобы спокойно пойти на работу.

Жена Бориса всплеснула руками и начала водить мужа по докторам. Но через короткое время история повторилась. Брандербургский не пришёл на работу, а вместо этого ходил по набережной и пристаивал к прохожим со странными вопросами, вроде «а что будет, если обнять врага?» или «может ли измениться порядок вещей, и Солнце начнёт вращаться вокруг Земли, а не Земля вокруг Солнца?».

И каждый раз какой-нибудь «заботливый» прохожий звонил в милицию, куда и забирали Бориса. «Эх, — досадливо вздыхали те из чиновничьего аппарата, кто знал Бранденбургского. — А когда-то ведь в Сорбонне учился. Да и у нас важным человеком был, пока не свихнулся»...

В конце концов, Бориса упекли в психбольницу. Лежал он там два года и всё это время его усердно лечили. Но «чёрный воронок» за ним не приехал, хотя он уже был в «списках». Сумасшедших не боялись и сажать в лагеря не считали нужным. И семью его

не тронули.

А «пересидев» страшные времена в психушке, Борис вновь вернулся к нормальной жизни. И постепенно до его жены и детей дошла причина внезапного сумасшествия проницательного юриста. Этим он спас свою жизнь и жизнь близких ему людей...

Глава 31. Шаги в темноте

После библиотеки Маша какое-то время бесцельно бродила по улицам. Думать ни о чём не хотелось, а хотелось, чтобы все проблемы и то страшное, что нависло над её головой, ушло, развеялось, словно мрачные тучи, рассеивающиеся под порывами ветра. Всё должно быть хорошо, ведь её поддерживает так много хороших людей. Александр, который как-то незаметно стал её самой надёжной поддержкой, Глеб, который всегда заботился о ней, и на которого она всегда могла опереться, Любовь, которая приютила её и заботилась о ней, как о младшей сестрёнке.

Но несмотря на все это, она всё более приходила к выводу, что и её судьба поразительно и неразрывно связана с таинственным домом. Домом, построенном на погосте. Ведь фундамент дома поставили прямо на надгробиях старого церковного кладбища.

Каких только имён не давали люди этому дому. «Улыбка Сталина», «Дом предварительного заключения», «Ловушка для большевиков», «Город будущего» и «Расстрельный дом», «Этап ГУЛАГа» и «Кремлёвский крематорий», «Дом предварительного заключения» и просто «Дом на набережной», как и стали называть здание после публикации в 1976 году знаме-

нитой повести Юрия Трифонова.

– Неужели кто-то здесь может жить? – удивлённо думала Мария, листая страницы, которые, казалось, сами были обгажены кровью невинно убиенных жертв. – И квартиры в этом доме сейчас стоят больше миллиона долларов. Покупая их, люди не ведают, что творят, и на что себя обрекают.

* * *

Перебирая эти мысли, Мария гуляла до темноты. Она так любила эту часть дня, когда на город надвигаются сумерки и темноту ночи разгоняет тусклый мерцающий свет фонарей и яркие мигающие огни рекламных вывесок. В это время суток Москва была необыкновенно таинственна и красива.

Внезапно что-то нарушило Машино умиротворение. Она сначала не могла понять, что именно, но через несколько секунд она это выяснила. Шаги. Кто-то шёл за ней след в след. Стоило ей остановиться, и шаги затихали. Стоило сдвинуться с места и сразу же возобновлялся гулкий топот чьих-то шагов за её спиной.

Может, показалось? Мария, не смея оглянуться, несколько раз повторила эксперимент с остановками и возобновлением ходьбы. Шаги не отставали, неиз-

менно повторяя её темп. По спине Марии побежали мурашки. Холодный и липкий страх заполз за шиворот, медленно прошёлся по груди, животу, и ушёл куда-то в пятки, сводя всё тело болезненной судорогой.

За тобой следят и тебя преследуют – это ясно. Возможно тот самый маньяк, который оставлял в твоей гостиной свои страшные жертвы. А впереди, по дороге к Любе, тёмный проулок. И возможно, что до уютной Любиной квартиры тебе не дойти. Пока он играет с тобой, как кот с мышью. Или как тигр с мышью? Но возможно сегодня его терпению пришёл конец. В любой момент он настигнет тебя, прижмёт к стенке и сам прижмётся к тебе. И ты ощутишь его невыносимо тошнотворный запах, исходящий из его зева. Запах разложения и смерти. И через несколько минут ты уже будешь уже не ты, а мерзкий растерзанный труп с широкой кровавой ухмылкой на перерезанном горле...

«Больше медлить нельзя, – эта здравая мысль осенила Марию, словно удар молнии, – нельзя ждать, пока он подберётся до тебя вплотную, вонзит в спину нож и умчится, как будто его здесь никогда и не было. Нужно действовать и как можно быстрее, пока действовать не начал Он».

Мария остановилась и начала лихорадочно оглядываться по сторонам. И, наконец, увидела то, что ей

нужно. На обочине дороги мирно стояло такси, приветливо мигая жёлтым плафоном на крыше. Только бы его не заняли! Мария метнулась к машине, открыла дверь. Слава богу! Заднее сидение было пустым. Мария, ничего не говоря водителю, ввалилась в машину и плюхнулась на сидение.

– На Новый Арбат, пожалуйста! Дом № 9, четвёртый подъезд. И побыстрее, умоляю вас! Плачу двойную цену!

Таксист, – здоровый широкоплечий детина даже не оглянулся. Только молча тронулся с места и поехал в темноту.

Какое-то время Маша облегчённо вздыхала, успокаивая себя тем, что опасность уже позади, и она едет домой. Но через несколько минут молчание и неподвижность водителя такси начали казаться ей какими-то подозрительными. Такси, словно космическая комета мчалось в ночи, рассекая фонарями темноту, а таксист своей неподвижностью напоминал каменную статую, которая в любой момент может обернуться и придавить своею непосильной каменной дланью.

Маше опять стало страшно, а в голову вновь поползли тревожные нелепые мысли.

– *Может водитель бандит? Или тоже ма-
няк-убийца, как и тот, что меня преследовал? Воз-
можно, что они сговорились, и такси поджидало ме-*

ня специально? Поджидало, словно неотвратимая ловушка, ждущая свою жертву. И вот жертва попалась и ловушка захлопнулась?

Мария пожалела, что не имела привычки носить с собой газовый баллончик или хотя бы складной нож. С ними она не чувствовала бы себя такой беспомощной. Девушка сидела тихонько, словно мышка, каждую секунду ожидая, что такси внезапно остановится, и водитель набросится на неё, словно дикий зверь.

Наконец, такси остановилось. Маша узнала знакомый дом и пулей бросилась в подъезд. И только захлопнув за собой мощную стальную дверь и услышав звук закрывающегося замка, Мария вздохнула с облегчением. Всё. Сегодня больше ничего ужасного не случится. Несколькими этажами выше уютная квартира Любы, где её ждет гостеприимная хозяйка, с которой ей ничего не страшно. Сегодня она осталась жива.

* * *

Зайдя в квартиру, Мария бросилась к Любе, которая готовила на кухне что-то вкусненькое. Ветерок радостно прыгал вокруг, виляя хвостом и стараясь как можно активнее включиться в ситуацию. Мария уже привыкла к тому, что собака была полноправным чле-

ном семьи Любы. Ей даже пришлось смириться с тем, что Любовь считала в порядке вещей, что Ветерок прыгал на кровать, а иногда мог и улечься рядом с хозяйкой. Впрочем, собака была всегда чистой и ухоженной, так как Люба собственноручно регулярно купала пса в ванной и вычёсывала специальным гребешком. Она даже чистила собаке зубы специальной щёткой и зубной пастой, так что Ветерок был чистюлей, не хуже хозяйки. В детстве щенок часто болел, так что Люба свела тесное знакомство с ветврачом, который готов был консультировать их днём и ночью, и регулярно прописывал собаке нужные корма и витамины. У собаки была даже собственная косметика, к примеру, крем от трещинок на носу.

Мария ощутила облегчение. Одно лишь присутствие Любы и Ветерка действовало на ней успокаивающе. Девушки испытывали друг к другу необъяснимое притяжение. Противоположные по характеру, они были очень красивы – каждая по-своему. И каждая из них любовалась красотой другой, видя в ней воплощение совершенства. Они взаимодополняли друг друга. Мария нуждалась в силе и уверенности Любы, а Любовь черпала энергию из непосредственности, впечатлительности и нежности Марии. Одна нуждалась в защите, другая получала удовольствие от того, что в ней нуждаются. Они были словно две ге-

роини «Малхолланд Драйва» Дэвида Линча – разные стороны воплощения женской красоты и совершенства.

Глава 32. Ромео и Джульетта XX века

В отличие от перепуганной Марии Любовь в этот вечер была настроена на позитивный лад. Ей было не привыкать подвергать свою жизнь смертельной опасности. Впрочем, Люба всё же предприняла определённые меры предосторожности:

– Приставлю-ка я к тебе Володьку Серебрякова – моего бессменного ухажёра. Пусть побудет вместо телохранителя, а то до чего он мне надоел, ты себе представить не можешь.

Люба так забавно рассказывала о Владимире Серебрякове, который казался Маше очень крутым и серьёзным, что девушка, не выдержав, расхохоталась.

– А я вот без свидетелей и ревнивых Володькиных глаз пойду завтра на свидание.

– Это к кому же? – удивилась Маша, зная мужене-навистничество Любви.

– А к местному нашему московскому олигарху. Вот смотри, что мне пишет:

«Уважаемая Любовь Николаевна! Мне бы хотелось извиниться и хоть как-то загладить вину за своё недостойное поведение в тот день, когда вы

были у меня в гостях. Мне хочется показать, что я умею вести себя с красивыми женщинами как настоящий мужчина. Если вы согласитесь отужинать со мной в «Cantinetta Antinori», то дадите мне шанс всё исправить. Прошу, не отказывайтесь. У меня есть для вас деловое предложение, которое обязательно должно вас заинтересовать.

Роман Корнилов»

– О-о-о-о-о, – шутливо протянула Мария, – какая честь для бедной и одинокой девушки-полицейской получить приглашение отужинать с самым богатым и крутым мужчиной Москвы. И притом, заметь, ещё и холостым! Слушай, а может он в тебя влюбился?!

Девушки решили снять пережитое Марией напряжение хорошим красным вином и уже успели раскупорить бутылку «Martini Rosso», так что им было сейчас очень хорошо и весело. И все проблемы казались надуманными и несущественными.

Мария бросилась перебирать Любин гардероб и достала оттуда откровенное и роскошное красное платье. И когда Люба его надела, даже захлопала в ладоши, настолько красива и эффектна была в нём Любовь. Облегающий наряд соблазнительно оттенял смуглую кожу и великолепно выделял высокую грудь. С распущенными чёрными волосами и миндалевидными чёрными глазами Любовь производила впечат-

ление страстной и роковой восточной женщины.

– Любочка, умоляю, надень на ужин это платье! И тогда все олигархи Москвы и мира будут у твоих ног!

* * *

Когда Любовь ушла, Мария уютно устроилась за книгой, в которой, словно музыкальные струны, тихо зазвучали истории старого дома на набережной.

Когда Мария узнала легенду о Ромео и Джульетте, её душу словно окутала печальная музыка. «Как хорошо, что Глеб не живёт здесь», – вдруг подумала она, иначе нас, возможно, тоже постигла бы судьба этих Ромео и Джульетты XX столетия. Дом мягко окутал бы нас своей паутиной, а затем до нас добрался бы живущий в его закоулках огромный паук, который сожрал бы наши тела и души.

...Нина и Владимир познакомились друг с другом прямо на ступеньках дома на набережной. Нина забыла ключи и, сидя на ступеньках, читала любовный роман и ждала родителей. Владимир, поднимаясь в свою квартиру, увидел прекрасную девушку с кожей цвета белой лилии и огромными глазами, в которых таились зелёные болотные огоньки. Ему хотелось спросить у неё, не русалка ли она, живущая в водах Москвы-реки и из любопытства забравшаяся в их

дом. Но вместо этого он пригласил Незнакомку к себе в квартиру и напоил чаем. С тех пор они начали встречаться, и время наполнилось для них бесконечностью.

Она его любила, но готова была смириться с велениями обстоятельств. Считала это судьбой, роком, который предписали им звёзды. Он её любил больше всего на свете и не готов был смириться ни с чем.

Её звали Нина Уманская, и она была дочерью дипломата. С Володей Шахуриным – сыном наркома авиационной промышленности у неё всё было хорошо. До тех пор, пока её отца не отправили послом в Мексику. Семью он забирал с собой.

Она бы уехала, но Владимир не позволил. Он любил её больше жизни. И в один чёрный день, не желая никуда отпускать любимую, застрелил её на лестнице Каменного моста. А затем застрелил и себя. Ещё две мрачные тени в истории странного дома.

* * *

На этот раз Роман Корнилов действительно оказался на высоте. За Любой он прислал роскошный лимузин, водитель которого вручил девушке огромный и искусно составленный букет разноцветных голланд-

ских тюльпанов. Помимо водителя в лимузине находился телохранитель, который и сопровождал Любу в ресторан, где за столиком уже сидел Роман Витальевич.

В этот вечер Корнилов был воплощением галантности. Он поцеловал Любе руку и весь вечер ухаживал за ней, словно она была иностранной принцессой, снизошедшей до ужина с простым смертным. К тому же, весь ужин Корнилов развлекал её разными историями, анекдотами и просто разной полезной информацией о тех блюдах, которые они ели, да и просто обо всём на свете. Ужин их состоял из фирменных блюд и вин заведения. Похоже, что Корнилов решил сегодня разориться и тратил деньги направо и налево.

Любовь благосклонно принимала ухаживания Романа Витальевича, умело скрывая насмешливый огонёк, горевший в её озорных глазах. Любопытно, чем это она удостоилась такого внимания московского ловеласа, к которому женщины слетались, словно бабочки к огню?

Корнилову стоило лишь щёлкнуть пальцами, и первые московские красавицы и светские львицы охотно подарят ему не только вечер с ужином, но и страстную ночь. А он сидит здесь с ней – скромным майором полиции и синим чулком, у которой-то и романов толком

ни с кем не было, – и, словно мальчишка, пытается ей понравиться. Ох, что-то это не к добру. Уж не влюбился ли он? Ей только не хватало второго Серебрякова, да ещё и бывшего бандита с кучей денег в кармане.

От этих мыслей Люба еле сдерживалась, чтобы не расхохотаться. Но девушка показала себя неплохой актрисой, и по её лицу нельзя было прочесть недавшие её чувства. Ей было очень интересно, что ей решил поведать Корнилов и что за таинственное предложение решил ей сделать.

В конце концов, они договорились до того, что Корнилов попытался подарить ей драгоценное кольцо из красного золота с рубинами, изумрудами и бриллиантами. Люба не сомневалась, что оно стоило не меньше, чем её двухкомнатная квартира с мебелью вместе взятые и попыталась вежливо отказаться. Но Корнилов настаивал, шантажируя её тем, что не озвучит своего интригующего предложения. И Любе пришлось согласиться. Наконец, под конец вечера Корнилов перешёл от ухаживаний и комплиментов к настоящему разговору.

– Любовь Николаевна, – серьёзно произнёс он, – я слежу за событиями уголовного дела, которое вы сейчас расследуете. И насколько я понял, оно пока зашло в тупик. И я с некоторых пор стал переживать за его участников. Насколько я понимаю, милой молодой

девушке Маше Евдокимовой сейчас угрожает серьезная опасность. Я бы хотел помочь и ей, и вам. Почему, спросите вы? Да потому что я не люблю, когда кто-то обижает красивых женщин.

В общем, – подытожил Корнилов, – в случае, если вы обратитесь ко мне, я готов предоставить вам любую помощь, которая может понадобиться – деньги, человеческие ресурсы ну и так далее. Со своей стороны я нанял сотрудников одного солидного детективного агентства, чтобы они как можно быстрее расследовали это дело. Надеюсь, что они окажут отделу уголовного розыска посильную помощь. Девушку, Машу Евдокимову, я окружу бригадой телохранителей. Они будут охранять её днём и ночью.

Люба только удивлённо кивала в ответ на речь Корнилова. Да уж, если в деле решил поучаствовать один из российских олигархов, значит, оно принимает действительно серьёзный оборот. Что же это всё-таки происходит с Романом? Неужели он действительно в неё влюбился и таким образом хочет заслужить ответное чувство? А может влюбился-то не в неё, а в Марию?

Вернувшись домой, Люба поспешила обрадовать Машу, сообщив о том, что теперь она под надёжной охраной. Но в ответ девушка неожиданно расплакалась.

Её отношения с Александром расстраивались. Мужчина ревновал её к Глебу, так как Мария не скрывала, что считает его своим самым надёжным другом, к мужчинам-охранникам. А теперь вот ещё и этот олигарх вмешается. Маша видела, что Саша переживал за неё не меньше, чем она сама, и при этом ощущал свою беспомощность, так как вмешаться ему не позволяли. И гулять под охраной им было тоже не очень приятно, так что, встречаться они стали намного реже. Сейчас Маше было не до выяснений отношений, но из-за этой неопределённости девушка чувствовала себя ещё более одинокой.

Когда же она сможет, наконец, вернуться к своей прежней жизни, такой спокойной и приятной? Интуиция подсказывала Марии, что тучи вокруг неё сгущаются и что никакая охрана не помешает её недругу осуществить в отношении неё свои чёрные планы. Ловушка уже поджидает свою жертву, и пасть капкана скоро захлопнется.

Глава 33. Ловушка для ангела

«Приходи сегодня в семь вечера на Берсеневскую набережную. У меня есть важная информация об убийце женщин в доме на Берсеневке. Будь одна».

Любовь Романова с недоумением снова и снова перечитывала записку, которую ей доставил лейтенант Вахромеев, заявив, что её сегодня принёс в отделение какой-то мужчина. Так как записка была адресована «следователю Романовой», то конверт не вскрывали.

– Ну, что думаешь, Володя? – спросила Люба у Серебрякова, – какотреагируем?

– И ты ещё думаешь?! – встревоженно воскликнул Владимир, – это может быть убийца! Продолжает с нами свою игру в кошки-мышки.

– А может быть и боязливый свидетель, который по каким-то причинам не желает приходить в отделение, – парировала Люба, – ты не забыл, что наше расследование фактически стоит на нуле?

– Хорошо, – хочешь пойти, – я соберу бригаду, и мы будем ждать в засаде рядом с набережной.

– Нет, Володя. Я смогу за себя постоять – ты же знаешь, пистолет всегда при мне. А из-за незапланированных действий, как твоя засада, всё дело может со-

рваться. Кто знает, возможно, этот человек действительно владеет важной информацией.

Владимир только вздохнул в ответ. Кому как не ему знать, что если уж Любовь Романова что-то решила, то пытаться изменить её решение просто бесполезно.

* * *

Майор и следователь по особо важным делам Любовь Романова стояла на Берсеневской набережной и смотрела на беспокойную водную рябь. Она любила воду, в ней была заключена и удивительная глубина, и спокойствие, и страшная сила, разрушающая дома, ломающая деревья и человеческие жизни. В воде было заключено единство противоположностей, и это роднило стихию с человеческой жизнью. На что только не способен человек. Один совершает немыслимый подвиг ради спасения человеческой жизни, а другой – чудовищные злодеяния, чтобы разрушить созданное Господом чудо. Возможно для того, чтобы усилить ощущение собственной значимости, так как понимает, насколько он ничтожен. Вероятно, в такие моменты убийца сам себе кажется Богом. Или Дьяволом...

Услышав шаги, прервавшие её тревожные мысли, Люба обернулась. К ней спокойно и неспешно подхо-

дил пожилой человек приличной наружности.

– Любовь Николаевна Романова? – услышала Люба.

– Ну, слава богу, – вздохнула про себя Любовь. – Этот человек явно не убийца и ни от чего не прячется. Значит просто свидетель.

– Да, – констатировала Люба. – Это вы прислали мне утром записку?

– Не совсем. – Я всего лишь жилец этого дома, – мужчина указал на дом на набережной. – Мне только поручили передать вам, чтобы вы прошли в дом, вон в тот подъезд, – мужчина вновь указал в сторону дома. У человека, назначившего вам свидание, нет ключа от двери подъезда, и поэтому он поручил мне позвать вас. Он хотел бы кое-что вам показать в этом доме.

– И вновь дело коснулось странного дома, – подумала Люба. – Возможно, то, что мне сейчас покажут, приблизит нас к разгадке этих чудовищных убийств.

– Спасибо за содействие, – бросила Люба мужчине и торопливо зашагала к серой громаде дома.

Стальная дверь была приоткрыта. Любовь вошла в темноту подъезда, который почему-то не был освещён, и закопошилась в сумке, ища мобильный, чтобы включить фонарик. Внезапно её лицо охватила сзади чья-то рука, зажимая нос и рот какой-то тряпкой с мерзким резким запахом. В глазах Любви потемне-

ло, и она обмякла в руках напавшего на неё человека, потеряв сознание.

* * *

Когда Люба открыла глаза, ей показалось, что с того момента, как она наблюдала за игрой ряби на набережной, прошла целая вечность.

— Слава богу, жива, — мелькнула у неё мгновенная мысль, но то, что она увидела, не принесло ей облегчения. Она поняла, что лежит на земле, на толстом матрасе со связанными за спиной руками и ногами. И вдобавок прикрученная за талию к толстому столбу. Голова у Любы ещё кружилась от той дряни, которой она надышалась, прежде, чем потеряла сознание, и девушка с трудом преодолевала тошноту.

Осмотревшись, Люба поняла, что лежит в очень маленькой комнате, похожей на монашескую келью. Выбеленные извёсткой стены, очень маленькая дверь, пройти в которую можно только полусогнутым, земляной пол и никакой мебели.

— Прямо усыпальница, — подумала Люба, чувствуя, как по спине пробегают холодные мурашки, а тело охватывают липкие лапы страха.

— Значит, Володька всё же был прав, — тоскливо подумала Люба, — это ловушка. И я со своей самонаде-

янностью просто нелепо подставилась и теперь кто знает, получится ли у меня выпутаться из всего этого кошмара!

И тут, словно в ответ на её тревожные и тоскливые размышления в двери вошёл человек. Увидев его, Люба вздрогнула и чуть не закричала. На мгновение ей показалось, что у вошедшего нет головы, а на её месте какое-то овальное чёрное пятно. Но в следующий миг поняла, что за пятно она приняла чёрный чулок, которым, как у заправского бандита, была обтянута голова мужчины. Гораздо тревожнее было другое. В руке у него блестел большой мясницкий нож с внушавшим ужас широким и большим лезвием.

Вошедший подошёл к лежащей на матрасе девушке и медленно провёл ножом вдоль её груди и живота...

* * *

— Да что ты... — у нее перехватило дыхание, — что ты себе позволяешь?! — возмутилась Люба. Её страх пропал, сменившись злостью, — не хватало только, чтобы этот урод её тут изнасиловал.

А мужчина, словно услышав мысли девушки, издевательски продолжил ощупывать её руками, любуясь её возмущённым лицом и манящим телом. Наконец,

он отодвинулся, и Люба смогла вздохнуть с облегчением.

– Зачем ты притащил меня сюда? – стараясь удержать рвущийся наружу страх, перемешанный со злостью, попыталась выяснить Любовь, – ты знаешь, что тебе грозит за противоправные действия в отношении сотрудника уголовного розыска?!

В голосе мужчины послышалась та же издёвка, что и в его движениях. Люба с ненавистью представила себе, как он ухмыляется под чулком мерзкой приторной улыбкой.

– Может и грозит что-то. Если поймаете. А пока что не ты поймала меня, а я поймал тебя!

– Но зачем?! Что я тебе сделала?! – с нарастающим гневом воскликнула Люба.

– Ты начала мне мешать, крошка. Поняла, наконец? Ты помешала моим планам, а это никому не обходится безнаказанно. И ты тоже будешь наказана!

– Маньяк, – с тоской подумала Люба, – убийца, маньяк и к тому же сумасшедший в придачу. И кто знает, может эта келья – мой последний приют в этой жизни...

– Что ты решил сделать со мной? – стараясь, чтобы её голос не выдавал терзавшего её ужаса, спросила Люба.

– А ты сама как думаешь? – спросил незнакомец, и

голос его прозвучал зловеще. — Сначала ты ответишь мне на кое-какие вопросы относительно хода расследования, а потом...

— А потом? — хрипло переспросила Люба.

— А потом, — издевательски продолжил преступник, — тебя ждёт история вполне в духе страшных легенд этого дома. Тебя ждёт судьба дочери Командарма. Ну как тебе? Согласись, что я не лишён фантазии?!

Впервые в жизни она чувствовала настолько беспомощной. Если бы сейчас у неё в руках был бы пистолет, она, ни минуты не сомневаясь, пристрелила бы этого безумца. Но вместо этого она должна была лежать в этой монастырской тюремной камере, полностью подчиняясь капризам выжившего из ума ма-ньяка. И выхода из этой жуткой ситуации, похоже, не было.

Глава 34. Бегущая в лабиринте

Маша снова спасалась от жуткого дома в библиотеке. Неожиданно тишину библиотеки прервали чьи-то громкие шаги. К Серебрякову через пространство библиотечного зала шёл лейтенант из их отделения. Увидев его, Серебряков встревоженно вскочил и вышел вместе с ним в библиотечный холл. Через пару минут он забежал в залу и прошептал на ухо Марии:

– Маш, собирайся. Очень плохие новости.

И как только Мария выбежала в холл, ошарашил:

– Люба пропала.

– Как пропала? – недоумённо переспросила Мария.

Она ещё никак не могла осознать, что с сотрудником уголовного розыска, представителем власти могло что-то случиться.

– Да вот так! – зло и расстроено повторил Серебряков. – Просто исчезла. Это всё я виноват! Нельзя было её отпускать одну. А теперь вот неизвестно, где она и что с ней.

Маш, ты давай, иди-ка к Любе домой, запишись там и жди меня. Я приставлю к квартире охрану, ты только не выходи пока никуда. Потому что сама видишь – маньяк наш совсем распоясался, кто знает, что у него на уме. Продукты к тебе мои ребята занесут, так что с

голоду не умрёшь. Ну, я побежал – нужно немедленно начать поиски.

Расстроенная и полная тревожных переживаний, Маша заперлась на все замки, которые были на двери. Что же теперь будет? Где Люба, её такая сильная и отважная подруга, ставшая ей в эти ужасные дни и опорой, и защитой? Что с ней могло случиться? И что теперь будет с ней, с Машей?

* * *

Любовь Романова по-прежнему лежала в неудобной позе на полу монастырской кельи и скрипела зубами от злости. Это ж надо так по-дурацки попасться! Маша находится под прицелом безумного маньяка, а у них расследование на нуле, и она, следовательно, по особо важным делам, валяется здесь, как беспомощный ребёнок, связанная по рукам и ногам, и её готовится замуровать наглый и жестокий подонок. Нечего сказать, достойный конец для майора уголовного розыска!

Привычный сарказм в отношении себя и неприятных ситуаций, в которые она попадала, всегда помогал Любе сохранить силу духа. Помог и теперь. Любовь, не позволяя себе растеряться и поддаться страху, начала обдумывать, что она может сделать, чтобы

выбраться отсюда.

Пленившего её человека сейчас в комнате не было. Похоже, он отправился к себе домой, перекусить и отдохнуть, прежде чем вернуться к своим чёрным замыслам. Так что, самое время обдумать план своего освобождения.

Люба внимательно осмотрела комнату, отмечая каждую деталь. Темень, царящую в её клетке, рассеивала одинокая свеча. Свеча быстро таяла, и когда она растает, в келье наступит полная тьма. Но пока свеча ещё горела. И пока в комнате есть хоть капля света и жизни, ей нужно освободиться от верёвок.

Люба начала шевелить руками, пробуя крепость верёвки, которой были опутаны её запястья. Верёвка была крепкой, такую не разорвёшь. Единственный выход – вытащить из верёвочной петли одну из рук. Люба начала пытаться, но петля была слишком тугой. Тогда Любовь попыталась стащить с рук верёвку, задевая о деревянную доску столба. Неожиданно девушка застонала от неприятной боли – в руку попала деревянная заноза. Но Люба понимала, что прекращать попытки нельзя. Пусть ей сейчас тяжело и больно, но она жива. А вот что сделает с ней ма-няк, можно было только догадываться. Люба содрогнулась, вспомнив изуродованных и убитых женщин. Этот человек способен на всё. Ей нужно во чтобы то

ни стало освободиться от его власти.

Любовь удвоила усилия. Она стонала от боли, чувствуя, как стирается и покрывается ранами кожа на руках. Каждое движение становилось пыткой, но другого выхода не было. И вот, в один из моментов произошло чудо – рука, ставшая скользкой от стекавшей по ней крови, неожиданно высвободилась из петли. Люда шёпотом издала победный клич и, забыв о боли, полностью освободила руки.

Теперь осталось освободить ноги и развязать верёвку, которой она была привязана за талию к столбу. Любовь попыталась развязать узел на верёвке, которой была обвязана её талия, руками, но у неё ничего не вышло. Узел был слишком тугой, и слишком неудобно было развязывать. Люба опять поранила руки о столб и бессильно застонала.

Придя в себя, девушка вновь обратила внимание на свечу. Выход из ситуации медленно вызревал в её рассудке. Верёвку можно развязать, можно перерезать, а можно... перепалить. Руками я дотянусь до свечи. Вот только когда я поднесу свечу к животу, каждый мой жест может стать для меня последним...

Преодолевая резкую боль в животе, когда верёвка впилась в тело от усилий достать свечу, Люба изо всех сил потянулась к тёплому манящему огоньку. Рывок, и ещё один, когда девушке показалось, что верёвка

сейчас прорвёт её живот, и вот свеча у неё в руках. Люба поднесла свечу к верёвке, очень стараясь, чтобы руки не дрожали.

Одно неверное движение, и огонь с верёвки перейдёт на одежду, и ты вспыхнешь, словно соломенный сноп. И тогда тебе уже никто не поможет. Как же медленно тлеет верёвка. «Тик-так-тик-так», – затикали в сознании Любы невидимые часы. Сколько секунд или минут займёт этот процесс? И выдержи ли я?

Любе вспомнился сон, который она видела когда-то. О том, что превратилась в парящую в небе птицу, которая была низвергнута в подземную пропасть. «А сон-то, пожалуй, был вещим», – подумала она.

И всё же руки девушки были достаточно спокойны, чтобы перепалить верёвку. Её оковы дотлели, и она бросилась к верёвке, опутавшей щиколотки. Только бы хватило свечи, молилась она, только бы свеча не погасла.

Несколько томительных минут, и вот она уже свободна. Не медля ни секунды, Люба бросилась к двери. Только бы маньяк её не запер!

Дверь оказалась открыта. Пленивший её человек так рассчитывал на крепость верёвок, что не посчитал нужным позаботиться о двери. А может быть просто не умел навесить на неё замок.

Любовь выбежала из кельи и в отчаянии замерла. За дверью стояла крошечная тьма. Девушка ничего не могла различить, словно слепой крот в сказке о Дюймовочке. Люба достала телефон и с досадой бросила его обратно в сумку. Телефон давно сел. Тогда Любовь схватила всё ещё горевшую свечу и бросилась прочь из ужасной кельи. Она бежала и бежала по узким подземным ходам, бежала наугад, надеясь лишь на то, что ей повезёт и в одно прекрасное мгновение перед ней забрезжит свет дневного дня. Но всё было напрасно. Подземелье казалось бесконечным. Люба понимала, что она, скорее всего вообще идёт не в ту сторону, и может бродить этими узкими страшными лазами целую вечность.

«До тех пор, пока тебя не настигнет беспощадный нож маньяка или пока не умрёшь...».

С ужасом Люба обнаружила, что некоторые коридоры подземелья настолько узкие, что она может застрять в одном из них.

«И тогда ты здесь застрянешь и, поверь, это будет гораздо хуже, чем быть замурованной в просторной келье. И тогда ты будешь кричать и молить, чтобы нож маньяка достал тебя раньше и избавил бы от муче-

ний».

Любовь сделала очередной шаг и вдруг поняла, что случилось именно то, чего она так боялась, – она застряла в одном из нечеловечески узких ходов подземного лабиринта. Девушка не могла двинуться ни назад, ни вперёд, сколько бы попыток не предпринимала. Люба почувствовала, как липкие лапы панического страха, наконец, добрались и до неё. Её сердце бешено колотилось, мысли сбивались и путались, и девушке казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Свеча выпала из её дрожащих рук и, угаснув, покатилась в темноту. Любовь Романова осталась в крошечной тьме подземного ада без всякой надежды на освобождение...

Глава 35. Легенда о маршале Жукове

Маша нервничала так сильно, что ни на чём не могла сосредоточиться. Выходить из квартиры ей запретили, судьба подруги была неизвестна, равно как и своя собственная. Квартира была конспиративной, и ей запретили давать адрес Александру и Глебу. Так что, Мария осталась без привычной поддержки. От недостатка впечатлений и тревожных мыслей девушке казалось, что она сходит с ума.

Наконец, Маша взяла себя в руки, взяла библиотечную книгу и продолжила читать об истории Странного дома и о погибших там людях. Всё же это было лучше, чем метаться по квартире, словно подстреленная птица.

Здесь, в «Райском острове», в «Кремлёвском кладбище», в «Доме-гробе», в «Острове соколовиц», в «Ловушке для большевиков», в «Каземате на Берсеневке», в «Бабьих слезах», в «Улыбке Сталина» – все эти названия относились всё к тому же пресловутому дому на набережной – жил и умер в огромной 160-метровой квартире знаменитый военачальник

– маршал Жуков. Выдающийся полководец, крупнейший из маршалов Великой Отечественной войны и большой женолюбец, всю жизнь метавшийся между разными женщинами. В его жизни их было так много... И всех их ждала тяжелая участь. Самая большая любовь его жизни, с которой он жил в злополучном доме, не дожила и до 50... Рак груди... И кто знает, не виноват ли в столь трагической смерти этот злополучный дом?..

У Жукова в жизни было много женщин. Многие обвиняли его в «развратном образе жизни». Но только его роман с Галиной Семёновой, которая была моложе его на целых тридцать лет, затянулся на всю жизнь. Тогда ей не удалось родить Жукову ребёнка – случился выкидыш. А когда в 1953 Жукова вызвали в Москву, забрал с собой и Галину. Выхлопотал ей с матерью квартиру и стал привычно жить на два дома. И в этом же году ему пришлось зарегистрировать официально брак с давно уже не любимой Александрой.

Но когда Галина всё же родила Жукову дочурку Марию, маршал определился окончательно – с постылой женой он жить не будет. Александра привычно «донесла» на непокорного мужа Хрущёву. Это заявление всплыло в октябре 1957 года, когда Жукова снимали со всех постов. И вновь бывшего марша-

ла «заставили» вернуться к нелюбимой. Он прожил с женой ещё восемь лет, продолжая любить другую. Официально развод с Александрой был оформлен только в январе 1965 года. Одновременно был зарегистрирован и брак с Галиной. Жуков и Галина, наконец, были счастливы в их огромной квартире в доме на Берсеневской набережной.

Но в зловещем доме нельзя было поселиться и жить безнаказанно. Его стены словно источали зловонные миазмы, — наследие происходивших здесь безумств и сотен загубленных жизней. Каждый день в кровавом доме укорачивал их жизнь. И через время появились роковые болезни. У Галины в декабре 1967 года был обнаружен запущенный и неоперабельный рак груди.

И, вероятно, из-за переживаний за нее через месяц у Жукова случился инсульт, и маршала парализовало. Они тяжело болели, поддерживая друг друга как могли. А в ноябре 1973 Галина была госпитализирована и через неделю умерла. Не дожила и до пятидесяти... Такого удара Жуков не перенёс. Он почти не выходил из больниц и через полгода, 18 июня 1974 года, в 77 лет, ушёл вслед за любимой.

Глава 36. Свет в конце тоннеля

Любовь Романова, следователь по особо важным делам уголовного розыска Москвы, умирала. Она умирала от удушья, от панического шока, от осознания своей беспомощности и того, что никто не придёт ей на помощь. В её сознании проносились самые яркие моменты её жизни и тут же гасли.

— Смешно, — с привычным сарказмом подумала Любовь. — Я так любила небо, а вот сдохнуть придётся под землёй...

И вспомнить меня будет некому. Ни мужа, ни детей. Пустоцвет, — как выразился Лев Николаевич Толстой об одной своей героине. И даже хоронить не придётся — тело-то всё равно никто не найдёт... И только через много лет, когда плоть истлеет, какие-нибудь случайно забредшие мальчишки найдут твой скелет...

Внезапно чёрные и мрачные мысли майора Романовой прервал какой-то звук. Люба приподняла голову, прислушиваясь.

— Да нет, откуда здесь... Конечно мне показалось.

Но минут через пять звук раздался опять и теперь гораздо более явственно. Это был... лай? Да нет, показалось, откуда здесь взяться собаке?

И всё же с каждой минутой лай становился отчёт-

ливее.

– Может это мой милый маньяк ищет меня с собакой? – утомлённо подумала Люба. – И через несколько минут к тебе подлетит огромная злая зверюга и вцепится тебе в горло?

И словно в ответ на мрачные мысли девушки лай стал совсем явственным, и через секунду Люба широко раскрыла глаза: огромная чёрная овчарка летела к ней со скоростью молнии.

– Ну, вот и конец... – обречённо подумала Люба и закрыла глаза.

А через минуту удивлённо их открыла. Овчарка, наконец, добралась до цели и облизала её с ног до головы. Люба почувствовала лапы собаки на своих плечах, и тёплый шершавый язык, который старательно вылизывал её лицо. В поскуливаниях пса слышался отчаянный восторг, а, открыв глаза, Люба увидела, что собака приветливо виляет хвостом.

– Ветерок?! – в недоумении протянула Люба. – Но откуда? Может я уже умерла, перенеслась в рай, и ты мне просто снишься?!

Однако послышавшийся затем голос не дал ей долго прибывать в иллюзиях. Подбежавший к Любе человек упал на колени, оттолкнул овчарку, а затем зажал её лицо обеими руками и начал горячо его целовать, приговаривая при этом жарким шёпотом:

– Любочка, родная моя, наконец-то я тебя нашёл. Как же я счастлив! Я уже думал, что из-за своей глупости потерял тебя навсегда!

– Ну вот, – прошептала Люба, чувствуя, что её силы совсем иссякли. – Сначала меня обслюнявил Ветерок, а теперь ты.

Девушка чувствовала такое счастье и облегчение, что вырываться и ругать Володьку Серебрякова за то, что он позволяет себе столь вольное обхождение с майором полиции, у неё просто не было сил. Да и это было бы донельзя глупо, ведь Владимир только что спас ей жизнь. ...Ну, или спасёт, когда поможет выбраться из этой ловушки. Но в любом случае, раз Ветерок и Володька уже здесь, то ей больше ничего не страшно – ни жуткое подземелье, ни маньяки с ножами.

И, действительно, дальше все пошло как по маслу. Серебряков, подкопав лаз большим ножом, помог Любе освободиться. А дальше дело спасения их обоих взял на себя Ветерок. Собака быстрее молнии помчалась к выходу – уж она-то знала путь безошибочно. Бедный Ветерок никак не мог понять, куда пропала его хозяйка, и тосковал по ней не меньше Серебрякова. И теперь застал её в этом странном месте. Задерживаться тут было нечего – пора домой! И Ветерок мчался со всех ног, лая и то и дело оглядываясь

и недоумевая, почему это люди всегда движутся так медленно. Он бежал вперёд, а потом возвращался к Любе, как будто хотел сказать: «Ну что же ты, побежали со мной, выход же так близко!». И Люба с Серебряковым бежали за собакой, и подземелье, которое капитан освещал большим мощным фонарём, уже не казалось таким мрачным и безысходным.

Через полчаса они увидели свет на выходе из подземного лабиринта. Когда Люба выбралась из лаза, она поняла, что, наверное, только сейчас узнала, что такое счастье.

* * *

Дома Любу ждала жаркая встреча с Марией, со слезами и объятиями, а затем пирушка, состоящая из блюд, заказанных в ресторане.

– Когда ты пропала, я чуть с ума не сошёл, – рассказывал Серебряков. Метнулся на набережную, ну а что там можно было вообще выяснить?! Но по логике вещей догадался, что раз все события связаны с домом на набережной, то искать нужно там. Подумал, мало ли, вдруг этот маньяк тебя в какой-то квартире прячет. И тут меня словно Бог надоумил забрать у Машки Ветерка. Думаю, уж твой-то запах он знает, с ним я тебя быстрее отыщу. Привёл его к дому, обошли его по пе-

риметру, заходили в каждый подъезд. И вдруг в одном из подъездов он меня в подвал потянул. Заходим, а там люк. Так и оказались в подземелье под домом. А там уж только за собакой шёл. Ветерок почувствовал запах и прямо летел по твоим следам. Так на тебя и вышли. Я молился только о том, чтобы успеть вовремя...

– Володя, спасибо, – расчувствованно поблагодарила Люба, – если бы не ты, меня бы уже не было на свете. Когда вы с Ветерком меня нашли, я уже задыхалась от нехватки кислорода и панического ужаса.

– Да чего уж там, – Серебрякову стало так приятно от слов Любви, что он почувствовал прилив счастья. Нечасто Люба говорила с ним в таком тоне. И даже не высказала ничего за недопустимые объятия и поцелуи.

Чуть ли не львиная доля всех деликатесов досталась Ветерку, как спасителю и главному участнику всего произошедшего. Пёс был вне себя от такого счастья и, умилённо поскуливая, ловил еду на лету. А затем улегся возле Любиной кровати и уснул. Во сне пёс счастливо скулил и было понятно, что ему снятся самые розовые сны.

А дальше, после ухода Серебрякова, подружки, обнявшись, крепко уснули, потому что ни одной из них не хотелось сейчас думать о продолжении ужасной ис-

тории с убийствами и маньяками.

* * *

В Доме цвета спалённых судеб, часто случались очень печальные вещи. Евгения Горкуша была актрисой и настоящей красавицей. Он – Пётр Петрович Ширшов – полярный герой и государственный деятель. И волею судеб он жил в Зловещем Доме. В октябре 1941 года, в страшные и дикие дни всеобщего бегства и грабежа они встретились в доме на Берсеневской набережной.

Она была приглашена в их кинотеатр для выступления перед показом кинофильма. Сыграла какую-то сценку. Ширшов глядел на неё во все глаза. И шептал, как ему казалось, про себя, а на самом деле вслух: «Милая. Ты такая милая!».

Семья Ширшова уехала в эвакуацию. А Женя стала неофициальной женой. И родила ему дочку. Потом из эвакуации вернулась семья Ширшова, и им пришлось разойтись. А затем, на одном из приёмов в 1946 Евгению заметил Лаврентий Берия и сделал непристойное предложение. Она прилюдно вlepила ему пощёчину. И судьба её была решена. Однажды Женя села в подосланную машину и исчезла навсегда.

А Ширшов, узнав об этом, впал в жестокую депрессию. Прилюдно, уже будучи министром морского флота, Ширшов разорвал портрет Сталина и заперся в кабинете. Пил несколько дней, собирался застрелиться. Его отговорила двухлетняя дочь, которую привели к его кабинету. И малышка достучалась до отчаявшегося отца. Но с того момента Ширшов сломался. Его уже «списали», не стали даже брать, когда он прилюдно обозвал Берию фашистом. Понимали, что погибнет сам.

Ширшов вспоминал о Жене до конца жизни, писал ей трогательные признания в своём дневнике. Но двум любящим людям соединиться уже было не суждено. Пётр Петрович умер в тот же год, что и Сталин. А Женя отравилась снотворным в Магаданской ссылке. Роман, начавшийся в зловещем доме, окончился смертью.

* * *

На следующее утро Любе всё же пришлось вернуться к своим служебным обязанностям.

— Володя, как я понимаю, мы по-прежнему на нуле? Ты, конечно же, был занят моими поисками, и тебе было не до расследования? Равно как и всем остальным сотрудникам нашего отдела, которые потратили

всё время на переживания о том, куда же подевался их майор? – с привычным для неё сарказмом вопрошала Любовь.

Серебряков только виновато поддакивал. Люба встала, и, подойдя к Серебрякову вплотную и глядя ему прямо в глаза, очень серьёзно сказала:

– Володя, нам нужно немедленно разыскать убийцу. Если нужно, будем работать двадцать четыре часа в сутки. Потому что иначе будет поздно. Я разговаривала с этим маньяком и поняла, что это невероятно наглый и умный тип, уверенный, что он опережает нас на двадцать ходов вперёд, и что всё это сойдёт ему с рук. Такой не остановится и не будет колебаться. А это значит, что будут ещё жертвы. И следующей из этих жертв, скорее всего, станет Маша. А если и не она, то кто-нибудь другой. И эта новая жертва появится очень скоро.

В ответ Серебряков послушно взял под козырёк.

– Есть, товарищ майор! Приложим все силы, чтобы найти убийцу.

Глава 37. Любовь и ненависть

Дальнейшие распоряжения Любви Романовой были сухи, кратки и деловиты.

– Володя, пригласи Корнилова. Он ведёт собственное расследование, так что, не мешает узнать, что он выяснил. Кстати, с его дочерью тоже нужно обязательно побеседовать. Они с Марией работают в одном агентстве и, по рассказам очевидцев, не слишком ладили. Да, и не забыть пообщаться с директором модельного агентства. Может, узнаем что-то новое. Всё, выполняйте!

– Слушаюсь, Любовь Николаевна, – ответил Серебряков, и в его голосе не слышалось ни малейшей шутливости по поводу этого официоза.

* * *

Проще всего было связаться с Корниловым – с ним и побеседовали первым.

– Да что выяснили-то? Мои мальчики опросили соседей по дому, уж кто-кто, а бабушки на площадке знают всё о жизни своих соседей. Обе женщины вели тихую и размеренную жизнь. Из квартиры выходили

в основном в магазины. Развлечений никаких – разве что посидеть на лавочке – подышать свежим воздухом, поболтать с такими же бабулями-соседками. Никуда почти не ходили, только вот тётя Клава подрабатывала – ходила на работу. А Полина, модель наша бывшая, так та почти всё время дома сидела. Хозяйственная была – любила рукодельничать, готовить. Угощать-то ей было некого – в Москве у неё кроме сына, с которым не общалась, никого не было. Так она соседей угощала. Позвонит бывало в дверь, ей откроют, а она блюдо с пирогом протягивает. Ну, понятно, что такую соседку все любили, врагов из соседей и знакомых у неё не было, – констатировал в конце своего рассказа Корнилов.

– Понятно, – вздохнула Люба, – Роман Витальевич, понимаете, мы сейчас опрашиваем всех, кто имеет хоть какое-то отношение к Марии Евдокимовой. А они с вашей дочерью вроде как коллеги. Работают в одном агентстве. Так нельзя ли...

– Я вас понял, Любовь, – кивнул Корнилов. – Конечно, побеседуйте с Юлией, – это будет логично. Только ей ведь скрывать нечего...

* * *

Перед Любовью сидела яркая, эффектная и очень

красивая девушка, своей вызывающе сексуальной одеждой и блестящими украшениями напоминающая металлистку. Она иронично посматривала на следователя, ожидая вопросов.

– Юлия, скажите, в каких отношениях вы состоите с Марией Евдокимовой?

Этот вопрос не заставил девушку растеряться. Напротив, Юлия зло расхохоталась:

– В каких отношениях, спрашиваете?! Да я её ненавижу!

* * *

В этот приятный солнечный день Маша с Александром сидели в кафе и хмурились. Во всяком случае, Александр непонимающе хмурил брови, а Маша готова была расплакаться.

– Маша, я не понимаю, – недовольно возмущался Александр, – почему? Я прекрасно понимаю, на каком ты сейчас взводе и как тебе тяжело. Но ведь я только хочу тебя поддержать! Почему же мы почти не встречаемся? Ты каждый раз отказываешься под благовидным предлогом от встреч, ты ни разу не была у меня дома, хотя бы для того, чтобы выпить чашку чая! Но почему?! Разве у тебя есть кто-то ближе меня? Может быть, ты боишься секса? Мне это трудно понять, учи-

тытая, сколько мы уже знакомы, но я ведь не маньяк, ты уже в этом давно могла убедиться. Если ты не хочешь – ничего и не будет, только дай возможность хотя бы побыть с тобой рядом!

Маша неожиданно поднялась.

– Саша, прости. Я сейчас спешу, у меня встреча с Глебом – он просит продолжить фотосъёмки. Это слишком серьёзный вопрос – давай обсудим его в другой раз...

Александр, всегда такой спокойный и выдержанный, сейчас просто побагровел от обиды.

– Глеб?! Опять Глеб?! Мы с тобой говорим о нашей жизни, наших отношениях и нашем будущем, а ты сбегашь от этого разговора из-за встречи с Глебом?! Возможно, ты и отказываешь мне постоянно только потому, что не можешь его забыть?! Его – женатого мужика, который никогда тебя в грош не ставил, и ничем не готов для тебя пожертвовать? Ты ведь прекрасно понимаешь, что он никогда не разведётся и твоя роль при нём – это позорная роль любовницы и содержанки?! А я готов отдать тебе всё – свой кошелёк, сердце и душу!

В приступе ярости Александр так сдавил бокал с вином, что он разлетелся на осколки, а рука мужчины стала кроваво-красной от полившейся из порезов крови, смешавшейся с растёкшимся вином.

– Боже мой, – охнула подбежавшая официантка. Я сейчас принесу аптечку. Дождавшись, пока ему забинтуют руку, Александр бросил на стол сумму, втрое превышающую стоимость заказа, и, даже не взглянув на Марию, вышел прочь.

А Мария в самом разгаре фотосъёмок, не выдержала и разрыдалась. Глеб, недоумевающе глядя на неё, повёл её утешать в уютный закрытый павильон в парке, где их никто не видел и не беспокоил.

– Маша, да что с тобой? – недоумевающе спросил мужчина. – Ты сейчас сама не своя. Я понимаю, что ты нервничаешь и боишься этого маньяка. Но ведь ты же не рыдаешь из-за этого сутками без остановки! Так что же произошло сейчас?!

– Это Александр, – продолжала рыдать Мария. – Он не верит мне и только что наговорил столько ужасных и оскорбительных вещей!..

– Ах, этот болтун тебя ещё и оскорбляет?! – вспыхнул Глеб. – И ради этого грубияна ты меня бросила?!

– Маша заплакала ещё сильнее.

– Ну всё, всё, – опять бросился успокаивать девушку Глеб, испугавшись накала Машиных эмоций. – Успокойся, ласточка моя, всё будет хорошо!

Глеб начал гладить Машу по плечам, по спине, а затем и вовсе обнял. Мужчина наслаждался ароматом золотистых волос девушки, теплом и близостью её

восхитительного тела. А Маша, не замечая двусмысленности ситуации, крепко прижалась к груди Глеба и наслаждалась силой и теплом его рук, словно испуганный птенец, оказавшийся, наконец, в уютном родительском гнёздышке.

* * *

– Ненавидите?! – недоумённо протянула Любовь, внимательно рассматривая Юлию. – Но почему? Что Мария вам сделала?

– Что сделала?! – опять нервно расхохоталась Юлия. – Да ровным счётом ничего! Ничего, кроме того, что разрушила мою карьеру!

– Поясните, – удивлённо вскинула брови Любовь.

– Да что тут объяснять?! – почти закричала Юлия. – Пока не появилась эта селянка из далёкой российской глубинки, я была первой моделью Москвы! Равных мне не было! Это обо мне писали газеты, это я мелькала в самых рейтинговых передачах TV, это моими фотографиями пестрели обложки модных журналов. Я была символом, понимаете? Символом чувственности, секса, богатства и красоты. Мне, словно богине, отдавали ту дань, которой я достойна!

– Ну, прекрасно, – протянула Любовь. А Маша-то чем вам навредила?

– Да как чем?! – вскинулась Юлия. – Ведь она, эта пигалица несчастная, стала моей конкуренткой! Более того, она затмила меня! С тех пор, как она появилась на подиуме, всё только и стенают: «Ах, какая красавица», «Ах, какие сине-изумрудные глаза», «Ах, какое чудо грации и красоты», «Ах, какая женственная сексуальность»! Она заняла моё место, а меня отодвинули в тень.

И разве это заслуженно?! Я с детства работаю над собой: танцы, актёрское мастерство, вокал, у меня были учителя даже в искусстве ублажить мужчину в постели! И всё это для того, чтобы быть настоящей женщиной, богиней! Для меня, благодаря моим способностям, красоте и деньгам отца, были открыты все дороги мира! И вот теперь эта безмозглая курица обошла меня на пьедестале славы! Теперь понимаете?!

– Теперь понимаю, – констатировала Любовь, задумчиво глядя на Юлию. И неожиданно пошла ва-банк:

– Так может именно вы и преследуете Марию? Ну, из чувства ревности или ещё каких-нибудь негативных побуждений?

И тут её удивила реакция Юлии. Ещё недавно столь озлобленная девушка, напоминающая злую ведьму, вдруг превратилась во взрослую серьёзную женщину.

– Да вы что?! Конечно, я не испытываю к ней тёплых

чувств, но я же не сумасшедшая. Я никогда не строила планов её убить или нанести какой-то ощутимый физический вред.

Не питайте иллюзий, что за мой счёт вам удастся распутать ваш «висяк». Я – не убийца, – безапелляционно заявила она и вышла из кабинета, громко хлопнув дверью.

Глава 38. Когда в глазах загораются звёзды

Любовь сидела напротив Романа Корнилова за столиком в ресторане, пытаясь выпытать у него, замешан ли он хоть как-то в истории с убийствами. Роман Витальевич, несмотря на завуалированность попыток Романовой, сразу понял её намерения и, хитро прищурившись, смотрел на неё лукавым насмешливым взглядом.

– Любовь Николаевна, смею вас заверить, что я к этой истории не имею совершенно никакого отношения. Невинен, как ангел. И путать вас ни в чём не собираюсь. Или от бывшего бандита вы ожидали совсем другого?

Любовь на мгновение вспыхнула.

– Роман Витальевич, ну при чём здесь ваше прошлое?!

– А при том, Любочка, что глядя на вас, я вспоминаю свою бывшую жену. Дашенька и вы совершенно разные по характеру и похожи разве что своей поразительной красотой. И, знаете, в моей жизни было много красивых женщин, но в вас есть что-то совершенно особенное. Храбрость, бесстрашие, ум и в то же вре-

мя женственность и доброта, – сочетание, которое так редко можно встретить в женщине. Вы настолько характерны, что вас можно разгадывать и любоваться вами бесконечно.

От этого монолога Люба даже слегка растерялась. «Да что это он? Что это за психоанализ моей скромной личности? Что нашло на нашего олигарха?» – подумала она.

А Корнилов вдруг встал и дал знак рукой. И, словно по мановению волшебной палочки, перед Любой появились музыканты, заиграв какую-то прекрасную и нежную мелодию. А Корнилов уже стоял перед Любовью, торжественно приглашая её на танец.

«Да, что и говорить, мы далеко ушли от издевательских забав в рулетку и с дикой лошадей. Вот – чинно танцуем, словно влюблённые. А между тем выпытать у Корнилова так ничего не получилось – ни в доказательство вины, ни в доказательство обратного», – подумала Люба.

– Люба, – голос Корнилова звучал весьма торжественно. – Знаешь, я долго думал и понял, что это по-настоящему. Я хочу сказать, что во мне проснулось что-то... То, что я испытываю к тебе, – первое после смерти Дашеньки настоящее чувство. Прошу тебя, выходи за меня замуж!

От этих слов Люба встала как вкопанная, прекратив

своё плавное движение в вальсе по залу.

– Я не ослышалась? – удивлённо спросила она. – Роман Витальевич, вы же меня совсем не знаете...

– Люба, вашу загадку я готов разгадывать всю жизнь! – Всё так же торжественно произнёс Роман.

– Ох, – вздохнула Люба, – давайте-ка присядем, нужно передохнуть.

За столиком Любовь, широко раскрыв свои большие выразительные глаза, уставилась на Романа.

– Совсем неплох, – констатировала она про себя. – Резкие мужские черты лица, стройная мускулистая фигура. Пожалуй, он даже красив. Но замуж? Да я просто не представляю себе его в своей спальне в тапочках и халате.

Люба уже готова была расхохотаться, но вспомнила о том, что момент совсем неподходящий.

А Роман с тревогой следил за каждой сменой чувств на её лице, с трепетом ожидая ответа.

Люба продолжала размышлять дальше. Конечно, ответ однозначен. Ей только олигархов в её жизни не хватало! Но стоит ли разочаровывать Романа прямо сейчас? Считая, что я тоже в него влюблена, он будет покорен, как щенок, и всеми силами будет содействовать расследованию. Так не лучше ли притвориться, пока не прояснится эта ужасная история?

– Роман Витальевич, – Люба старалась, чтобы её

голос звучал взволнованно. – Я чрезвычайно польщена вашим предложением. Вот уж не ожидала... Но дайте мне время подумать. Я не могу вот так за один вечер решить этот вопрос, который полностью изменит мою жизнь. Мне нужно всё обдумать.

Лицо Романа прояснилось. Прежде всегда серьёзное и даже суровое, сейчас оно осветилось надеждой. Мужчина обнял Любу за плечи и, преодолевая её сопротивление, прошептал:

– Всего один поцелуй, и я положу к твоим ногам весь мир.

И Люба, вспомнив о своей тайной цели, а может и не без увлечённости, позволила себя поцеловать.

Глава 39. Знамена конца

– Так что, неужели и правда нет другого выхода? – отчаявшимся голосом в который раз переспрашивала Мария.

– Нет, – чеканила Любовь. – Наше расследование зашло в тупик, и убийцу следует ловить на живца. Так что придётся тебе, Машуль, вернуться в Дом на Набережной и побыть в своей прежней квартире в качестве приманки. Да ты не бойся – тебя будут охранять. Мы не допустим, чтобы с тобой что-то случилось! Но только так мы сможем выманить маньяка из его логова.

– Понятно, – убитым голосом ответила Маша. – Что ж, как скажешь.

* * *

В квартире на набережной всё было по-прежнему: полумрак, царивший за занавесью бархатных штор и тяжёлая томная роскошь. Первое знамение того, что маньяк знает о её присутствии в квартире, появилось где-то через неделю. Однажды утром Мария обнаружила в гостиной записку: *«ИСЧЕЗНИ. НЕ ТО СЛУЧИТ-*

СЯ НЕПОПРАВИМОЕ». И знакомое изображение рычащего тигра.

С Машей случилась истерика.

– Ну как же так, я же думала, что вы остановите его до проникновения в квартиру, а вы допустили, чтобы он опять бродил по комнатам!

Люба виновато кивнула:

– Извини, Машуль, но мы так и не выяснили, как он проникает в квартиру. Мы выставили охрану возле люка в подвале, у входа в подземный лабиринт, но его там не было.

Мы установим возле твоей кровати кнопку, соединённую с сигнализацией. Как только увидишь что-то не то – жми, и мы примчимся. В спальне у тебя мы установили хорошую стальную дверь с крепкими замками, так что сюда убийца точно не доберётся.

* * *

На следующую ночь Мария проснулась от вкрадчивого стука в дверь её спальни. И чей-то шёпот, достаточно громкий, чтобы его услышать через двери:

– Мария, Маша, Маша-а-а, – открой двери, прими гостя...

Услышав эти звуки, Мария обезумела от страха.

– Вот он и добрался до меня, – подумала обречённая.

но. – Возможно, эту ночь я уже не переживу.

Девушка изо всей силы нажала на кнопку вызова помощи, но никаких звуков не последовало – сигнализация не сработала. Маша зажала рот обеими руками, чтобы не закричать от панического ужаса.

А существо за дверью продолжало скрестись. Это был даже не стук, а именно скрежет, словно вместо рук у него были лапы с когтями, которыми оно скрежетало о металл двери.

– Маша открой, Маша, открой, Маша, открой, – уже не шептало, а завывало Существо.

– Это не человек, – прошептала Мария, – это сам Дьявол, порождение Проклятого Дома, пришёл за мной.

– А помнишь, – вкрадчиво прошептало Существо, – как мы преследовали тебя тогда в Париже? И ты была так близка-а-а. Я бы мог ещё тогда снять с тебя скальп, – но мне так хотелось ещё немного тебя помучить...

И вдруг вкрадчивый шёпот прекратился, и Существо ударилось в дверь со всего маху. Звук был так звонок и силен, что казалось, сотрясся весь дом.

Что было дальше, Маша уже не слышала, так как потеряла сознание. Когда она очнулась, возле неё стояло несколько полицейских, а Любовь держала перед носом ватку с нашатырём.

– Маша, родная, сегодня ночью последний раз. Мы бы схватили этого урода, если бы он не нашёл и не перерезал сигнализацию. Но сегодня мы установим прослушку, видеокамеры и будем караулить под са-мой дверью. И как только он появится – мы возьмём его!

Был канун Рождества, Люба с Серебряковым куда-то уехали по срочному вызову, и она, вернувшись с показа, осталась одна. Приняв огромную дозу успокоительных, которые ей прописал врач, знакомый Глеба, она почувствовала какую-то эйфорию. Все ей показалось не таким уж страшным, и чувство, что скоро все закончится, было таким очевидным, что она решила даже включить телевизор, не боясь рассердить призраков дома. Она вошла в гостиную и в ужасе отшатнулась...

На том же месте, что когда-то убитые женщины, лежал ничком подросток. Он тоже словно бы уснул, и никаких признаков насилия не было видно на его теле.

Подросток был мёртв. На его теле не было никаких признаков насилия – он действительно как будто уснул. Только в его руку была вложена ярко-красная роза со сломанным стеблем, а на спине красовалась

всё та же татуировка рычащего тигра...

Мария что есть сил закричала и опрометью выбежала из квартиры. Вмиг ее накрыла волна ужаса, с которым она не смогла совладать, и выскочив из дома в стужу в одном лишь красном платье, она побежала в метель куда глаза глядят. Ей просто хотелось все прекратить, и она бросилась с моста, даже не успев подумать о том, что она делает... Успокоительное сыграло свою роль...

Глава 40. Роковая встреча

Владимир Серебряков уже в который раз бродил по таинственному лабиринту подземелья Дома на Набережной. Он, равно как и Любовь Романова, поставили себе цель выяснить тайну безжалостного маньяка и отомстить. За покончившую с собой Марию, за кощунственно убитых им людей. Освещая себе путь мощным фонарём, Серебряков искал в подземелье следы убийцы, так как не сомневался, что именно так — через подземные ходы — маньяк и проникал в дом.

Подземные ходы казались бесконечными и разветвлялись на множество рукавов. Серебряков не единожды заглядывал в келью, в которой маньяк когда-то пленил Любу, но там он ни разу так и не появился.

И вот в один из дней Серебряков наткнулся ещё на одну келью в другом рукаве лабиринта. И в этой келье был человек... Увидев Серебрякова, сидевший в пещере мужчина вскочил и бросился бежать. Капитан бросился за ним. Убегающий был быстр, но отличная физическая подготовка Владимира сослужила ему отличную службу. Через несколько минут он настиг беглеца, и они покатались по земле в рукопашной схватке. Они боролись в полной темноте, рискуя

выбить друг другу зубы или выколоть глаза.

Владимир уже начал одолевать беглеца, как вдруг почувствовал у себя на животе холодное лезвие ножа, который через секунду вонзился ему в живот. Серебряков ощутил адскую боль и липкие струи крови, полившие из раны. Владимир слабел с каждой секундой, но успел вырвать из рук нападающего нож и ударить его в грудь. Незнакомец вскрикнул, и на его одежде выступило кровавое пятно. Бросив Серебрякова, он, пошатываясь, побежал в темноту лабиринта и вскоре скрылся из виду.

* * *

Молоденький лейтенант ворвался в кабинет Романовой без стука. Глаза юноши округлились от возбуждения.

– Любовь Николаевна, Серебряков пропал!

Услышав эту мрачную новость, Люба ощутила, как у неё буквально замерло сердце.

– Ну, вот и доигрались. Сначала Маша, теперь Володька. Она теряет самых близких, а убийца гуляет на свободе, принося на алтарь своего костра жизнь за жизнью.

Но Люба и виду не подавала, какое отчаяние охватило её душу. Не время было рыдать, нужно было дей-

ствовать. Возможно, ещё не поздно, возможно, они успеют...

Люба знала, чем занимался в последнее время Серебряков, и куда нужно было идти. Через пять минут её бригада выехала к Дому на Набережной и спустилась в его мрачные подземелья.

– Володя, Во-ло-дя-а-а! – Крики ищущих глухо раздавались в подземных лабиринтах, но на них никто не отзывался.

Тут можно бродить вечность, – в отчаянии подумала Люба, и вдруг увидела в нескольких шагах от себя лежащее тело.

– Володька, – быстрее молнии пронеслась в голове мысль. – Но почему лежит? Мёртв?

Она подбежала к лежащему капитану и затормошила его. Но глаза Серебрякова были закрыты – мужчина был без сознания.

* * *

Строгий на вид хирург вышел в коридор после сложной трехчасовой операции. Всё это время Люба сидела под дверью операционной и молилась. Она говорила Богу о том, что сделает что угодно, лишь бы он, её Володька, выжил. Она корила себя за то, что плохо с ним обращалась, что игнорировала его

чувства, была равнодушна и холодна, обещала измениться.

– Володя, Володечка, – я только сейчас поняла, как я тебя люблю. Если я тебя потеряю, я этого не переживу. Ведь кроме тебя, у меня никого нет. Ты самое дорогое, что у меня есть в этой жизни!

Любе казалось, что она говорит это про себя, но на самом деле её губы шептали эти трогательные слова любви вслух.

Люба бросилась к врачу.

– Ну что, он жив?!

– Жив, курилка, – утомлённо сказал хирург. – Но он потерял много крови, сами понимаете, случиться может всё, что угодно. Теперь нужно только ждать и молиться.

Глава 41. Когти Дьявола

Юлия Корнилова не спеша прогуливалась по вечерней Москве. Она любила это время – время сгущающихся сумерек, когда в городе зажигаются яркие огни реклам и может случиться всё, что угодно.

Внезапно возле прогуливающейся девушки остановился роскошный мерседес и двое мощных мужчин, выскочив из машины, схватили её под руки и посадили её в машину. Юлия не привыкла бояться чего бы то ни было в своей жизни, и любое событие воспринимала как интригующее приключение. Деньги её отца, как правило, спасали её в любой ситуации. И она любила риск. И поначалу восприняла всё происходившее без капли страха, как обычное приключение.

Юлию усадили на заднее сидение, по бокам её руки держали два дюжих молодца, не давая пошевелиться. Водитель даже не обернулся. Ехали в полном молчании. Говорила только Юлия, требуя сказать, куда её везут, но ей никто не ответил. Где-то минут через сорок Юлии воткнули в рот кляп, закрыли глаза непроницаемой повязкой, укутали плащом, набросив на голову капюшон и повели. К тому времени уже совсем стемнело, и вряд ли кто-то обратил бы внимание на женщину с глубоко наброшенным на голову капюшо-

ном. Юлию завели в какое-то помещение и заставили спуститься по лестнице. И ещё долго-долго вели куда-то.

Когда Юлии разрешили снять повязку, она невольно вскрикнула. Она находилась под землёй, в какой-то земляной пещере. И её окружали люди, словно пришедшие из средних веков – в красных просторных мантиях, с большими крестами на груди и с очень серьёзными выражениями лиц. А на стене пещеры висело много инструментов. Их назначения Юлия пока не знала, но почему-то догадалась – это были орудия пыток.

И только теперь девушка по-настоящему испугалась.

Похоже, ты попала к каким-то безумным религиозным фанатикам. И сейчас они будут тебя пытать, а потом сожгут на костре. И когда языки пламени охватят твоё тело, они просто уйдут и забудут о тебе, а ты будешь корчиться в огне, испытывая адские муки. И никто ничего не узнает, потому что об этом подземелье неизвестно никому.

– Юлия Корнилова, – внезапно раздался в ночной тиши громкий грозный голос. – Помнишь ли ты вещее предзнаменование, данное тебе монахом в Бангкоке? О том, что ты встретишь Дьявола, – человека, который накажет тебя за все твои грехи, ибо ничто в этом

мире не делается безнаказанно? Так вот, я и есть тот Дьявол, которого тебе суждено встретить. Молись, дева, ибо пробил твой последний час!

К Юлии подошёл необыкновенно высокий человек, ростом под два метра, и, обхватив тонкую шею девушки, приподнял её над землёй. Юлия отчаянно забила ногами, задыхаясь от железной хватки верзилы в багровой мантии.

— Мы будем пытаться тебя, а затем судить за твои грехи. И после этого приведём приговор в исполнение. Готовься, ибо не будет тебе ни прощения, ни спасения.

* * *

Глеб Волшанский, владелец самого модного модельного агентства Москвы, решил расслабиться и устроить себе ночь любви. Он снял троих ночных бабочек — впечатляюще красивых девушек, готовых на любые сексуальные эксперименты, и забрался с ними и ящиком розового шампанского в свои роскошные апартаменты. Из ресторана им доставили самые изысканные яства, так что Глеб чувствовал себя падишахом, у которого в услужении были три прекрасных наложницы. Девушки действительно знали своё ремесло на уровне искусства, и развлекали своего вре-

менного повелителя не хуже восточных наложниц.

А затем началась оргия. Глеб задыхался от ласк трёх страстных нимф, чьи объятия были слаще мёда и опьяняли сильнее вина. А затем, исчерпав запасы своей мужской силы, Глеб Волшанский уснул в компании троих прекрасных дев.

* * *

На следующее утро в райотдел района Отрадное явилась известная в городе путана и заявила, что у неё есть важная информация, которую она желает обменять на свободу брата-хулигана, посаженного на три месяца за решётку.

— Вчера я была у клиента, — рассказывала девушка, — у которого была забинтована грудь. А я ведь знаю, что в милицию принято сообщать о травмах такого рода. Не знаю, сообщил ли врач, но я пришла передать вам эту информацию. Брата-то выпустите?

В райотделе уже была заявка на розыск человека с ножевой раной на груди, так что через десять минут майор Романова была уже в курсе, что, возможно, их подозреваемый нашёлся.

Через полчаса бригада уголовного розыска арестовала по подозрению в серийных убийствах одного из самых известных бизнесменов Москвы и бывшего

возлюбленного Марии Евдокимовой – Глеба Волжанского.

Глава 42. Расплата за грехи

Юлию Корнилову никогда не били. И вот это время наступило. Привязанную к дыбе девушку жестоко истязали кнутом. Её пронзительные вопли разносились в подземелье, но наверху их никто не слышал.

Юлия была в отчаянии. Впервые в жизни деньги и власть отца оказались бессильны. Её жизнь была под угрозой, а ей на помощь никто не спешил.

Тебя здесь убьют и бросят. А через время твоё тело сгниёт и станет обиталищем могильных червей... А еще через некоторое время от него вообще ничего не останется, как будто тебя никогда и не было на этой грешной земле...

– Умоляю, – закричала Юлия, – умоляю, прекратите! Не нужно пыток! Я сделаю всё, что вы хотите! Мой отец очень богат, он заплатит за меня любые деньги. Только отпустите!

Впервые в жизни Юлии изменила гордость. Девушка ползала перед своими палачами на коленях и умоляла не мучить её. А окружавшие её люди в странных одеждах лишь безмолвно взирали на её мучения.

– Для начала расскажи нам все как на духу, – наконец, раздался голос человека, называвшего себя Дья-

волом. – Почему ты стала такой озлобленной, почему издеваешься и мучишь всех, кто тебя окружает?

– Я сирота, – начала свою исповедь Юлия. Мою мать убили, когда я была ещё совсем крохой. Удушили газом. Она умерла в мучениях на моих глазах.

Я никак не могла забыть выражения её лица, её глаз, пока она умирала. Это стало моим пожизненным кошмаром. И когда я немного подросла, лет в десять, я дала себе клятву отомстить. Отомстить этому жестокому миру и прежде всего мужчинам за то, что они убили мою мать, за то, что искалечили отца. Ведь он потерял способность любить и на всех женщин смотрит лишь как на игрушки для развлечения! И я дала себе клятву стать королевой. Самой красивой, самой роковой, самой желанной. И мучить мужчин, этих мерзких самцов, которые не гнушаются в этом мире ничем ради своей власти – даже убийством! – Юлия на миг гордо выпрямилась, но потом вновь со страхом взглянула на своих мучителей.

Какое-то время среди них царило молчание. Затем они начали перешёптываться. И, наконец, девушке был торжественно оглашён приговор:

– Юлия Корнилова, – за причинённое тобой окружающим зло, за косвенную вину в гибели многих мужчин, ты приговариваешься к смертной казни.

Последнее, что Юлия увидела перед тем, как поте-

рять сознание, был шприц, содержимое которого ей
вкололи прямо в шею.

Глава 43. Кровавая исповедь

Любовь Романова сидела у постели Серебрякова и ласково, почти молитвенно гладила его руку. Владимир уже отошёл от последствий операции, и теперь ему осталось только выздоравливать. И выздоровление это продвигалось семимильными шагами, так как, хотя Серебряков и боялся поверить своему счастью, но, кажется, Снежная Королева растаяла и превратилась в обычную влюблённую женщину.

Об этом свидетельствовали такие факты, как то, что Романова день и ночь сидела возле постели раненного, прикармливала его вкуснейшими яствами домашнего приготовления, гладила его руки и смотрела на Володьку так, как только может смотреть любящая женщина.

Конечно, Любовь сопротивлялась слишком ярим попыткам Володи выразить свою нежность, но уже далеко не так яростно, как когда-то, и порою между ними проскальзывал лёгкий поцелуй. А когда Владимир стремился заключить её в объятия, сама осторожно прикасалась головой к его груди, чтобы он ненароком не порвал неосторожным движением наложенные на живот швы.

От всего происходящего Владимир был на седьмом

небе от счастья, и врачи уже не сомневались в его скорейшем выздоровлении.

* * *

Глеб Волшанский с закованными в наручники руками, опустив голову, сидел перед следователем по особо важным делам майором Любовью Романовой, испепеляемый её гневным взглядом. А вот во взгляде Глеба царила безучастность.

– Рассказывайте, – наконец бросила Волшанскому Люба. А будете молчать, здесь с вами церемониться не будут. Вы же не мальчик, наверное, знаете, как менты могут выбивать признания?

Глеб вздрогнул.

– Нет, – зябко поёжившись, покачал головой мужчина, – я не собираюсь ничего скрывать. Наверное, если бы меня не схватили, я бы покончил с собой. Уже не было никаких сил жить этой двойной жизнью... с этим грузом на душе...

– Но как? Как вы могли?! – вскинулась Люба. – Уважаемый человек, состоятельный бизнесмен, известный всей Москве. И... три зверских убийства?! И угрозы, преследования и доведение до самоубийства Марии Евдокимовой – вашей воспитанницы, вашей Галатеи, вашей возлюбленной, наконец! За что? Вы что

– сумасшедший?!

– Возможно, – мрачно протянул Глеб. Знаете, у меня была очень суровая мать. Она наказывала меня, унижала. Я обязан был часами стоять в углу на коленях за малейшую провинность, меня часто секли, так что, возможно, с тех пор я и возненавидел женщин...

– Но Мария-то что вам сделала? – продолжала возмущаться Любовь.

Глеб снова вздохнул.

– Да ровным счётом ничего. Она виновата только в том, что была слишком красивой, слишком обаятельной, слишком способной, и затмила своей красотой другую девушку, у которой был властный и очень очень богатый отец. Деньги в наше время делают всё, знаете ли... Женщины готовы на все ради денег, но вы даже представить себе не можете, на что ради них готовы мужчины...

– Так, – снова собравшись с духом, сухо продолжила Любовь. – А вот теперь рассказывайте всё с самого начала и как можно подробнее.

– Когда я встретил Марию, – начал Глеб, – мне показалось, что я встретил женщину своей мечты. Единственную. Когда она врезалась в меня и подняла на меня свои заплаканные глаза, светлые и глубокие, как волшебные озера, у меня даже сердце замерло... Я помню этот миг. В буквально смысле слова замерло.

Как пишут в книгах... Она была так красива, так женственно-прекрасна... Как фея... Я женат, но я не люблю свою жену. Женился на ней скорее по расчёту – её деньги дали старт моему бизнесу. А вот Машу я любил... Больше всего на свете...

– Любили?! – снова возмутилась Романова. – Да ведь вы её с ума свели и довели до самоубийства! А если бы она не покончила с собой, вы убили бы её сами!

– Да, любил, – равнодушно подтвердил Глеб. – Пока она не предала меня... И не спуталась с этим размазней из кинофильмов... Александром как его там? ... И как раз тут вмешался отец Юлии Корниловой, и все мои чувства уже не имели никакого значения перед давлением этого зверя.

– Та-а-к, – протянула Любовь, – а Корнилов-то тут причём? Он вполне порядочный человек.

– Порядочный... – так же равнодушно согласился Глеб. – Но при этом бывший бандит с огромными деньгами, который полмира на них купить может. И все эти бандитские замашки у него остались. Если перейти ему дорогу, он превратится в танк, который размажет тебя по асфальту и не заметит.

– Да рассказывайте же уже всё по порядку, – прикрикнула на Глеба Романова. Хватит ходить вокруг да около!

– Всё началось с того, – всё так же апатично продолжил Глеб, – что я проиграл в казино крупную сумму денег. Настолько крупную, что это грозило мне разорением. Видите ли, игра – моя слабость...

Так вот, Роман Витальевич Корнилов заплатил за меня долг и поставил в полную зависимость от себя. Теперь я был должен ему, что было зафиксировано даже документально. Долг он пообещал простить и даже заплатить мне ещё очень крупный гонорар, если его дочь Юлия прославится и станет самой известной моделью России. Так бы и было, если бы не Мария...

– Понимаете, с Юлией я работал по найму, а с Марией, потому, что любил её. Я выпестовал из неё профессиональную модель, как Пигмалион вылепил из глины свою Галатею. Но когда Мария стала действительно известной, то этим она перешла дорогу Юлии Корниловой, о которой уже начали забывать. И тогда Юлин отец пришёл ко мне снова и угрожал закатать меня в бетон, если я не исправлю ситуацию. И я ни секунды не сомневаюсь, что он не шутил...

– Мне нужно было что-то срочно предпринимать, и я начал действовать. Но не думайте, я не хотел её смерти. Я лишь хотел, чтобы она ушла из модельного бизнеса, но мои действия получились слишком радикальными... и вот её нет, – в этот момент у Глеба на глаза навернулись слёзы и, казалось, что голос его

задрожал и стал тоньше, чем обычно.

– Вытрите свои крокодильи слёзы и продолжайте, – сердито прикрикнула Люба, чтобы привести его в себя.

– Хорошо. Сначала я заразил Марию опасной инфекцией. Нет-нет, я не хотел, чтобы она умерла или её покалечили. Просто думал, что после этой болезни ей уже будет не до показов, и она отойдёт от модельного бизнеса. Но я ошибся. Инфекция оказалась очень опасной, она едва не умерла, ей грозила ампутация конечностей, и тут как черт из табакерки появился этот слюнтяй... Сашенька... Благодаря ему Мария вылечилась и вернулась к работе еще более красивой, более желанной, более сексуальной. Влюблённые женщины, знаете, преображаются в мгновение ока...

– Но кто мешал вам просто уволить её?! Зачем были нужны такие крайности?

– Если бы я её уволил, её взяли бы на работу в любое другое агентство Москвы, и Юлии было бы снова не угнаться за ней. Марию уже знала вся страна, она была слишком известна.

– Ну а убийства? Причём здесь ваши игры с Юлией и Марией?

– Когда затея с болезнью не удалась, я решил свести Марию с ума. Ну, временно, конечно, а не на всю

жизнь. Её бы поместили в специальный санаторий, где внушили бы, что она не создана для работы моделью, что ей нужно беречь свои нервы. И тогда она занялась бы чем-то другим и постепенно её слава модели затухла бы. Так она могла бы к тому же остаться моей любовницей...

— И как это всё было связано?

— Я не придумал ничего лучше, чем инсценировать сцены преследования, вообразив себя режиссером человеческих судеб, и не жалея на них ни времени, ни денег, ни сил. Первая была в Париже, где я нанял особенный грузовик и дрессированного тигра. У Маши создалось впечатление, что её преследуют. Затем подбрасывал устрашающие записки. А когда увидел, что ничего не действует, поселил Марию в квартиру в Доме на Набережной, за которым с момента закладки его фундамента в средневековье, тянется дурной шлейф, и начал устраивать различные мистификации, как, например, и со скребущимся в двери чудовищем. Рассказывал ей легенды о мрачном доме, в котором полно призраков. Этого было достаточно. Остальные мистификации Маша додумала сама. Я свёл её с психиатром, которому заплатил за нужный рецепт специальных таблеток, вызывающих галлюцинации. Тогда Марии начало казаться, что это сам Дом её преследует. Благо, что история у Дома на На-

бережной вполне подходящая...

– Ну а убийства?! – это всё тоже для воздействия на Марию?!

– Да, – вздохнул Глеб. Иного мотива у меня не было. Те женщины были стары, одиноки и никому не нужны. Я избавил их от страданий одинокой старости... Одиночество – тяжкое бремя, и люди часто устают от него, мечтая о смерти, но у них не хватает силы воли покончить с собой. Или они боятся прогневить бога и стать неприкаянной душой, застрявшей навечно между мирами, или попасть в ад... Вот я и помог им... Они должны быть мне благодарны...

– А мальчик-подросток? Он ещё только начинал жить!

– Он ведь тоже никому не был нужен, – заявил Глеб. – Он инвалид-дэцепешник, родители – непутёвые алкоголики. Что его ждало в этой жизни? Я постарался и сделал все, чтобы он не мучился. Просто угостил его газировкой с ядом...

Любовь оцепенела от такой бессмысленной жестокости. Раскольников нашёлся! А они, глупцы, всё мотивы искали. А тут, видите ли, он решил, что эти люди просто никому не нужны, и никто не будет сожалеть об их гибели... А они сами будут ему еще и благодарны и замолвят за него парочку слов перед господом Богом...

– Ну, с этим ясно, – пересилив себя, продолжала допрос Любовь. – А что это за дурацкие знаки на телах и в записках? Тигр, роза, «Шанель № 5»? Что вы хотели этим сказать?

– Тигр – это просто тотем, тот, кем бы я хотел быть в фигуральном смысле. Мощный, уверенный хищник, который умеет взять от жизни все. Ну и образ для устрашения Марии, конечно. А сломанная роза – известный символ самоубийства. Этим я намекал на шаткость человеческой психики. Но клянусь, я не желал, чтобы этим для Марии всё обернулось. Я лишь хотел устранить её, заставить прекратить выступать. Так бы я получил свои деньги, и смог бы избежать чудовищной расправы, которой мне грозил Корнилов.

– А вот добились именно этого, – печально заметила Любовь, – и на ее глаза набежали слезы по потерянной подруге. Мигом справившись с собой, она продолжила:

– А розы, которыми была заполнена квартира в тот день, когда она сбросилась с моста? Как Вам удалось узнать, что она это сделает и как возможно ночью доставить так много цветов? И главное – зачем?..

– Я следил за ней в тот вечер и видел, как она прыгнула с моста. Может вам это покажется излишне сентиментальным, но это было в память о нашей любви и моей скорби по ней...

Любовь сглотнула ком, подступивший к горлу, и, ничем не выдавая своих чувств, продолжила:

– И последний вопрос. Как Вы проникали в квартиру, да еще с этими цветами, никем не замеченным?

– В дом попадал из подземелья. Через подвальный люк попадал в 11-тый подъезд дома. Это был подъезд без квартир, но с тайными коридорами между стенами квартир, которыми можно было добраться в любую часть дома. Через него чекисты могли проникнуть в любую квартиру, добираясь к ней на грузовом лифте. В каждой квартире есть потайная дверь или люк, через которые можно забраться в комнату, миновав входную дверь... Ну а цветы... на меня работает много людей, я плачу им хорошие деньги и они никогда не задают никаких вопросов...

– Ну, вот мы всё и разгадали, – вздохнула Люба. – Как все нелепо и банально... Деньги... Власть... Бизнес... Уязвленное самолюбие... Только Марию этим уже не вернёшь...

Глеб сидел, по-прежнему опустив голову.

– Что теперь со мной будет? – тихо спросил он.

Да что же будет? – задумчиво ответила Романова, как будто говоря сама с собой. – Посадят в тюрьму. Очень надеюсь, что дадут пожизненное. И знаете что? Мне лично очень жаль, что смертная казнь в России отменена!

Глава 44. Грешники

* * *

Юлия открыла глаза и увидела, что лежит дома, в своей постели, возле неё хлопочет миловидная девушка в халате медсестры, а отец сидит рядом и грустно рассматривает её лицо.

– Папа – удивлённо протянула Юлия. – Я дома? А как же...

Девушка не успела договорить, потому что отец, несказанно обрадованный, что Юлия очнулась, заключил её в свои объятия.

– Юленька, родная, они вернули тебя! Даже денег не взяли, приказали лишь, чтобы ты изменила свою жизнь. Сказали, что в следующий раз, если придётся тебя судить, они уже тебя не отпустят... Ты была без сознания пару дней, и я страшно переживал. Но теперь всё будет хорошо! Мы уедем, отдохнём от этого столичного шума. Как тебе Шотландия, например? Там так тихо, спокойно...

Юля согласно кивнула головой и, упав в объятия отца, разрыдалась.

Эпилог. Чудо

Александр уже собирался уходить, когда внезапно раздался звонок. Мужчина открыл дверь и зашатался. Перед ним живая и невредимая стояла девушка необыкновенной красоты. На какой-то миг Александру показалось, что он сходит с ума.

– Маша?!

И тут девушка улыбнулась прекрасной, светлой, лучезарной улыбкой, которой могла улыбаться только Мария Евдокимова, любимица всей страны, и бросилась Александру на шею.

– Сашенька, как же я по тебе соскучилась! Как же я ждала этой встречи!

Александр попятился назад в квартиру и упал на диван. Ему хотелось задать ей миллион вопросов, но он потерял дар речи. Мария, которую они уж месяц как считали без вести пропавшей, по которой так горевали, после гибели которой он еле поборол искушение наложить на себя руки сам, «воскресла из мёртвых» и стояла сейчас перед ним живая и невредимая. И более того, кажется, её слова говорили о том, что она любит его!

Александр метнулся к Марии, которая сидела с ним рядом и улыбалась, и, не веря своим глазам, начал ощупывать её.

– Маша, Машенька, как же я счастлив! Неужели это

не сон и ты жива?!

Мужчина целовал лицо и руки Марии снова и снова, а затем крепко прижал к себе, словно страхась того, что она сейчас снова исчезнет – растворится в воздухе, словно её и не было никогда.

А Мария не собиралась никуда исчезать и только счастливо смеялась, видя, как Саша счастлив от её появления.

Наконец, убедившись, что девушка на самом деле реальна, Александр решился спросить:

– Маша, Машуля, любовь моя, но как тебе удалось?..

«Любовь моя» – как это словосочетание ласкало слух! Раньше ее никто никогда так не называл... Это было чудесное ощущение, как будто перед ней распахнулись двери рая... «Любовь моя!» – повторила она про себя, а вслух сказала:

– Просто мне повезло, – рассмеявшись, начала объяснять Мария. – Когда я тогда прыгнула с моста в воду, за мной тут же прыгнул прохожий, которому в тот вечер нечем было больше заняться, кроме спасения глупых утопающих. Ну вот, вытащил он меня, откачал и потащил на такси к себе домой.

У него я пришла в себя, отогрелась, ну а там, решив, что мне вся эта история до смерти надоела, решила переждать у моего спасителя то время, пока не

отыщется убийца, и весь этот ужас не прекратится. Ну, вот и дождалась, – вздохнула Мария. – Саша, кто бы мог подумать, что это окажется Глеб?! Я же любила его! Считала своим ангелом-хранителем... – при этих словах выражение ее лица резко изменилось и глаза вмиг стали грустными и печальными...

Какое-то время они молчали. Затем Мария заговорила снова:

– Саша, Сашенька, – ты прости меня, дуру, что я так поступила. Спряталась от всех, ничего тебе не сказав. Теперь я понимаю, что ты единственный, кто меня любит на этом свете. Даже не представляю, что тебе пришлось пережить, когда все решили, что я умерла. Прости, прости меня! – Мария схватила руки Александра и начала покрывать их поцелуями. Но Александр прервал её.

– Забудь об этом, родная моя. Я все понимаю. Это был последний кошмар в твоей жизни. Самое главное, что теперь ты жива, а убийца – за решёткой. Теперь уже ничего не помешает нашему счастью!

Мария подняла на Александра свои прекрасные сиене-изумрудные глаза, и их губы слились в поцелуе, разомкнуть который могла лишь вечность. Вот уж действительно, чудеса случаются! Нужно только обязательно в них верить! Верить, несмотря ни на что!

О серии

В серии «Городская легенда» совершенно невероятным образом переплетаются события прошлого и настоящего. Исторические факты, мифы и современный динамичный многоплановый сюжет придают повествованию особый шарм и колорит. Городские легенды, ненавязчиво наложенные на современный сюжет, позволяют вам не только насладиться чтением, но и узнать интереснейшие исторические факты, связанные с различными местами.